

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 8 (242)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 8 (242). – 190 с.

© ИИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.П. Шмелёв.</i> Россия в дилемме Востока–Запада через 50 лет	5
<i>Игорь Котин.</i> Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога.....	28
<i>А. Юнусова.</i> Национальная политика и этноконфес- сиональные процессы в Башкортостане в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»	56
<i>Ирина Кузнецова.</i> Формирование социального капитала мусульман: Роль благотворительности.....	64
<i>Е. Бабошина.</i> Конфессиональный фактор в межнациональ- ных отношениях (на примере Республики Дагестан).....	77
<i>С. Суцкий.</i> Современный Северный Кавказ – системный кризис или инерционное развитие?	81
<i>Лаура Ерекешева.</i> Современные аспекты развития ислама и христианства в Республике Казахстан	87
<i>Лариса Хонерская.</i> Россия и Киргизия в учебниках Киргизской Республики	97
<i>Алексей Малащенко.</i> Таджикистан: Долгое эхо гражданской войны	109
<i>Игорь Филькевич.</i> Особенности роста экономического потенциала Республики Узбекистан	119
<i>Сергей Николаев.</i> Центральная Азия в geopolитических планах США	125
<i>Леонид Васильев.</i> Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии	141
<i>Р. Омаров.</i> События «арабской весны» в контексте внешней политики Исламской Республики Иран	152
<i>О. Пересыпкин.</i> Йеменская Республика: Назад в будущее	161

B. Евсеев. О двойственности роли армии на Большом Ближнем Востоке	172
T. Джакоби. «Мусульманская угроза», насилие и деполитизирующие элементы «нового культурализма».....	183

Н.П. Шмелёв,

академик РАН, директор Института Европы РАН

РОССИЯ В ДИХОТОМИИ ВОСТОКА–ЗАПАДА

ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

*Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность»
тогда внезапно постигнет их пагуба...*

Первое послание святого апостола Павла
к Фессалоникийцам, 5:3.

Прежде чем прогнозировать, что ждет Россию через 50 лет, приведу несколько выдержек из этого интервью. На вопрос, можно ли было предвидеть этот глобальный кризис, я откровенно сказал: в США – да, у нас – нет. Мы могли бы избежать кризиса, только вернувшись в Средневековье: закрывшись от всего мира и введя монополию на внешнюю торговлю. Но это мы уже проходили, 70 лет были отгорожены стеной от всех. Хорошо, что у нас провозглашена социально ориентированная экономика. Очень хорошо. Только сразу прийти к этому не удастся. Такова реальность.

Последние 10–15 лет наша экономика была самой (!) социально несправедливой среди всех цивилизованных государств. Хроническое недоверие друг к другу, к бизнесу и государству родилось при правительстве Гайдара, которое лишило население 95% их сбережений (даже Сталин в 1947 г. «ограбил» людей не так жестоко). Хорошо, что сейчас повышенены гарантии по вкладам до 700 тыс. руб. Хотя можно было бы позволить себе и 100%, выплату, как кое-где в Европе. Без рынка и кредитов уже нельзя. Их брали для покупки угодий, домов, яхт и футбольных клубов. А, к примеру, в геологоразведку нефтяных месторождений средства почти не вкладываются. Значит, через 10–15 лет страна останется без сырья? А вы, господа, все на Майами? Может, внуки нынешних олигархов более интеллигентно будут вести дела? А пока нет

ни культуры пользования богатством, ни вкуса, ни правил поведения. Сплошной «Куршевель»...

Надо заметить, что «воровская» психология проникла во многие отрасли. Посмотрите – выделили деньги в помощь какому-то предприятию или целой отрасли и сразу дали повод для подозрений, что ее часть обменяли на доллары и увезли за границу. А спасают их вынужденно. Нашу экономику (80% ВВП) все еще определяет олигархический капитал – это стратегическая ошибка предыдущих десятилетий. И если сейчас дать рухнуть крупным заемщикам, то рухнет и экономика в целом. Другой вопрос: почему эти компании занимали на Западе, а не у нас? Почему мы можем дать кредит только под 10–15%, а в Лондоне – под 6–7%? Так что винить во всем только бизнес тоже нельзя. Какими должны быть реальные кредитные ставки по ипотеке? Напомним, что у нас зарплаты в 5–6 раз ниже, чем в Европе, а наценки на товары доходят до 80–100% и выше. Это не влияние кризиса, а бандитизм. Ну нельзя, чтобы квадратный метр жилья стоил 6 тыс. долл.! Полторы – красная цена.

Проблема – в человеческом факторе. Это поколение бизнесменов безнадежно избаловано заоблачной прибылью: в строительстве годовая прибыль – 600%, в энергетике – 300% и т.д. В их кругах считается: если 100% в год себе не обеспечил, ты идиот. А за рубежом 10–15% – уже удача. Так зачем нашим вкладывать деньги в перспективные отрасли, когда им и так хорошо? Без развития же несырьевых отраслей мы нормальные цены не получим. Так и останемся «в обнимку» с картельными сговорами, от которых, кстати, та же Америка давно избавилась. Там, если суд подтвердит факт такого сговора, жестко наказывают. А у нас антимонопольные меры – слезы одни. Значит ли это, что следом накатит очередная волна приватизации? Скорее всего, надо ожидать государственно-частное партнерство. Пока наши «бароны» не научатся вести бизнес на цивилизованном уровне, можно вернуть предприятия государству, а потом их снова продать. В Великобритании так и делают: то приватизируют, то национализируют. Только следующий раунд приватизации надо проводить с учетом ошибок 90-х годов, когда страна заработала всего лишь 9 млрд. долл., а нищая по сравнению с нами Боливия – в 10 раз больше.

И еще. Вас не удивляет, почему половина американского концерна «Боинг» – россияне? Потому что у нас давали по 6 млрд. долл. в год под видом таможенных субсидий ветеранам-афганцам, а бюджет всей науки был всего 150 млн. долл. Сейчас в науку по-

шли деньги. Но их хватит только для поддержания оставшихся с советских времен «мозгов». А средств для привлечения новых я пока не вижу.

Отношение к работягам и крестьянам у «высшего бизнес-сословия» – пренебрежительное. Раньше был бандитский рэкет, сейчас – чиновничий беспредел. В Японии малый бизнес стал развиваться только после того, как банки пошли на риск: тем, кто доказал, что его бизнес-проект перспективен, давали деньги на развитие без процентов. А ведь именно малый бизнес может спасти и российское село.

Что ждать от кризиса? Резервы государства небезграничны, а в неделю тратится по 15–20 млрд. долл. Но не исключено, что от кризиса общество выиграет. Богачам, чтобы выжить, придется поменьше думать о махинациях и побольше – о спросе на товары, которые производят их предприятия. Ведь не будут покупать – не будет и прибыли.

Печальный эпиграф для этой статьи выбран мною не случайно. Думается, он в самой сжатой форме отражает то настроение, в каком живут россияне вот уже более пяти поколений подряд, с начала XX в. по сегодняшний день. Вряд ли какой еще народ в истории пережил за 100 лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовых, тотальных голодовках. Только полномасштабных войн было восемь: японская, Первая мировая, Гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, кавказская, конца ей не видно даже и сегодня. И революции: 1905 г., Февральская 1917 г., Октябрьская 1917 г., невероятная по своим гибельным последствиям коллективизация 1929–1933 гг. и столь же гибельный «сталинский» террор 1937–1938 гг., наконец, нынешняя, «демократическая» революция. По своей «социальной цене» она тоже вполне сопоставима с теми, что были до нее.

Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных сценариев развития России в ближайшие 50 лет – пессимистического и оптимистического – первым в голову приходит именно пессимистический, с грядущей катастрофой и «концом истории» России. К такому выводу подталкивает многое.

Бытует мнение, в определенной степени обоснованное, что российский народ просто «выдохся», надорвался, что ему уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесен войнами и безжалостными экспериментами наших

разномастных революционеров, что в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилёв и др., он уже прошел пик своей «пассионарности» и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше ему взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из того, что было накоплено веками, истрачено в годы большевистского террора и в кровавой мясорубке Второй мировой войны. XX век сломал Россию хребет: доказательством этого стал самопроизвольный (как говорится, «на ровном месте») распад в 1991 г. великой сверхдержавы. В результате – множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально все еще огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является сохранившийся от прежних времен ракетно-ядерный потенциал. Но и он – надолго ли?

Не добавляют оптимизма и попытки представить себе расклад сил на мировой арене в ближайшие полстолетия. Жизнь показала, что надежды человечества на всеобщий мир и «в человеке благоволение» в XXI в. столь же призрачны, что и во все предшествующие времена. Своекорыстный интерес, произвол, стремление решать силой старые и новые проблемы, борьба за geopolитическое пространство – все это как было с древнейших времен, так и остается движущей силой международных отношений вплоть до сегодняшнего дня. И нет сколько-нибудь серьезных оснований думать, что через пару поколений мир научится жить по другим законам – взаимной терпимости, компромиссов, учета интересов как больших, так и малых членов мирового сообщества, объединения усилий всех наций в решении общемировых неотложных проблем.

Наиболее серьезными в перспективе представляются вызревающий уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы – США и Китая. При сохранении нынешней динамики – причем и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах – вполне вероятно, что к середине XXI в. США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнообразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а судя по всему, так оно и случится) и

если ему удастся установить достаточно похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом – Индией, то можно, наверное, говорить (пользуясь критериями «пассионарности») уже не только о «закате Европы», но о начинаяемся закате всей евроатлантической цивилизации.

В этой борьбе России (если исключить возможность ее глубокой самоизоляции и превращения вновь в «осажденную крепость») придется выбирать, с кем ей быть: с США и Евросоюзом или с новым восточноазиатским сообществом, возглавляемым Китаем. И в том, и в другом случае ее ждет подчиненная, подсобная, второстепенная роль ведомого, идущего в кильватере за лидером. Конец «самостоятельной истории» России при таком развитии событий представляется, естественно, лишь вопросом времени.

Другой важнейший и, вероятно, долговременный фактор современной международной ситуации – всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего органическим его порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая – третья – мировая война уже началась, война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как она закончится. Однако в отличие от борьбы двух ведущих мировых центров силы – евроатлантической цивилизации и восточноазиатского сообщества, – эта война вряд ли когда-либо примет вид прямого вооруженного столкновения (тем более с применением всех современных вооружений). Агрессия исламского фундаментализма имеет ту особенность, что она с самого начала нацелена на вооруженную борьбу и, может быть, в конце концов будет так или иначе раздавлена силой. Будет ли такая сила организована в полномасштабную международную союзническую коалицию, ведущую прямую, открытую борьбу на всех фронтах, где ей бросают вызов фундаментализм и терроризм, и будет ли новая Россия активным участником подобной коалиции, представить себе сейчас достаточно трудно.

Но одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и долгостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом:

во-первых, на ее границах с Центральной Азией и Кавказом;

во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким.

Все это, естественно, потребует от России серьезнейшей самоотдачи и, несомненно, как минимум сильно затруднит ее выход из нынешнего системного кризиса.

Наконец, еще одна общемировая угроза, которая и для России на ближайшие полвека останется, по-видимому, весьма актуальной. Речь идет о медленном, но верном расплаззании ядерного оружия по миру и угрозе его применения в каком-нибудь локальном конфликте или в ходе очередной атаки международного терроризма. Потенциальных очагов возможной ядерной вспышки в мире уже достаточно: незатухающий ближневосточный конфликт и надвигающееся ядерное противостояние Ирана и Израиля; углубление иррационального, преимущественно идеологического конфликта между Ираном и США; застарелое соперничество между Пакистаном и Индией, прежде всего по территориальным вопросам; конфликт между Северной и Южной Кореей (вкупе с союзником последней, США); наконец, возможное попадание ядерного оружия в руки самых оголтелых международных террористов, – все это делает мир и в перспективе столь же неустойчивым, каким он есть сегодня. Не важно, далеко или близко от границ России или вовсе внутри ее собственной территории может случиться ядерная вспышка. При любом, как говорится, раскладе, исходя из простого инстинкта самосохранения, Россия вынуждена будет в ближайшие десятилетия отвлекать на цели собственной безопасности силы и средства вряд ли намного меньшие, чем она это делала в советские времена. Что для полуразрушенной в результате скоропалительных реформ страны может оказаться и непосильным.

Разумеется, всех внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия не к усилению, а скорее, к ослаблению России, не перечислишь. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие остройшие проблемы XXI в., как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинство населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евроатлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и пр. Конечно, можно уповать на то, что за 50 лет человечество выработает, наконец, нечто похожее на мировое правительство, которое сумеет взять под контроль эти разрушительные процессы и остановить или, по крайней мере, ослабить вероятный мировой

хаос. Но, судя по прошлому опыту, надежда на подобное развитие событий очень и очень слаба.

Как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном ее облике) связан не tanto с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна, больна наследственно, и примененная к ней после 1991 г. «революционная терапия» лишь усугубила те разрушающие процессы, которые назревали в ее недрах с советских времен.

Первым в длинном списке болезней современной России следует, по-видимому, назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных ее территорий, заметные сдвиги в этнической структуре, отток населения из восточных районов на запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием, прежде всего, искусственных политико-административных причин иммиграцию в ее пределы. И одновременно – возросшую эмиграцию, причем наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своем составе по меньшей мере Восточную Сибирь и Дальний Восток, а возможно, и пояс прикаспийских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI в. – по Лене, по Енисею, а может быть, по Оби или по Уралу – предсказать сегодня не возьмется, конечно, никто.

Но одно очевидно: без целенаправленных общегосударственных усилий (причем с упором именно на государственные инвестиции и поощрительную социальную политику, поскольку стихии рынка решение подобных задач по определению не по силам) преодолеть опасность естественного, не вызванного никакими внешними силами, дальнейшего раз渲а страны невозможно. К сожалению, руководствуясь ультралиберальной идеологией, сегодняшняя власть пренебрегает этой крупнейшей проблемой современности, либо, и того хуже, сознательно ведет дело к избавлению страны от «излишнего бремени», как сознательно был инициирован в 1991 г. развал Советского Союза под тем же предлогом избавления России от «бремени всяких нахлебников».

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (т.е. статистически – за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть

в последние 15–20 лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен: традиционное тяжелое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и т.д.

Надо сказать, что ситуация в стране с точки зрения здравого смысла оказалась абсурдной: когда деньги (т.е. инвестиционные и прочие средства) ей на деле не нужны. И это при тех колоссальных финансовых потребностях, которые она испытывает, для решения самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач. За последние полтора десятка лет, по разным оценкам, от 300 млрд. до 1 трлн. долл. частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. Государство само вывело за рубеж порядка 200 млрд. долл., которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накоплений Стабилизационного фонда и «влило» на самых льготных для Запада условиях в его экономику, а не в собственное народное хозяйство. Политику России стал чуть ли не официально определять невероятный для нормальных людей лозунг: «Чем меньше денег в стране, тем лучше!» Вернутся ли эти эмигрировавшие деньги, основная их масса, обратно и когда? Скорее всего, никогда. Экономика Запада уже успела впитать их и переварить.

Столь же призрачными представляются и упования на внутренние российские накопления. Как известно, самым крупным инвестором в мире является не Рокфеллер, а та старушка, которая отнесла в банк свои «гробовые». Но розничный российский держатель денег дважды, как минимум (в 1992 и 1998 гг.), подчистую ограбленный государством, не доверяет сегодня ни банкам, ни фондовому рынку, ни пенсионным фондам, ни государству вообще, и неизвестно, сколько потребуется десятилетий, чтобы его доверие восстановить. Пока он предпочитает «короткие», а не «длинные» деньги, причем сумма денег, хранимая «под матрацем», сегодня, по оценкам, не меньше той, что вложена в банки.

Того, что остается внутри страны, явно недостаточно для решения ее основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, ну и отчасти те-

лекоммуникации – вот, собственно, и все, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остается еще один потенциально значительный источник средств – иностранные инвестиции. Но для них никакого серьезного интереса Россия как производитель высокотехнологичной продукции (т.е. потенциальный их мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, Евросоюза, стремительно набирающего силу Китая). И еще, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции – от колготок до автомобилей и самолетов. Думается, что России в этом контексте предстоят серьезнейшие испытания с непредсказуемым пока исходом, особенно в связи с ее вступлением в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на внутренних товарных и финансовых рынках. По крайней мере, сегодня в профессиональной прессе на Западе нередко встречаются оценки, что при полном «открытии» России до 90% ее обрабатывающей промышленности просто «ляжет».

Итак, что касается средств для массированного высокотехнологичного «прорыва» России, ситуация выглядит не очень обнадеживающей (если не сказать сильнее). Но не лучше обстоит дело и с побудительными внутренними мотивами для организации и стимулирования подобного «прорыва».

В сфере частного капитaloобразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (прежде всего, из менее перспективных в более перспективные высокотехнологичные, инновационные) России, видимо, еще очень долго придется расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет сегодня такого механизма, и никто не решится сказать, когда он будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую, организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одноточье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в мультимиллионеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры, вроде выпуска пресловутых ГКО с доходностью до 200–300% годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнетается», если ему не светит прибыль меньше 100% годовых (притом что весь мир, как об этом говорилось выше, удовлетворяется 5–15% и считает это нормой). Первое поколение российского бизне-

са (старший и средний возраст), которое сойдет со сцены через 20–30 лет, в этом отношении представляется безнадежным. А будут ли их дети и внуки, которым предстоит действовать во второй четверти XXI в., более цивилизованными, менее алчными, более ответственными перед обществом и страной, – можно надеяться, но уверенности никакой. А вдруг эта болезнь приняла уже хронический, даже генетический характер? Хотя, справедливости ради, надо заметить, что кое-какие надежды в связи с ростом образованности и расширением кругозора нашего делового сообщества вроде бы начинают оправдываться.

Как бы то ни было, приходится констатировать, что, по крайней мере до сих пор, серьезного побудительного мотива для частной инновационной деятельности и ускоренного развития высокотехнологичных отраслей у нас в стране нет. Но при нынешней идеологии, которой все еще руководствуются российские верхи, и состоянии дел вряд ли государство возьмет на себя основное бремя организации подобного «прорыва». Лозунг «как можно меньше государства», тенденция к снижению государственной активности во всех областях экономики – не только в промышленном строительстве, но даже и в инфраструктурных отраслях, фактическое неучастие государства в кредитовании экономики и в поддержке инновационного предпринимательства, в первую очередь малого и среднего бизнеса, наконец, все то же стремление вывести средства бюджетного профицита (кстати, безусловно, преждевременного) за рубеж и только малую часть возросших государственных доходов от мировых цен на нефть пустить в дело внутри страны – все это приводит к выводу, что в реальности в государственном секторе российской экономики действенного стимула к инновационному развитию тоже нет.

И конечно, не придает сегодня оптимизма и третий важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны, – состояние российских «мозгов». Последние 15 лет близорукая политика высшего руководства, если не на словах, то на деле, исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которые были достигнуты в советские времена, – излишество для страны, непозволительная роскошь, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в 10 раз и на образование в 5 раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3% ВВП (во всех высокоразвитых странах сегодня –

2–4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране, уровень зарплаты ученых, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры вытолкнули (и продолжают выталкивать) наиболее талантливую и активную часть нашей творческой интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Между прочим, после массовой эмиграции ученых из Германии в 30-х годах прошлого столетия она до сих пор, вот уже 70 лет, не может в полную меру восстановить свой научный потенциал. Что-то похожее, вероятно, ожидает и нас в перспективе. Даже при благоприятном развитии событий на то, чтобы воссоздать разрушенное (речь идет о материальном обеспечении и, главное, о кадрах), потребуется вряд ли меньше 20 лет. Но это при благоприятном варианте. Пока же страна продолжает движение не вверх, а вниз. И многое говорит за то, что в ближайшие полвека Россия имеет все шансы превратиться в настоящее «мировое интеллектуальное захолустье».

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны. Конечно, ничего похожего на новую «пугачёвщину» или новый 1917 г. ожидать, думается, нет оснований. Россия на поколения и на века вперед более чем насытилась насилием и кровью. Но вот апатия, недоверие к жизни, неустроенность и нищета многочисленных слоев населения, стремительно увеличивающаяся социальная пропасть между немногими невероятно разбогатевшими и основной массой населения, миллионы бездомных, беспризорных, брошенных на произвол судьбы людей, наконец, коррупция и криминал, превратившиеся, по существу, в норму жизни страны, – эти пороки современного российского общества продолжают, как ржа, подтачивать его изнутри.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлете энтузиазма и творческой энергии трудающегося российского человека не то что говорить, но и мечтать нереально. Для «прорыва» необходимо решить основные социальные задачи страны, а именно:

во-первых, ликвидировать глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остается характерной для жизни вот уже по крайней мере четырех поколений россиян, и тем, что получают за такой же труд работники во всех высокоразвитых странах: он, этот разрыв, достигает сегодня величины порядка 6–10 и более раз;

во-вторых, уменьшить до социально безопасного уровня разницу в доходах между верхними и нижними по доходам 10% населения, составляющую у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально

60:1) при 5–6:1 во всех странах, принадлежащих к евроатлантической цивилизации;

в-третьих, построить в стране не некий не виданный нигде социально-экономический мутант, а подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее в себе рыночные и внeryночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей прежде всего в социальной сфере.

Одним словом, с реальной угрозой прекращения «самостоятельной истории» России или ее превращения в историю уже другого государства, безусловно, европейского и безусловно регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Федора Иоанновича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI в. – гораздо более оптимистический.

Прежде всего, исходя из прошлого России, сомнительными кажутся утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась отнюдь не ослабевшей, а напротив, еще более могущественной.

Революция 1917 г., Гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во Второй мировой войне в своей совокупности – если говорить о крови и разрушении генофонда страны – стоили России много больше, чем затянувшийся системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном еще по тем, старым счетам. Некоторые наши генетики имеют, видимо, основания утверждать в этой связи, что потери в генофонде страны за период 1917–1953 гг. будут восстановлены лишь примерно через пять поколений. Но это как раз и придется на середину XXI в.! То есть лицо и динамику развития России будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целости после всех трагических событий и передряг XX в.

Распространено также мнение: для того чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в ее народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причем эта

идея должна быть обязательно духоподъемной, равной по силе и размаху, скажем, идее духовного христианского спасения, или великородственной (вплоть до провозглашения панславизма). Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма и весьма длительную перспективу. Кроме, возможно, одного случая: если Россия вновь подвергнется угрозе массированного нашествия извне. Но при сохранении на должном уровне ее потенциала современных вооружений (в первую очередь ракетно-ядерного щита) такая угроза, чреватая гибелью для всего мира, вряд ли когда возникнет. Если, конечно, человечество по тем или иным причинам не сойдет когда-нибудь с ума.

Не следует ждать появления спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги российский народ, – ей просто неоткуда взяться. Для двух ближайших поколений российского общества (а вероятно, и много дольше) общей целью может быть сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека и его близких. Как моральной основы – этого, представляется, вполне достаточно не только для выхода страны из ее нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина. Примеры известны: Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было.

Вполне возможно, что будущее развитие международной обстановки не будет неблагоприятным для России. Даже в случае усиления международного коллективного регулирования противоречивых мировых процессов (будь то реформированная Организация Объединенных Наций, или «Большая восьмерка» в ее нынешнем, а скорее всего, расширенном составе, или сеть других авторитетных международных организаций), Россия в предстоящие полвека вполне в состоянии выстроить систему независимых, равноправных и взаимовыгодных отношений практически по всем направлениям международной политики.

Возможно даже, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы – США и Евросоюзом – будут все более и более приближаться к отношениям прочного стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимоуничтожения ни Соединенные Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США на будущее представляется возможный (что не обязательно) тесный союз России с их основным стратегическим соперником – Китаем. В то же время в борьбе против новой мировой опасности – международного терроризма – США и Россия объективно уже стали союзниками. В дальнейшем России, по логике вещей, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, в первую очередь в Центральной Азии и, возможно, на Кавказе. Что касается линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций», то в перспективе ее контуры не ясны. Взять на свое содержание (причем на неопределенное время) некоторое число внутренне слабых новообразованных государств США в условиях кризиса вряд ли решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива ее взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он продолжит расширяться. Уж во всяком случае с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Потому, что военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально (присоединение Турции, Балкан, Украины да еще и России – это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа»). Все имеющиеся сегодня разногласия будут, вероятно, со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Более того, процесс дальнейшего «открытия» России (в том числе с вступлением в ВТО) значительно повышает ее привлекательность для Евросоюза как весьма перспективного партнера – и как энергосырьевой базы европейского континента, и как прибыльной сферы приложения капиталов, и как достаточно еще слабого в конкурентном отношении, но довольно обширного рынка, и, наконец, как обладателя пока еще мощного военно-промышлен-

ного и научно-технического потенциала, который, в случае чего, мог бы быть весьма полезен для Объединенной Европы.

Принятая уже сторонами на вооружение концепция «четырех общих европейских пространств», хотя она и аморфна, имеет все шансы в течение ближайших десятилетий превратить Россию в безусловно европейское государство, ни в коей мере не затрагивая ее политическую самостоятельность. Свобода передвижения через все европейские границы товаров, капиталов, знаний и людей, сближение правовых основ государственности, гарантии прав человека – если подобная цель будет достигнута за период смены всего двух поколений, можно говорить о грандиозном историческом успехе, и в первую очередь, несомненно, нашей страны.

Конечно, Россия не только европейская, но и евроазиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно ее восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить свои отношения с лидером восточноазиатского сообщества – Китаем.

История многому учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части его населения в поисках сфер занятости и приложения своих капиталов. К настоящему времени политическая база для долговременного сотрудничества и взаимодействия наших двух стран создана. Есть все основания ожидать, что даже такой сложный, деликатный вопрос, как трудовая миграция (в которой, следует подчеркнуть, заинтересованы обе стороны), со временем тоже найдет свое нормальное, т.е. договорно-правовое, разрешение, что позволит взять под взаимный контроль и соответственно дозировать стихийно складывающиеся миграционные потоки.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ, остающимися традиционной сферой российского влияния даже после выхода Грузии из Содружества. Конечно, прежний Советский Союз, вероятно, уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в грядущие полстолетия своего рода свободной конфедерации независимых пост-

советских государств, костяк которой составят Россия, Белоруссия и Казахстан и присоединиться к которой, не исключено, смогут и ряд других постсоветских стран, – это вполне, по-видимому, реальная перспектива даже после пережитого кризиса в отношениях с Украиной. Слишком многое и достаточно долго связывало эти страны во всех областях жизни, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства.

Сами по себе эти новообразованные государства по большому счету не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах международной конкуренции вряд ли стоит преувеличивать. И даже в такой специфической области, как энергетика, каспийские и прикаспийские энергоресурсы (которые Запад сегодня рассматривает как резервные на случай широкомасштабного конфликта на Ближнем Востоке или осложнений в Латинской Америке) могут быть эффективно и, главное, надежно освоены лишь в рамках крупнейшего многостороннего международного проекта, не противоречащего, а, напротив, стимулирующего интеграционные процессы на постсоветском пространстве, наряду, конечно, с самым активным участием всех заинтересованных западных партнеров.

Однако безусловная необходимость свободы передвижения на постсоветском пространстве товаров, капиталов, знаний и людей, без чего немыслимо себе представить ни сохранения в этих странах оставшейся от прежних времен экономической специализации (кому еще в мире нужен, например, украинский сахар?), ни поддержания занятости их населения, ни развития их науки и образования, ни тем более серьезного прорыва на новые высокотехнологичные мировые рынки, – это лишь одна сторона вопроса. Другая же состоит в том, что без опоры на взаимное сотрудничество, и в первую очередь с Россией, в ближайшее полстолетия не может быть решен такой исторически наиважнейший вопрос, как обеспечение стран Центральной Азии водой, или реализовано на деле строительство новой системы коммуникаций Запад–Восток, или урегулирована проблема самопровозглашенных непризнанных государств, или, наконец, обеспечены традиционные гарантии существования Армении и той же Грузии, особенно в условиях нарастающей агрессии воинствующего политического исламизма. Думается, что для решения этих проблем инициативы должны исходить не столько от России, сколько от постсоветских госу-

дарств. России же следует навести наконец порядок в собственном доме и отойти от нынешней нейтральной (а иногда даже и деструктивной) позиции в отношении постсоветских партнеров.

Идти в кильватере в будущем России ни к чему. В нарастающем соперничестве США с Китаем нам на самом деле незачем вставать на чью-то сторону, сохраняя максимально добрые отношения с обоими соперниками. Россия, если ей удастся, наконец, преодолеть нынешний внутренний системный кризис, имеет все шансы оставаться и впредь влиятельнейшей, самодостаточной во всех отношениях страной с надежной обороной, мощной экономикой, высокоразвитой наукой и культурой, страной, открытой для делового сотрудничества со всеми, кто проявляет к этому искренний интерес. Между прочим, это касается и ощущимой уже сегодня подспудной борьбы между США и Китаем за доступ в перспективе к разработке российских энергосырьевых ресурсов, особенно в восточных районах страны. Как говорил когда-то А.П. Чехов, «чего толкаться-то? Всем места хватит». И если новая Россия сумеет удержать в собственных руках политический контроль над постепенным своим врастанием в глобальную экономику, ничего, кроме пользы, конкуренция между мировыми центрами силы в подобных областях для страны не принесет.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутриполитическое устройство России. Страна всерьез приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичных, скажем, правам американских штатов или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов – на предстоящее полстолетие не это представляется главным.

Основная задача для двух, как минимум, ближайших поколений – создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно – единственной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI в. (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX – начале XX в. (земство). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной и в финансовом смысле самостоятельной системы местного само-

управления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъем творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то, по крайней мере, на обуздание разъедающих ее изнутри коррупции и преступности. А мелкие локальные конфликты, возникающие по самым разным причинам то тут, то там, будут ее преследовать, по-видимому, еще долго. Показателен в этом отношении пример многостолетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России.

Даже самая болезненная в смысле перспектив проблема страны – демографическая – при соответствующей целенаправленной политике может быть так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества.

Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвленной системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, ликвидации национального позора страны – бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов.

Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток.

В-третьих, нужно устраниć все административные препятствия и, что, может быть, еще важнее, страх в массовом сознании перед иммиграцией на территорию России граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, что именно такая иммиграция может стать одним, если не главным способом заселения пустеющей российской деревни и малых городов.

В-четвертых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить еще Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию иммигрантов из других европейских стран.

Будут ли это выходцы из стран Европы или из Китая, или это будет даже такой экзотический вариант (предлагаемый сего-

дня, в частности, видным российским африканистом А.Б. Давидсоном), как приглашение постепенно вытесняемых из Южной Африки буров и других потомков европейцев, – трудно сейчас гадать. Проблема, несомненно, требует самого добросовестного изучения. Но то, что Россия вновь может стать своеобразным «плавильным котлом» для разных национальностей, каким она практически на протяжении всей своей истории была для многих угро-финских, тюркских, монгольских, кавказских, не говоря уже о славянских, народов, – такую возможность сбрасывать со счетов нельзя.

Вера в лучшее будущее России позволяет думать, что в не столь отдаленной перспективе в ней сложится экономическая система, при которой исчезнет, наконец, во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой предпринимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей не-преложным фактом приватизации: новый передел собственности (не важно, в пользу ли государства или частных лиц) обойдется, что называется, себе дороже, он разрушит только-только наметившуюся в стране стабильность.

Можно, конечно, ожидать, что крупнейшие частные корпорации будут вынуждены предоставить обществу в лице государства какую-то (одноразовую) компенсацию за, по существу, бесплатно приватизированные активы, что вместо существующего распределения рентных доходов от энергосырьевых ресурсов между бизнесом и государством будет выработана новая формула, приближающаяся к той, что действует в таких, например, странах, как Норвегия и Саудовская Аравия. Весьма вероятно, что Российское государство перестроит в недалеком будущем и свою налоговую систему, с одной стороны, освободив от налогов все капиталовложения для расширения или модернизации производства, а с другой – отказавшись от «плоской шкалы» налогообложения частных доходов без различия их уровня и происхождения (такого в мире сегодня, кроме России, нет нигде).

Государство, учитывая наши конкретные условия, должно сосредоточиться на нескольких важнейших экономических функциях, которые еще длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов,

электроэнергетики, водохранилищ, мелиорации, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т.д.

Во-вторых, еще долго (если не всегда) будет существовать необходимость в казенных заводах, прежде всего оборонного назначения.

В-третьих, государство должно стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким оно является во всех благополучных странах.

В-четвертых, без государственной помощи – в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета и пр. – малый и средний бизнес, давно уже ставший во всем мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создается, по различным оценкам, свыше 40% ВВП страны.

Столь же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство или нарождающиеся фермерские кооперативы, или агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этот сектор нигде в мире не обходится – ни в развитых, ни в развивающихся странах.

И наконец, в-пятых, даже в самом «рыночном» обществе наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без решающего участия государства в их финансировании. Российский бизнес не сможет когда-либо взять эту функцию на себя.

Разумеется, как регулятор общего экономического климата, норм и правил государство незаменимо в любой системе. Деньги, бюджет, налоги, валюта, общегражданское и общехозяйственное законодательство – это всегда было и останется прерогативой государства. Никто не оспаривает сам этот принцип, сомнениям и спорам подвергается реализация его на практике, особенно первоочередность задач.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности Российского государства особо важное значение приобретают следующие функции: во-первых, создание самых твердых гарантий неприкосновенности частной, индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и во-все незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборо-

та; во-вторых, восстановление (путем намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе; в-третьих, отказ от абсурдного (такого нет в мировой практике) бюджетного профицита, резко ограничивающего бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким видом; в-четвертых, проведение самой жесткой антимонопольной политики, поскольку безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной все еще не затухающей инфляции.

Определенный оптимизм может внушать и то, что российский «дикий» рынок 1990-х годов начнет понемногу нормализоваться. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, особенно после начавшегося уже глобального финансово-экономического кризиса, к своему закономерному концу. На смену им видится приход новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остается все меньше и меньше сфер бизнеса, обеспечивающих заоблачно высокие прибыли, становится привычной психология «клиент всегда прав», все шире распространяется практика решения хозяйственных споров в судебном порядке, сама собой постепенно исчезает ничем и никогда, казалось бы, неистребимая многомиллионная армия «челноков», все больше появляется признаков того, что социальная ответственность отнюдь не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже прошел путь «первоначального накопления». Как говорил когда-то Л.Н. Толстой, в конце концов «все образуется»: российский бизнес только-только выходит из стадии очень активного, но все-таки детства, и те 5–6% населения, которые во всем мире составляют слой предпримчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии ХХ в. От государства этим людям нужно одно: не мешать им, а помогать, и не менять, по мере возможности, слишком часто «правила игры».

Отдельный, огромный по своему значению для страны, вопрос: как остановить утечку капитала из России, которая, после краткого замедления, в последние пару лет возобновилась с новой силой. Любые административные меры (да и налоговые тоже) могут в этом отношении дать лишь временный и весьма ограниченный эффект. Между тем от решения проблемы прямо и непосредственно зависит будущее страны. Ключевое слово здесь, по-видимому, одно: гарантии. Иначе говоря, твердые государст-

венные гарантии того, что никаких угроз для частной собственности Российское государство не допустит и что в стране всеми силами будет сохраняться политическая, экономическая и социальная стабильность, не меньшая, чем в тех странах, куда наш капитал убежал и продолжает убегать. Создания таких условий требуют и наши надежды на то, что в недалеком будущем вслед за реэмиграцией российского капитала последует приток капитала истинно иностранного, но уже не в экспериментальном, так сказать, а в массовом порядке.

Два поколения – достаточный срок для того, чтобы избавиться от еще одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой оплаты человеческого труда. Доля зарплаты в ВВП страны сегодня составляет 30–32%, во всех экономически передовых странах – 50–70%. Нечего и говорить, как это неблагоприятно оказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и морали. Вынужденное безделье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи – это все в первую очередь порождение бедности, а не его, человека, греховной природы.

Что нужно для проведения социальной реформы? Прежде всего, доведение в ВВП доли оплаты труда до уровня других высокоразвитых стран. Если бы сегодня был принят закон об обязательной минимальной оплате труда, скажем, 3 долл. в час (500 долл. в месяц), это означало бы рост доли зарплаты в нашем ВВП примерно до 40–50%. Конечно, подобный, поистине радикальный сдвиг в социальном устроении страны не может быть достигнут в одночасье. Однако без него трудно рассчитывать не только на резкий подъем производительности труда и оживление экономики, но и на создание какого-то социально устойчивого, эффективного баланса между рыночными и вне рыночными формами предоставления населению жизненно важных социальных услуг.

Будет ли подобный поворот достигнут в процессе цивилизованной парламентской борьбы, или он произойдет стихийно, или он станет результатом оживления широко распространенного в мире трехстороннего социального партнерства (государство – работодатель – профсоюз), – трудно сейчас сказать. Но одно ясно: бедность, преднамеренно насаждавшаяся в течение многих десятилетий в стране, всегда была и остается тем главным тормозом, который не позволяет России занять в мировой цивилизации

место, отвечающее ее масштабам, ее культуре, природным и человеческим ресурсам.

Таким образом, при благожелательном и по возможности непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, еще более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то в лучшее будущее, – так оно было и будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех – и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнеров – стратегический, долгосрочный план развития страны, который, среди прочего, включал бы в себя также и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось куда-нибудь кривая сама вывезет» – этот известный принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно вдруг потерявшей свою прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо нее ничего, что отвечало бы уверенному продолжению ее от века «самостоятельной истории».

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки заглянуть в середину нынешнего века вспомним мысль, высказанную нашим крупнейшим математиком и футурологом, академиком Н.Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): нет смысла загадывать и прогнозировать дальше чем на 15–20 лет вперед, ибо за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что перевернет все с ног на голову. Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за пять лет такое всемирно-историческое событие, как внезапный самораспад Советского Союза? Или трагедию 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, как отреагирует мировое сообщество, если в предстоящие полвека на Землю вдруг опустится корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же места России, будь то в дилемии Востока и Запада или Севера и Юга, можно с достаточной уверенностью сказать лишь одно: через 15–20 лет Россия не сможет идентифицировать себя ни с одним из этих миров. А что дальше будет – то знает, вероятно, лишь один Верховный Судия. По большому счету,

за все авансы и долги придется нашей стране еще долго расплачиваться.

«Триединство России перед близким Востоком и недалеким Западом», М., 2012 г., с. 337–358.

Игорь Котин,

доктор исторических наук

(Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого РАН, г. С.-Петербург)

ИСЛАМ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МУСУЛЬМАНСКО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА

Ислам является второй по значению и числу адептов религией населения России. Это одна из исторических или традиционных религий Российской Федерации. Позиции ислама в традиционных центрах его существования, т.е. в Поволжье и на Северном Кавказе, сильны. Сложнее ситуация в российских мегаполисах, где присутствие мусульман воспринимается как «вторжение», хотя это не совсем верно. Ситуация осложняется все большей интеграцией России в международное пространство и, как следствие, установлением многочисленных контактов российских мусульман с братьями по вере из других стран, в частности из Саудовской Аравии, которые не всегда придерживаются умеренных форм ислама, но могут принадлежать к радикальным движениям в исламе, в частности к так называемым «ваххабитам». В результате подобных конфликтов, а также наличия ряда социальных проблем в современном российском обществе (безработица среди молодежи, особенно сельской, бедность населения отдельных регионов) наблюдается радикализация части мусульман, которые не только с христианами, но и с братьями по вере не желают или не способны идти на диалог. Однако значительная часть мусульманского населения России, ее образованная и материально благополучная элита выступают за диалог с правящей российской элитой и с Русской православной церковью, а также с другими представителями христианских церквей, с хранителями других религиозных традиций. Территорию Российской Федерации можно условно разделить на три типа регионов, в которых вырисовываются три различные модели развития мусульманско-христианского диалога в зависимости от доли мусульман в населении и их роли в местном управлении. Это Поволжье, Северный Кавказ и остальная Россия.

Христианство и ислам являются двумя крупнейшими конфессиями России. История распространения и взаимоотношения этих конфессий отражает основные этапы российской истории, и наоборот, любое важное событие в истории России так или иначе отражалось на судьбе представителей этих двух ведущих конфессий. При этом не следует забывать, что, будучи доминирующими, эти религии никогда не были единственными, а также едиными. Межрелигиозный диалог в российской ситуации – это, прежде всего, хотя и не только, – диалог между представителями христианства и ислама.

В настоящее время приблизительно 33–40% населения Российской Федерации считают себя православными христианами, 10–13% – мусульманами, около 1% составляют католики и протестанты, 0,7% – буддисты и столько же – иудаисты, а половина населения страны сохраняет советское наследие – неверие в Бога. Как мы видим, православные и христиане – главные игроки на религиозном поле России, или, как сказали бы западные религиоведы, на «рынке религий» России. Но в том-то и дело, что как православные, так и мусульманские богословы отвергают понятие «рынок» в данном контексте, подчеркивая историческое доминирование своих конфессий в регионе. Соответственно, регионы исторического доминирования этих двух религий воспринимаются многими мусульманскими и христианскими богословами как исторически обоснованные области принадлежности этим конфессиям, и проблема диалога для многих из них – это проблема проведения границ.

Религия в России считается важным фактором этнической идентификации и политической мобилизации. Ислам остается важнейшим признаком культурной идентификации для этнических татар, башкир, чеченцев, аварцев и многих других групп российского населения, чье число превышает 50. Несмотря на лингвистические и культурные различия между так называемыми «этническими мусульманами», ислам остается основой их культурного наследия. Ощущение общих корней и общих интересов у российских мусульман сказалось на формулировании некоторыми мусульманскими политиками требования введения категории «мусульманин» (или «конфессиональная принадлежность») вместо категории «этническая принадлежность» или наряду с ней. Это требование не было учтено в переписи населения Российской Федерации 2002 г., что и понятно. Политизация религии может привести к непредсказуемым последствиям, а материалы переписи,

бесспорно, будут востребованы и по-своему интерпретированы разными группами российского населения. Мусульманские группы населения Татарстана, например, настороженно восприняли предложение ввести в качестве этнонима название «кряшены», используемое для обозначения христиан татарского происхождения.

Ислам остается религией большинства так называемых «этнических» мусульман Волго-Уральского региона и Северного Кавказа, где он является религией традиционной или «исторической». В Санкт-Петербурге и Москве это также давняя, историческая религия, в российской столице известная с XV в., а в городе на Неве – со временем его создания. Но там она часто трактуется как религия мигрантов. В регионах традиционного доминирования ислам выступает как религия правящей элиты, там исламу отдается предпочтение перед христианством, хотя последнее также остается под покровительством, как защищаемая религия «людей Книги». В Москве и Санкт-Петербурге ислам – религия терпимая, но контролируемая. Создание новых культовых сооружений ислама в столицах требует согласования с центральными и городскими властями, различными министерствами и службами. В регионах, где доминирует православное и атеистически настроенное население, сооружение мечетей вызывает настороженность. На общегосударственном уровне мусульманские лоббисты добились для ислама статуса «традиционной религии» наряду с христианством, иудаизмом и буддизмом. В то же время миссионеры из Саудовской Аравии, и особенно приверженцы салафитской или «ваххабитской» (сами они этим термином не пользуются) формы ислама, требуют признания мусульманского превосходства в мире и в том числе в России.

Среди молодых, нередко неустроенных, бедных мусульман Северного Кавказа эти лозунги порой находят сторонников, реже, но это случается и в Поволжье. Северо-Кавказский регион считается старейшим центром распространения ислама в России. Мусульманские миссионеры были в этих краях еще в VIII в. В государстве Волжская Булгария ислам был государственной религией также очень давно, еще в X в., до прихода в эти края монголов. Вероятно, из Булгара прибыли на Русь и мусульманские миссионеры, которые наряду с иудейскими и христианскими (византийскими) проповедниками поведали о своей вере киевскому князю Владимиру, решившему объединить Русь под знаменем новой веры – единобожия.

Со времен святого Владимира православное христианство является главной религией территорий, населенных славянами. Однако территориальная экспансия Московского государства со времен Ивана Грозного привела к включению в состав наследника Древней Руси – Московского государства территории с мусульманским населением – Астраханского, Казанского ханств. Имперская экспансия с XVIII до начала XX в. включила в состав России Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан. После 1917 г. и особенно с образованием в 1922 г. СССР наблюдается равнодушие всех религий от правящего центра с его коммунистической идеологией, разрушение и разграбление религиозных святынь, конфискация имущества религиозных общин. Немногочисленные оставшиеся действующими религиозные центры находились под строгим контролем атеистического государства.

Развал Советского Союза привел в 1992 г. к образованию независимых государств из числа бывших союзных республик, что, в свою очередь, привело к уменьшению доли мусульман в составе государства – правопреемника СССР – Российской Федерации. Тем не менее и в нынешней России мусульмане составляют крупнейшее религиозное меньшинство.

География расселения российских мусульман. Основные районы со значительным мусульманским населением расположены в Волго-Уральском регионе и на Северном Кавказе. Российские мусульмане доминируют в восьми автономных республиках: Татарстане, Башкортостане, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Дагестане и Чечне. В этих республиках, коренное или титульное население которых исповедует ислам и порой трактуется как «этнические мусульмане», ислам имеет особенно твердые позиции, а исповедующие эту религию обладают своеобразным «административным ресурсом». Как было зафиксировано в переписи населения Российской Федерации 2002 г., этнические группы, считающие ислам основой или частью своего культурного наследия, составляют не менее 10% населения нашей страны. 56 этнических групп из списка, предложенного переписью, традиционно ассоциируются с исламом, и их общая численность составляла в 2002 г. 14,3 млн. человек, что как раз и составляло 1/10 от указанной переписью населения цифры для населения России в 145,1 млн. человек. Этого более чем достаточно, чтобы считать мусульман крупнейшим религиозным меньшинством в России. В то же время, это меньше, чем 20%, а именно о том, что мусульмане составляют 1/5 населения страны, нередко говорят

сами мусульмане. Между тем отказ от включения графы «конфессиональная принадлежность» не позволил определить по результатам переписи процесс обращения в ислам части русских, о чём не так часто говорят представители как мусульманской, так и христианской общин. В то же время исторически давно существовали группы обращенных в христианство татар («кряшены»), а переход отдельных представителей татарской интеллигенции в христианство происходит и сейчас, хотя вряд ли имеет массовый характер. Примечательно, что лоббисты идеи включения категории «мусульманин» в ответы переписи ожидали, что этот ответ заменит и ответ на вопрос о национальности респондента, ибо представление о мусульманах как о членах вселенской общине (уммы) оказалось востребовано в России, жители которой, в том числе мусульмане, долгое время жили в изоляции от братьев по вере. В то же время конфессиональное единство пока что не сняло напряженности между этническими группами, исповедующими ислам, как в Поволжье, так и на Северном Кавказе.

Крупнейший этнос России, представители которого исповедуют преимущественно ислам, – это татары. Их число по переписи 2002 г. составляло 5 558 000 человек. Примечательно, что прирост этой группы составил всего лишь 0,7%, всего на 36 тыс. человек, в то время как число чеченцев за 11 лет (и каких непростых для Чечни!) с 1991 по 2002 г. увеличилось с 899 тыс. до 1 млн. 361 тыс. В общем и целом наблюдается значительно больший прирост населения на Северном Кавказе, чем в Волго-Уральском районе, что способствует росту значения Северного Кавказа как одного из основных центров ислама в России.

Итак, мы в настоящее время говорим о двух главных центрах концентрации мусульман России – Волго-Уральском регионе с 7 млн. «этнических мусульман» и Северном Кавказе с 4 млн. «этнических мусульман», а также об остальной России, где, особенно в городах ее европейской части, сформировалась многочисленная, хотя и трудно уловимая и мало подверженная контролю и учету диаспора народов, исповедующих ислам, представленная многочисленными таджиками, узбеками, азербайджанцами, дагестанцами и др. При этом наибольшая концентрация мусульман вне их этнических территорий – в столицах России, Москве и Санкт-Петербурге. В то же время значительна активность мусульман в российских областях, соседних с Татарстаном и Башкортостаном, о чём можно судить по большому числу в них мечетей. Это может свидетельствовать как о росте мигрантского мусуль-

манского населения в регионах, так и о возрождении национальных традиций среди «этнических мусульман», оказавшихся вне границ «этнических республик».

Этнические различия – не единственные для мусульман России. Доктринальные различия для них также играют роль. Большинство российских мусульман придерживаются норм ханафитского мазхаба (правовой школы) и являются суннитами. Однако часть дагестанцев и чеченцы признают более жесткие нормы шафиитского мазхаба в рамках суннитского ислама. Среди суннитов Северного Кавказа велико влияние суфийских орденов. Сунниты Северного Кавказа и в меньшей степени Поволжья последнее время испытали большое влияние идей ривайвалистского салафитского движения, нередко (но не его последователями) называемого «ваххабизмом». Большая часть азербайджанцев в России (как и в самом Азербайджане) – шииты. Имеет место организация мечетей по принадлежности прихожан к той или иной ветви ислама, этнической группе, мазхабу, течению, что противоречит изначальной эгалитаристской проповеди ислама, но отражает гетерогенность ислама российского.

Таблица 1

Этнические группы, для которых ислам является частью культурного наследия, размером более 100 тыс. человек, по данным переписей 1989 и 2002 гг.

Этническая группа	1989	2002
Татары	5 522 000	5 558 000
Башкиры	1 345 000	1 674 000
Чеченцы	899 000	1 361 000
Аварцы	544 000	757 000
Азербайджанцы	336 000	621 000
Казахи	636 000	655 000
Кабардинцы	386 000	520 000
Даргинцы	353 000	510 000
Кумыки	277 000	423 000
Ингуши	215 000	412 000
Лезгины	257 000	412 000
Карачаевцы	150 000	192 000
Лакцы	106 000	157 000
Адыги	127 000	129 000
Таджики	No data	120 000
Балкарцы	78 000	108 000

Таблица 2

**Регионы с наибольшим числом зарегистрированных
при Министерстве юстиции мечетей
(общее число по стране – 3445) по данным на 2003 г.**

Регион	Число мечетей	Регион	Число мечетей
Татарстан	971	Нижегородская область	62
Дагестан	567	Свердловская область	62
Башкортостан	405	Пензенская область	61
Оренбургская область	129	Курганская область	42
Карачаево-Черкесия	103	Астраханская область	38
Ульяновская область	101	Омская область	36
Кабардино-Балкарская Республика	99	Мордовия	31
Самарская область	89	Саратовская область	25
Тюменская область	84	Московская область	22
Пермская область	75	Адыгея	16
Челябинская область	65	Москва	14

Наибольшее число мечетей зарегистрировано (данные на 2002 г.) в Татарстане – 971. В Дагестане их на 404 меньше, но и населения там существенно меньше, так что мы наблюдаем приблизительно равное число мечетей на душу населения в этих республиках – по одной мечети на 10 тыс. человек. В Башкортостане в 2003 г. было зарегистрировано 405 мечетей, в соседней Оренбургской области – 129, в Карачаево-Черкесии – 103, в Ульяновской области – 101, в Кабардино-Балкарии – 99, в Самарской области – 89, в Тюменской области, исторически имевшей существенное татарское население, в советское время дополненное нефтяниками из Башкортостана, Татарстана и Азербайджана, – 84, в Пермской области – 75, в Челябинской – 65, в Нижегородской и Свердловской областях по 62, в Пензенской области – 61, в Курганской – 42, в Астраханской области – 38 мечетей. Таблица 2 показывает, что еще в ряде областей и республик страны – более чем по 10 мечетей; к регионам с более чем 10 зарегистрированными мечетями относится и российская столица, в которой в 2003 г. было зарегистрировано 14 мусульманских общин, имеющих центры религиозного поклонения – мечети. У нас нет статистики по поводу того, какая часть из этих зданий – построенные по специальному плану мечети, а какая – прочие сооружения, переоборудованные под центры религиозного поклонения мусульман, но, как

правило, в последние годы все больше в России именно специаль-но построенных мечетей.

В Москве есть и суннитские (в столице в 2002 г. было заре-гистрировано 166 тыс. татар) и шиитские (в городе проживало 96 тыс. азербайджанцев) мечети. Однако большое число мечетей в городе или регионе отражает не только значительное там число мусульман, но и степень их влияния. Так, татары в Москве – пред-ставители достаточно старой и влиятельной общины, азербайд-жанцы – успешные предприниматели, «короли фруктово-овош-ных рынков» в российских городах. При этом следует отметить, что ни значение мусульманской общины в том или ином городе или центре, ни количество мечетей там не отражаются на структу-ре их представительства, ибо церковная иерархия не прописана в исламе и является либо наследницей советских (и досоветских имперских) учреждений, призванных контролировать поведение мусульман, либо следствием активной реакции на их существова-ние в постсоветское время.

Государство и мусульманские организации. Мусульмане верят в равенство всех перед Аллахом, и потому любая иерархия в мусульманском социуме осуждается многими мусульманскими богословами. В теории государству и представителям немусуль-манских религий следует вести диалог с уммой в целом. На практике это невозможно. Другая сложность в отношениях между го-сударством и мусульманами заключается в том, что последним трудно признавать немусульманское государство. В Средние века сложились концепции «Дар-уль-ислам» («страна ислама») и «Дар-уль-харб» («страна войны»), из которых первая применялась к странам, в которых ислам является государственной религией, а вторая – к странам (например, государство Великих Моголов в Индии при Аурангзебе), в которых шла борьба за доминирование ислама. Появление позднее категории «Дар-уль-сулх» («страна мира, соглашения») позволяло мусульманским государям заклю-чать мир с соседними христианскими правителями, но не снимало проблемы существования мусульман под властью немусульман-ского правителя. События позднейшей истории, в частности коло-ниальные захваты европейских стран на Востоке, вывели данные вопросы из сферы практики в область схоластики, но возрождение ислама сейчас характеризуется и некритическим принятием нео-фитами или молодыми ривайвалистами всех старых теологических и политологических концепций без учета их контекста. Как след-ствие, мусульманские радикалы оспаривают авторитет российской

власти для мусульман. Между тем за столетия российской государственности были сформированы структуры взаимодействия власти с ее подданными-мусульманами. В Российской империи таким органом было Духовное управление мусульман Российской империи, основанное еще при Екатерине II в 1789 г. Штаб-квартирой Управления был Оренбург, но позднее она была переведена в Уфу. Существование такого органа в регионе распространения ислама делало возможным признание имперской власти легитимной для мусульман России. Духовное управление ведало изданием священной книги мусульман – Корана, другой религиозной литературы, содержанием мечетей и медресе – мусульманских учебных заведений, выступало в роли верховного судебного авторитета для мусульман страны. В то же время частная жизнь и религиозная практика мусульман страны оставались внутриобщинным делом, что соответствовало эгалитаристским установкам ислама. В 1880-е годы при Александре III русификация, коснувшаяся многих жителей империи, проявилась в районах с мусульманским населением активизацией православных христианских миссий. Следует, однако, отметить, что миссии работали преимущественно с населением, еще сохранившим многие пережитки традиционных шаманистских верований и вряд ли попадавшим под категорию «мусульмане». Однако соперничество христианских миссий и мусульманских активистов способствовало разграничению сфер их интересов и «зон влияния». В то же время определенные трения в отношениях между христианскими богословами и мусульманскими муллами иногда чувствовались.

В предреволюционные годы мусульмане России получили возможность политического представительства в Государственной думе. Либерально-демократическая партия татар-мусульман, известная как «Иттифак-ал-Муслимин», получила представительство в Думе в 1906 г. Вскоре число мусульманских представителей выросло до 30, но в 1907 г. упало до восьми. Тем не менее голос российских мусульман был достаточно громко слышен в российском парламенте предреволюционной поры.

Развал Российской империи вызвал у народов мусульманских регионов страны не только разочарование. Часть мусульманских политиков решили воспользоваться этой катастрофой и создать свои государства (эмираты) на Северном Кавказе, в Азербайджане, в Поволжье (Итиль-Уральская республика). Вскоре, однако, большевики установили контроль над большей частью бывшей Российской империи, при этом с 1924 г. все интенсивней

велась антирелигиозная пропаганда в стране, поставившая служителей всех религий, да и верующих в очень сложное положение, фактически – вне закона. В годы Второй мировой войны отношение советской власти к религии изменилось. В трудном 1943 г., дабы мобилизовать патриотические чувства верующих мусульман, советская власть создает четыре Духовных управления мусульман, в том числе – Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири (с центром в Уфе) и Духовное управление мусульман Северного Кавказа (с центром в Махачкале). Два других управления занимались делами мусульман Средней Азии и Закавказья.

События 1990-х годов не только привели к отпадению территорий, подчиненных двум последним управлению, но и к появлению региональных управлений – муфтиятов: Муфтията Москвы и Центральной России, Муфтията Татарстана, Муфтията Башкортостана. В то же время, потеряв часть своего влияния, бывший муфтият – Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири не было расформировано. Строгая иерархия была нарушена в силу крушения таковой в стране в целом. Влияние того или иного муфтия определялось степенью его поддержки со стороны региональных светских властей. В конце 1990-х в России существовали:

Центральное духовное управление мусульман России и Европейской части Содружества Независимых Государств (СНГ), известное также как Верховный муфтият. Его возглавлял муфтий Талгат Таджуддин. Муфтият, по его утверждению, контролировал половину мечетей Европейской России;

Верховный координационный центр мусульман России во главе с Габдуллой Галиуллой (позднее замененным Нафигуллой Ашировым), со штаб-квартирой в Казани;

Совет муфтиев во главе с Равилем Гайнутдином, с центром в Москве. Нахождение центра в российской столице, ближе к власти, заинтересованной в голосах и лояльности мусульман, дает ему ряд преимуществ.

В настоящее время число муфтиятов возросло до трех десятков. Они стали региональными (в рамках республик или областей) комитетами мусульман, тесно связанными с региональными властями, в меньшей степени – со слабыми, номинально контролирующими их центральными организациями. Муфтияты, выступая важным авторитетным органом для российских мусульман, в то же время не являются центрами политических движений. Политиче-

скими партиями, выражающими интересы мусульман, называют себя движения «Мусульмане России», «Нур» и «Всероссийский Союз Мусульман». В начале 1990-х годов относительно влиятельной была Исламская партия возрождения. Влияние мусульманских партий на общероссийском уровне, однако, невелико. Правила избирательной кампании не позволяют таким партиям идти на общероссийские выборы под религиозными лозунгами. В то же время на местах гораздо большую роль играют мусульмане – активисты влиятельных общероссийских партий, прежде всего – «Единой России». Рассмотрим подробнее ситуацию в наиболее важных регионах со значительным мусульманским населением.

Ислам в Республике Татарстан. Сегодняшний Татарстан – довольно благополучный регион с богатыми разработанными запасами нефти и газа, развитой нефтеперерабатывающей промышленностью, урбанизированным населением, которое представлено многими национальностями, но самые многочисленные среди них – это приблизительно равные группы татар и русских. Большинство руководителей республики, партийных деятелей и крупных предпринимателей сформировались как советские партийные и хозяйствственные деятели. Их pragmatism (и ресурсы республики) определил относительно мягкий переход Татарстана к новой экономической политике. Хотя в 1990–1992 гг. лидеры Татарстана, наряду с руководством Чечни, ратовали за дезинтеграцию Российской Федерации. (Татарстан отказался подписать новый союзный договор в 1992 г.) Татарстану и Башкортостану удалось добиться перераспределения доли налогов между регионом и Центром в свою пользу, что при наличии у них богатых нефтяных и газовых месторождений способствовало сохранению довольно высокого уровня жизни и росту популярности их лидеров. 15 февраля 1994 г. был подписан Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между Москвой и Казанью. Этот документ давал особые привилегии Татарстану в рамках Российской Федерации. Тогдашний глава республики Минтимер Шаймиев имел реноме как «волевая личность» и «удачливый переговорщик». Свои позиции внутри республики он также стал укреплять, подчеркивая свою религиозность и заинтересованность в поддержке традиционных религий Татарстана, прежде всего – ислама и христианства.

Примечательно, что именно таков порядок в перечне традиционных религий в республике. Если христианство доминирует в Российской Федерации в целом, то в Татарстане это – традицион-

ная и охраняемая государством религия, но доминирует в Татарстане ислам.

В Татарстане активны партии и общественные движения, широко использующие мусульманские символы. Это такие движения и партии, как Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), партия «Иттифак» («Союз»), движение «Азатлик» («Свобода»). Местные отделения «Единой России» и других всероссийских партий также имеют в своих рядах членов, использующих исламские символы. Между тем главным показателем роста влияния ислама в республике является динамика роста там числа мечетей за последние годы.

В 1986 г. в Татарстане было зарегистрировано 18 мусульманских и 15 русских православных общин, что, как правило, соответствует числу посещаемых их членами мечетей и церквей. В 1992-м число мусульманских общин (= мечетей) выросло до 333, а православных общин (= церквей) – до 89. К 1997 г. таких общин у мусульман было 802, у русских православных – 171. Вероятно, здесь сказывается не только большая религиозность мусульман, но и наличие «административного ресурса» у «этнических мусульман».

Региональная власть, возглавляемая этническими мусульманами, имеет возможность с 1992 г. издавать учебники по истории края, активно используя в них мусульманские символы. Региональная власть также имеет возможность поддержать базирующуюся в Казани мuftият. Позиция властей в Казани была определяющей в выходе мечетей Татарстана из-под контроля базирующегося в Уфе Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири. В 1998 г. роль Минтимера Шаймиева в поддержке на выборах нового муфтия Татарстана Гусман-хазрета была определяющей. При этом региональные власти традиционно поддерживают умеренных мусульманских богословов, следующих путем мусульманских реформаторов-джадидистов предреволюционного (до 1917) периода. В то же время салафитские миссионеры из Саудовской Аравии и Кувейта находят поддержку у беднейших групп безработной молодежи, которые, получая определенное духовное образование, работу или возможность совершить хадж, естественно, склонны поддерживать своих новых спонсоров.

В оппозиции региональной власти находятся и лидеры движения «Омет» («Надежда»), партии «Иттифак», также использующие исламские символы и утверждающие, что их трактовка

ислама и приверженность исламу правильнее. Вообще со временем нападения террористов на города США 11 сентября 2001 г. среди мусульман, в том числе и в Татарстане, популярна дискуссия о «хороших» и «плохих» (неправильных) мусульманах. Соответственно оппоненты активно пользуются обвинениями в неправильном толковании ислама в адрес своих соперников. Важен в их полемике и социальный аспект эгалитаристского учения ислама. С точки зрения оппонентов нынешней региональной власти, их личное обогащение и «вхождение во власть» уже являются примерами немусульманского поведения. В регионе наблюдается «борьба исламов», отражающая на самом деле сложную расстановку сил и «стороннее влияние».

В августе 1992 г. Конгресс имамов Татарстана избрал Габдуллу Галиуллу муфтием Муфтията Татарстана, со штаб-квартирой в Казани. Этот шаг лишал влияния в республике верховного муфтия Талгата Таджуддина, и тот, в ответ, поддержал создание в Татарстане альтернативного муфтията в Зеленодольске. В конце XX в. контролируемый Казанью муфтият курировал 1200 мечетей, альтернативная организация – 470.

Уход из большой политики Татарстана М. Шаймиева не изменил позиций руководства Татарстана в вопросе поддержки традиционных конфессий мусульман и христиан и строгий контроль над ними.

Таким образом, ситуация в Волго-Уральском регионе, рассмотренная на примере Татарстана, свидетельствует о непростой религиозной ситуации, осложненной тем, что не только этнически, но и политически мусульмане разъединены. Порой установление диалога с одной из их групп означает потерю контакта с другой. Отсутствие общепризнанной иерархии религиозных организаций мусульман делает договоренности, заключенные на одном уровне, необязательными к выполнению представителями организаций другого уровня. Ситуация на Северном Кавказе, рассмотренная на примере Дагестана, показывает как единство проблем ведения диалога, так и специфику региона, добавляющую особые сложности и проблемы.

Ислам в Республике Дагестан. Дагестан – еще один регион России со значительным мусульманским населением. При этом в Дагестане мусульмане численно доминируют, чего нельзя сказать о Татарстане. Специфика Дагестана – характер региона, получающего, в отличие от Татарстана, дотации Центра. В регионе заметно относительное перенаселение, много недовольной безработной

молодежи. 14 основных этнических групп республики имеют разный доступ к административным ресурсам, их экономическое положение различно. Наиболее крупные группы дагестанского населения – это аварцы (757 тыс. человек), даргинцы (510 тыс.), кумыки (423 тыс.), лезгины (412 тыс.), лакцы (157 тыс.). Эти группы борются за лидерство в республике, традиционно контролируемое аварцами, но оспариваемое даргинцами, кумыками, критикуемое лезгинами и лакцами. Меньшие группы коренного населения вынуждены входить в союз с более влиятельными группами либо мечутся между ними, а своеобразные аутсайдеры, бывшие кочевники – ногайцы порой являются собой благодарную аудиторию проповедников-салафитов. Чеченцы (92 217), азербайджанцы (88 327) и русские (150 054) могут рассчитывать на поддержку соотечественников за пределами республики, но порой оказываются и заложниками «большой политики» соседей. Традиционно Москва не вмешивается во внутренние разногласия этнических групп Дагестана до той поры, пока эти разногласия не вызывают опасности целостности государства. Впрочем, появление в последние годы многочисленной и влиятельной дагестанской диаспоры в российской столице может повлиять на характер отношений между регионом и Центром.

Дагестан – давний край ислама. С VIII в. – это доминирующая в крае религия. Отличие Дагестана от Татарстана заключается в более заметных и давних связях мусульман региона с суфийскими братствами. Первая суфийская община Абу Бакра Дербенди появилась в Дагестане на рубеже XI–XII вв. Сторонники суфийских братств придают большое значение шейхам братств, которых считают святыми, и поклонению их могилам. Эта практика осуждается мусульманами-ривайвалистами, в частности – салафитами. Суфийские связи являлись важными в советский период, ибо позволяли сохранять партийную и исполнительную власть в рамках какого-то клана, как правило, из числа аварцев. В то же время именно связь партийной и советской элиты с суфиями ставится в вину последним теми представителями бедной неаварской молодежи, для которой особенно неприемлемы эгалитаристские лозунги ислама в ривайвалистской трактовке.

XVIII–XIX вв. – период российской имперской экспансии на Кавказ и мусульманского сопротивления продвижению русских войск. С 1785 по 1790 г. шейх Мансур объединил Чечню и Дагестан в антиимперский союз. Позднее, с 1824 по 1859 г., имам Шамиль руководил антироссийскими действиями ополченцев Чечни и

Дагестана. В 1877–1878 гг. Северный Кавказ был окончательно покорен русскими войсками, но еще долго слава горских воинов, их популярность у населения напоминали российским войскам о том, что край покорен, но окончательно не замирен. В период Гражданской войны в этом крае был провозглашен Исламский имамат, упраздненный большевиками в 1921 г. В дальнейшем советские власти использовали политику «коренизации», поддерживая местных национальных лидеров, во многом опираясь на аварскую партийную и государственную элиту, связанную с суфийским братством Накшбанди. В 1943 г. на Северном Кавказе было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа, в значительной степени контролируемое аварцами-накшбанди.

Дагестан остается бедной аграрной республикой, население которой особенно болезненно воспринимает случаи социальной несправедливости, неравенства, бедности. Неудивительно, что доминирование Накшбанди в руководстве республики в условиях весьма плачевой экономической ситуации в ней сказалось на настроениях значительной части населения, особенно молодежи. Салафитские проповедники нашли широкую поддержку у наиболее бедных групп населения: молодежи, дагестанских чеченцев, ногайцев. В этой ситуации ведомые ваххабитами повстанцы стали рассматривать знаменитые суфийские святыни Дагестана как символы несправедливой власти и совершили на них нападения. В 1998 г. между ваххабитами и защитниками суфийских святынь произошли столкновения. В том же году в трех деревнях Буйнакского района Дагестана был провозглашен исламский имамат. Эти выступления были подавлены, но до сих пор противостояние «власть – беднейшая часть народа» в Дагестане имеет как этническое проявление, так и религиозное (в форме «суфизм–ваххабизм»). Диалог с мусульманами Дагестана возможен прежде всего в рамках разговора о судьбе Дагестана, об улучшении его экономического положения, гармонизации межэтнических, межклановых, социальных отношений.

Мусульманское население в российских столицах. В то время как в Волго-Уральском и Северо-Кавказском регионах мусульмане могут считать ислам своей «этнической религией» на своей «этнической территории», для Москвы и Санкт-Петербурга это религия мигрантов, впрочем, достаточно давно известная в обеих столицах – в Москве, вероятно, с XIV–XV вв., в Санкт-Петербурге – со времени его основания.

Мусульманское население Москвы оценивается в 200–250 тыс. человек. До 1994 г. в распоряжении верующих мусульман столицы была только одна мечеть – Соборная (Джами Масджит). В 1994 г. правительство Москвы вернуло мусульманам так называемую «Историческую мечеть» в Замоскворечье. В 1997 г. были возведены мемориальная мечеть на Поклонной горе и еще одна – в Отрадном. Позднее в Отрадном появилась еще одна мечеть (шиитская), а в Новых Черемушках стала функционировать шиитская мечеть при посольстве Республики Иран. Число мечетей в Москве к концу XX в. достигло 11, а в 2003 г. Министерством юстиции РФ их было зарегистрировано уже 14. При этом традиционно в Джами Масджит доминируют татары, в «Исторической мечети» – прихожане с Северного Кавказа и арабы, в суннитской мечети в Отрадном – нижегородские мусульмане, в шиитской (там же) – азербайджанцы. Хотя пожелания об открытии новых мечетей в Москве раздаются (так же, как и протесты против их открытия), их число достаточно внушительно, в то время как Санкт-Петербург, гордящийся своей знаменитой Соборной мечетью, большим числом мечетей похвастать не может. Недавно на севере Санкт-Петербурга открылась вторая мечеть. Действуют также несколько полулегальных мусульманских молитвенных центров. Возникло даже новое Духовное управление мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Запада России. Однако в целом для мусульман Петербурга главная проблема – малое число мечетей. Диалог с мусульманами должен вестись и об их нуждах, т.е. о создании и поддержке новых культовых сооружений ислама в Северной столице.

Отношения мусульман и православных в России нельзя назвать безоблачными. Дело доходит порой до серьезных разногласий даже в Межконфессиональном совете России. Формально одна из причин разногласий – строгая иерархичность Русской православной церкви (РПЦ) и отсутствие подобной иерархии среди мусульман. Последнее обстоятельство трактуется некоторыми как демократизм, другими – как досадное препятствие к диалогу на равных и обстоятельство, мешающее обоюдным решениям иерархов РПЦ и представителей мусульман быть принятыми рядовыми членами общин.

Конечно, напоминают о себе и различия доктринального характера, а также обстоятельства более чем тысячелетней истории Русского государства, когда христиане и мусульмане порой оказывались в противоборствующих армиях, хотя чаще они воевали против общего врага. Немало войн велось на территории России с

политическими и экономическими целями, но при этом противоборствующие стороны выдвигали религиозные лозунги. Лозунги «церкви воинствующей» и «священной войны» – «джихада меча» одинаково далеки от идеалов изначального христианства и ислама, но активно привлекались теми или другими политиками для политической и военной мобилизации верующего населения. Вероятно, не следует и совершенно идеализировать ранний период существования обеих религий, каждая из которых претендует на владение монополией на истинное знание и единственный путь к спасению. Отсюда проистекает серьезная проблема мировосприятия верующим человеком мира – его религия представляется ему истинной, другая вера – в лучшем случае близкой истинной вере, но отошедшей от правильного пути. Для истинно верующих христиан и мусульман другая вера так или иначе – ошибка, заблуждение. Но следует иметь в виду, что наш мир в данную эпоху переживает кризис веры, и это касается всех религий, включая христианство и ислам. Наличествует осознание культурной принадлежности к той или иной общине.

Сама степень религиозности весьма трудно поддается анализу, даже самоанализу, тем более – статистическому исследованию. В этой связи вопрос о «вере» и, возможно, ошибке представителей другой веры уступает по актуальности проблемам возрождения веры среди самих христиан и мусульман. Наконец, при обязательном упоминании на Бога представителей двух названных авраамических конфессий им не предписана пассивность в земной жизни, и проблемы войны и мира, голода и борьбы с ним, борьбы с нищетой, избегания или предотвращения экологических бедствий и ядерной войны определенно должны быть среди их приоритетов. Здесь, а также в вопросах о будущем судеб самой России российские христиане могут и должны найти общий язык с российскими мусульманами.

Из истории диалога православия и ислама на территории России. Российская Федерация признана правопреемницей Советского Союза, а тот, в свою очередь, унаследовал большую часть Российской империи с ее достоинствами и проблемами, населением и религиозно-культурными традициями. Российская империя не без основания претендовала на происхождение от Московского государства, Владимирской и Киевской Руси. Именно крещение населения Киевской Руси в 988 г. стало важнейшим событием, определившим дальнейшее тысячелетие развития Восточной Европы. Отметим, что в качестве альтернативы христиан-

ству выступали иудаизм и ислам, уже тогда представленные в качестве религий населения Поволжья. Иудаизм был официальной религией Хазарского каганата, а ислам в Поволжье распространяли арабские миссионеры и купцы. С падением государства хазар ислам в Поволжье получил большое распространение, став государственной религией у волжских булгар. Примечательно, что в качестве первого межконфессионального диалога можно рассматривать легендарный диспут между представителями христианства, ислама и иудаизма при дворе князя Владимира, сделавшего свой выбор в пользу христианства – религии южного соседа – Ромейской (Византийской) империи. Позднее оформление раскола между христианами Рима и Константинополя, еще более поздний раскол внутри католической церкви, появление национальных протестантских, а позднее – иных протестантских (методизм, баптизм) деноминаций христианства заставляло жителей Восточной Европы определять свое отношение не только к христианству и исламу, но и к отдельным ветвям христианства, в порыве межцерковных споров доходивших до крайних форм ненависти, недопустимых даже по отношению к иноверцам. Наконец, раскол внутри самой православной церкви из-за реформ патриарха Никона привел к выделению не признавших раскол старообрядцев, причем некоторые из них (казаки-некрасовцы) перешли на службу к Османскому султану и воевали против «князя тьмы», каковым считали православного царя.

Основание Петром Великим Российской империи имело целью централизацию власти на огромной российской территории, и эта централизация затронула и религиозные общины страны. В 1721 г. в Санкт-Петербурге было создано министерство по делам православной религии – Священный Синод. Иные религии оказались под контролем, и, кстати, более щадящим, ведомства по делам инородческих религий. Императрица Екатерина II, пришедшая к власти через несколько десятилетий после смерти Петра Великого, считала себя его преемницей, в том числе и в вопросах организации и контроля над религиозной жизнью страны. В то же время Екатерина Великая подчеркивала свое душевное родство с французскими просветителями, и, как просвещенный монарх, она в 1773 г. издала Указ о религиозной терпимости, давший толчок развитию «инородческих» общин, прежде всего мусульман и лютеран, появлению новых мечетей и кирх. Примечательно название Указа Священному Синоду – «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до

иноверных исповеданий и до построения по их заказу молитвенных домов, предоставляя сие светским правительствам».

Вскоре, в 1800 г., в Казани открылась типография, специализировавшаяся на издании мусульманской религиозной литературы. Расширение прав верующих способствовало росту их интереса к просвещению. В мусульманской среде это породило реформаторское («джадидистское») течение, связанное в первую очередь с деятельностью Исмаила Гаспринского (1851–1914). С 1888 г. Гаспринский издавал газету «Тарджиман» («Переводчик»), которая играла ведущую роль в модернизации мусульманского образования в Крыму, Поволжье, Туркестане. Гаспринский создал новые учебники и новые учебные программы, основал в Крыму так называемые «новометодные школы», впоследствии получившие широкое распространение на российских мусульманских территориях – вплоть до Самарканда, Ташкента и вассального Бухарского эмирата. Благодаря этим прогрессивным школам в первые полтора десятилетия XX в. зарождается новая генерация мусульманских интеллигентов, по-европейски образованных, но не утративших «мусульманской» идентичности.

В период усиления политики русификации, характерной прежде всего для времени правления императора Александра III, намечается ослабление позиций реформаторов во всех конфессиональных общинах и в то же время усиление консерваторов. В позднеимперский период Департамент духовных дел и зарубежных религий установил контроль за идеологическими движениями, которые он считал враждебными как для православных, так и для мусульманских подданных Российской империи. При Николае II попытка продолжить консервативную политику предшественника и опереться на наиболее традиционалистские силы среди представителей всех основных религий провалилась. В результате, под давлением общественности Николай II пошел на серьезные уступки старообрядцам, протестантам и в императорском манифесте декларировал свободу вероисповеданий своих подданных.

Февральская революция 1917 г. положила конец самодержавию, а вместе с ним и особому положению православной церкви в качестве силы, подконтрольной монархии и этой монархией активно поддерживаемой. В то же время возрождение института патриархов позволяло надеяться на восстановление авторитета церкви в период, когда личность экс-императора Николая II стала непопулярной у населения.

Октябрьская революция 1917 г. завершила период доминирования православия в России в качестве правящей идеологии. Формально все религии оказались сначала равно отделены от государства, а затем равно были преследуемы им. Особыми декретами нового режима церковь была отделена от государства, а школа – от церкви. Впрочем, православная церковь подверглась даже большим гонениям за связь с монархией, а то обстоятельство, что в синодальный период церковь по существу была под контролем и опекой государства, определило ее большую беспомощность в сравнении, например, с баптистами или староверами. При этом известны примеры сотрудничества групп православных и мусульман с советским государством. Среди православных в качестве таких наиболее «социально» близких государству выступила так называемая «обновленческая церковь», среди мусульман же ваххабиты в Средней Азии пошли на сотрудничество с советской властью, объединенные лозунгами эгалитаризма. Для всех групп верующих сотрудничество с советской властью не было спасением, впрочем, как и оппозиция ей. В годы Второй мировой войны наметился компромисс верующих с атеистическим правительством, вновь сведенный на нет «возрождением большевизма» при Н.С. Хрущёве. При этом включение областей Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики в состав СССР в 1939–1940 гг., репрессии в отношении верующих на этой территории, ссылка многих из проживавших там баптистов и представителей других протестантских церквей способствовали распространению протестантизма на значительную часть Азиатской России, ранее не знакомой с этой формой христианства.

В период так называемого «брежневского застоя», наступившего после сталинского деспотизма и хрущёвского волюнтаризма, возобладал прагматический подход к основным конфессиям и верующим. Ряд церквей, мечетей, храмов, синагог был сохранен за религиозными общинами, верующие могли свободно исповедовать свою религию, но религиозная агитация была запрещена. За священниками, имамами, главами общин существовал надзор, и религия стала преимущественно достоянием семьи, что в условиях сохранения большесемейных и клановых связей в Средней Азии и на Кавказе сделало, например, ислам в большей степени «этнической религией», а православие теряло связь с большинством русского населения, лишенного государством семейных, земляческих и прочих традиционных связей. В этом смысле православие даже в большей степени, чем ислам, вышло

ослабленным из периода советского атеизма, который сменился периодом анархии и пребывания без ориентиров и приоритетов («без руля и без ветрил»), а затем наступило время поиска и выбора новой правящей идеологии или идеологий.

Массовое возрождение православия наблюдалось в 1988 г., когда в СССР отмечали 1000-летие Крещения Руси. К тому времени объявленная в 1986 г. М.С. Горбачёвым перестройка экономики и гласность в области знаний уже дали свои первые плоды. Население более открыто выражало интерес к религии, прежде всего к религии предков. При этом, если учесть, что подготовка празднования началась еще в 1985 г., можно условно считать, что инициаторы перестройки не исключали возможность замены коммунистической идеологии православной. Для этого периода характерны возвращение церкви и другим религиозным организациям их имущества, реабилитация (большой частью посмертная) многих репрессированных духовных лиц. В апреле 1988 г. состоялся прием М.С. Горбачёвым (тогда – главой правящей партии и правительства) патриарха Пимена и членов Священного Синода в период подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Именно в этот период наблюдается обращение или возвращение в православие многих россиян. Для Русской православной церкви, как и для мусульманских общин, характерно появление большого числа неофитов – новообращенных верующих, для которых прежде всего и характерны как неведение в основных вопросах веры, так и агрессивность по отношению к инаковерующим и неверующим.

С усилением позиций религиозных организаций государство попыталось законодательно выразить свое отношение к религии и основным конфессиям. Свидетельство тому федеральные законы «О свободе вероисповеданий» (1990) и «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997).

Закон о свободе вероисповеданий разрешал свободное выражение религиозности для всех. Однако эта свобода обернулась анархией, неадекватным ростом количества организаций, часто объединенных лишь названием новых религиозных движений. Некоторые из них, включая печально известное Белое братство, имели деструктивный характер.

Закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях» был сформулирован жестче. Параграф 3.27 этого закона выделял так называемые «традиционные конфессии». Принятие Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе

совести и религиозных объединениях» сопровождалось острой дискуссией в прессе. В его преамбуле говорится: «Российская Федерация является светским государством, признавая роль Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

При этом включается и принцип сотрудничества государства с религиозными объединениями, заключающийся в том, что государство содействует развитию общественно-полезной деятельности религиозных объединений, сохранению духовного и культурного наследия традиционных религиозных организаций в соответствии с законодательством РФ.

Несмотря на значительные достижения и огромную положительную роль руководства Русской православной церкви и мусульманских организаций, следует отметить и их «ахиллесову пятую» – зависимость от центральных или региональных властей, привычку опираться на них, надежду на административный ресурс. Это обстоятельство определяет негибкость многих местных православных и мусульманских организаций в ряде ситуаций, когда человеку или даже местной общине, порой – жителям целой деревни или города, нужна конкретная помощь. Оппоненты православия и официальных представителей ислама часто оказываются более гибкими и способны оказать конкретную помощь страждущим как из общегуманных соображений, так и в «ловле душ».

Эта ощущаемая самими представителями православных и мусульман уязвимость перед новыми игроками на формирующемся «рынке религий» порой делает их особенно ранимыми, даже агрессивными в отношении оппонентов. В ряде случаев такая агрессивность, на наш взгляд, – излишняя. В частности, это касается деятельности Римско-католической церкви и некоторых баптистских церквей. Однако стремление сохранить «свою» «этническую», «традиционную» паству несомненноозвучна интересам централизованного государства, природу которого мы не обсуждаем, но которое, в силу специфики развития в условиях Евразии, не является, да и не может быть государством либерально-демократического типа.

Одной из групп населения России, оказавшейся на фронтовой полосе между радикальными представителями двух конфессий, стали так называемые «кряшены» – татары-христиане. Не в последнюю очередь в связи с дискуссией о происхождении и

судьбах кряшенов, а также в связи с ростом конфессионального самосознания как отдельного фактора, который не только является системообразующей частью понятия «национальное самосознание», но порой противостоящим или противопоставляемым ему, поднимался вопрос о включении категории «конфессиональная принадлежность» в число вопросов переписи населения. Сторонниками включения этой категории в перепись населения были, прежде всего, представители различных мусульманских организаций. В переписи 2002 г. такой категории не появилось, хотя, например, в Великобритании подобная категория в переписи 2001 г. была введена, и это не привело к каким-либо серьезным негативным последствиям. Пока же мы можем лишь ориентироваться на оценки, сделанные этнологами. Можно предположить, что около половины населения России в 2002 г. не считали себя верующими, 10–12% россиян исповедовали ислам, более 30% относили себя к православным, а из остальных протестанты и католики составляли менее 1% населения. Хотя сейчас выросла доля православных, степень их религиозности не слишком ясна. Скорее, можно говорить о более осознанном отождествлении себя с русскими и православием как частью русской традиции. В то же время традиционными считаются в России и ислам, и буддизм, и иудаизм.

Итак, в России усилиями правящей элиты создан режим покровительства четырем так называемым «традиционным» религиям. Но вопрос представительства этих религий не решен окончательно в силу как специфики той или иной общины, так и в силу тех или иных личных амбиций, расстановки сил в той или иной группе давления. В частности, отнюдь не проста проблема представительства мусульман России в Межрелигиозном совете. Центральное духовное управление мусульман России и Совет муфтиев России наряду с Русской православной церковью, Конгрессом еврейских организаций России и Буддийской традиционной сангхой выступили соучредителями этой организации, в которой каждая конфессия, по взаимной договоренности, должна быть представлена равным числом представителей. В идеале, это формула: одна религия – один голос. Однако на деле оказывается неучтеннной позиция муфтиев ряда регионов России, в частности – Северного Кавказа и Татарстана, имеющих собственные независимые управления, но не представленные в Межрелигиозном совете России. При этом существует также Верховный муфтият СНГ, возглавляемый верховным муфтием Талгатом Таджуддином. Традиционно дружеское и уважительное отношение к господину

Таджуддину со стороны Русской православной церкви не снимает еще одного возникающего при межрелигиозных контактах вопроса. Резонно задаться вопросом, является ли Русская православная церковь, которой подчинены многие церковные приходы Украины и Беларуси, собственно национальной организацией, или она – наднациональна, и тогда имеет смысл сравнивать ее с Муфтиятом СНГ, а Межрелигиозному совету нужно придать наднациональный характер. Очевидно, что вопросы иерархии, подчинения и соответствия не являются первостепенными, но при отсутствии их рационального решения наблюдается несогласованность действий заинтересованных сторон.

Представители Русской православной церкви о межконфессиональных проблемах и перспективах христианско-мусульманского диалога. Еще будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, нынешний патриарх Всея Руси Кирилл осветил ряд важнейших вопросов взаимоотношений Русской православной церкви и мусульманских организаций России в интервью изданию «НГ-религии». Он, в частности, сказал: «Существующие разногласия в исламском сообществе России являются его внутренним делом, и Русская православная церковь не может в него вмешиваться. С другой стороны, наличие в современной российской умме нескольких сопоставимых по значению центров, претендующих на представление интересов всей общины на федеральном уровне, в целом значительно осложняет контакты Русской православной церкви с исламом». Речь не идет, однако, о неразрешимой проблеме. Митрополит Кирилл заявил, в частности, что не считает, «что для эффективного диалога обязательно объединение всех российских мусульман под единым руководством. Было бы неправильно полагать, что административно-территориальная схема, принятая в Русской православной церкви, является оптимальной для любой конфессии, и требовать от исламского, буддийского или иудейского сообщества России организационного единства как необходимого условия совместной работы. Исламская умма России неоднородна и в этническом и в религиозном аспектах. Существование различных духовных центров для нее вполне оправдано при условии мира между ними».

В то же время такую, на взгляд многих исследователей и журналистов, проблему, как обращение русских в ислам, митрополит Кирилл не выделил в качестве пугающей, достаточно взвешенно обозначив ситуацию: «Ежегодно несколько десятков русских принимают ислам в результате духовных исканий или

смешанных браков, однако еще больше этнических мусульман сегодня становятся христианами по этим же причинам. Подобные случаи смены веры не являются следствием целенаправленной деятельности Русской православной церкви или традиционных мусульманских центров России и не осложняют межрелигиозных отношений. Для наших религий первоочередной задачей является возрождение традиционной религиозности в своем собственном пространстве, и очевидно, что отказ от взаимного прозелитизма является одним из важнейших условий добрососедского сожительства».

Как мы видим, виднейшие представители Русской православной церкви и мусульманской общины России не склонны акцентировать догматические различия. Общим местом в их заявлениях является акцентирование общих («авраамических») корней христианства и ислама, уважение к личности Иисуса Христа и Девы Марии, почитаемых представителями обеих религий. В то же время вопрос религиозной символики и ее трактовки оказался неожиданно болезненным для ряда мусульманских муфтиев. В частности, так называемые «якорные кресты», на которых крест помещен над полумесяцем, воспринимались некоторыми муфтиями как «попрание полумесяца крестом». В данной статье нет необходимости подробно рассматривать происхождение христианской и мусульманской символики, хотя ошибочность такого утверждения мусульманских муфтиев специалистам очевидна. Полумесяц в христианской традиции – символ чистоты Девы Марии и ни в коем случае не несет никакого уничижительного смысла. Итак, христианская символика, например, изображение Георгия Победоносца на гербе Москвы, воспринимается некоторыми муфтиями как символ союза центральной власти и православия. Между тем мы наблюдаем скорее оформление союза властей и ведущих местных религий. В Татарстане и Башкортостане, например, предпочтение властей явно отдается исламу.

В связи с желанием многих жителей России дать детям хотя бы базовые знания об учении Христа и стремлением центральной власти найти или создать идеологию, которая смогла бы объединить большинство населения страны и обеспечить лояльность этого населения власти, возник вопрос о преподавании Закона Божьего в российских школах. Нужно отметить, что практические шаги в этом направлении не могли не вызвать возражений как среди мусульман, часть которых склонна требовать введения предметов, посвященных основам ислама, так и со стороны атеистически

настроенных деятелей культуры и науки. Шагом на пути предотвращения конфликта стало переосмысление уроков Закона Божия в виде курса «Основы православной культуры», что могло примирить атеистическую оппозицию, но по-прежнему не устраивает многих мусульман. Точку зрения мусульманских авторитетов высказал ректор Московского исламского университета Марат-хазрат Муртазин, увидевший в этом противоречие с конституционным принципом равенства религий перед государством и светским характером образования. В ряде регионов, в частности в Дагестане, предложили заменить уроки «Основы православной культуры» курсом «Религиоведение». При очевидном академическом преимуществе подобного курса отметим, что введение его лишает смысла предпринятую пропагандистами инициативу курса «Основы православной культуры». По существу, вместо азов идеологии, объединяющей общество, предлагается академическая общеобразовательная дисциплина. Последнее, бесспорно, важно, но, очевидно, что не соображениями повышения уровня образования учащихся руководствовались государственные и церковные мужи. Решить возникающее между представителями разных конфессий, да еще в рамках светского государства, противоречие очень сложно. Между тем в Министерство образования и науки Республики Дагестан уже обратились представители мусульман Дагестана с просьбой разрешить преподавание ислама в школах в качестве факультатива.

До некоторой степени введение религиозного обучения в школах является нарушением принципа государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации, а именно: принципа отделения религиозных объединений от государства (принцип светского характера государства), предполагающий обеспечение государством соблюдения следующих условий: никакая религия либо нерелигиозная, включая атеистическую, идеология не устанавливается в качестве государственной или обязательной, государство не оказывает поддержку пропаганде антирелигиозных идей и учений.

Между тем серьезными лоббистами и критиками, стремящимися влиять на политику Правительства Российской Федерации, являются и убежденные атеисты, те, чей выбор в пользу неверия в Бога определен не только атеистическим воспитанием, но и материалистическим мировоззрением. Примечательно, что до появления так называемого «Письма десяти академиков» никакой серьезной оппозиции или критики деятельности религиозных об-

щин в России со стороны образованных, но неверующих групп населения практически не звучало. Возвращение государством приоритетов, включая науку, придало этой науке голос, и «десять академиков» подняли этот голос против попыток «клерикализации общества». Серьезная проблема, поднятая в письме «десяти академиков», – это наличие влиятельной и заслуживающей уважения группы россиян, составляющих от трети до половины населения страны, чье безверие, точнее, неверие в Бога – как результат атеистического воспитания, так и следствие сознательного выбора.

А между тем вопреки мнению этой группы и чаяниям религиозных меньшинств наметился поиск правящей элитой новой государственной идеологии, которая смогла бы сплотить население России в борьбе с экономическими трудностями и идеологической экспанссией. Радикально настроенные русские националисты увидели такую идеологию в православии. Наметилось, в частности, сближение лидеров Русского национального единства (РНЕ) и наиболее консервативной части православного клира. Хотя крайностей, каковыми грозила концепция Русского православия в качестве государственной идеологии, удалось избежать, концепция особого положения Русской православной церкви в России нашла отражение в черновом варианте закона, предложенного Государственной думе 5 июня 2001 г.

Между тем обеспокоенность «десяти академиков» разделяют и многие мусульманские богословы и политики. Недавно российскую общественность потрясли публичные заявления мусульманских общественных деятелей. 15 августа 2007 г. ряд представителей мусульманской общественности в России, включая главу Духовного управления мусульман Азиатской части России Нафигуллу Аширова, подписали документ под названием «Клерикализм – угроза национальной безопасности России». Несколько ранее в интервью радиостанции «Эхо Москвы» лидер мусульманской партии России Гейдар Джемаль высказался против использования христианской символики в изображении российского герба, в армии, в государственных учреждениях.

Итак, мы можем наблюдать вяло текущий конфликт представителей ислама и православия, вызванный причинами исторического характера, который несколько обостряется из-за действий радикально настроенных верующих и политиков. Возможно ли предотвратить эскалацию межконфессионального конфликта? Ответ мы находим в одном из выступлений патриарха Алексия II. «Не следует забывать о попытках искусственно углубить антаго-

низм между мусульманской и христианской цивилизациями... Мы не можем, да и не должны останавливать процесс развития взаимосвязей между народами. Людям всего мира надлежит вместе противостоять общим угрозам, таким как терроризм, рост конфликтности, новые болезни, пагубное загрязнение окружающей среды», – говорится в обращении патриарха к участникам IV заседания совместной Российской-иранской богословской комиссии по диалогу «Ислам – Православие», проходившего в Москве 26–28 апреля 2004 г. Одновременно предстоятель Русской православной церкви выразил беспокойство в связи с угрозами, встающими перед людьми в эпоху глобализации: «Не пытается ли кто-то поставить под контроль всю систему международных связей, чтобы утвердить господство одного мировоззрения, одной идеологии, одной группы стран? Не приводит ли развитие глобальной экономики к тому, что богатые народы становятся еще богаче, а бедные – еще беднее? Сумеют ли люди и народы сохранить свою духовную свободу?» – задает он вопросы.

Важно отметить, что представители протестантских церквей, в частности баптисты, весьма активно сотрудничают друг с другом и привлекают представителей других церквей к сотрудничеству в решении важнейших гуманитарных вопросов. В феврале 2002 г. С.В. Ряховский, В.Д. Столляр и другие лидеры протестантских организаций подписали декларацию о создании консультативного совета глав протестантских церквей России в целях координации совместной деятельности по установлению в обществе гражданского мира и согласия, по выработке единой позиции во взаимоотношениях с государством и другими религиозными организациями и поддержке благотворительной деятельности и социального служения.

До некоторой степени сходным шагом стало принятие Архиерейским собором православной церкви документа под названием «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2000). Шагом навстречу межконфессиональному диалогу выступил документ РПЦ под названием «Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию» (2000). Определять то, как преодолеть разногласия между православными и мусульманами, конечно, нужно прежде всего высшим иерархам Русской православной церкви и выдающимся представителям мусульманской общины. Но на деле осуществлять эти меры – местным иерархам и активистам религиозных общин. Есть уже положительные примеры сближения на местах. Например, в

Ставропольском крае в 2007 г. впервые был организован летний лагерь православной и мусульманской молодежи «Кавказ – наш общий дом». Многие конфликты коренятся в обыкновенном невежестве, отметил один из организаторов акции, епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан. «Очень часто межрелигиозные и межнациональные конфликты происходят из-за незнания культуры и традиций друг друга, из-за неумения найти общий язык. Помните “карикатурный скандал”? Ведь это произошло в том числе из-за элементарного непонимания культуры ислама и его значения как мировой религии. Подобное непонимание может привести к противостоянию различных культур и цивилизаций», – сказал владыка.

Мусульманам России, как и православным, во многом еще предстоит определить свое отношение к неверующим, в том числе и к тем, для кого атеизм – твердое убеждение, к представителям неправославных христианских церквей – католикам, протестантам, к буддистам, иудеям, шаманистам, наконец, представителям новейших религиозных движений, среди которых – учредители и последователи русского язычества, претендующие на возрождение древней религии славян. Представителям всех религий важно также определить свое отношение к насилию и террору, в настоящее время (но так было не всегда) ассоциируемым с радикально настроенными исламистами.

*«Мировые религии в контексте современной культуры:
Новые перспективы диалога и взаимопонимания»,
Санкт-Петербург, 2011 г., с. 48–68.*

А. Юнусова,
доктор исторических наук,
директор ИЭП Уфимского НЦ РАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В БАШКОРТОСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ
«СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 г.»

Межнациональное единство в такой стране, как многонациональная и поликонфессиональная Россия, – важнейшее условие не просто дальнейшего развития и модернизации, но в первую очередь самого существования государства. В постсоветской России

укрепление духовной общности россиян наряду с развитием национальных культур и языков народов России было обозначено в качестве приоритетной задачи, что получило отражение в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (Указ Президента России от 15.06.1996 № 909). В ней говорится: основные цели государственной национальной политики Российской Федерации состоят в обеспечении условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России, упрочении общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью.

Концепция предусматривала и выработку государственных мер раннего предупреждения межнациональных конфликтов и связанных с ними криминальных проявлений и массовых беспорядков. Но как показала практика, политика в области межнациональных отношений носила и носит скорее характер вынужденного реагирования, когда многие решения принимаются вслед за событиями. И «пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду», и «пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» – все перечисленное, вопреки Конституции, стало реальностью современного общества. Об этом свидетельствуют не только ежедневные сводки криминальной хроники, уголовные дела, возбужденные в отношении членов экстремистских группировок различной идеологической направленности, но потрясшие страну массовые беспорядки в Москве в декабре 2010 г.

Сегодня очевидно, что концепция национальной политики не достигла желаемого и к тому же морально устарела, а проявления экстремизма составляют существенную угрозу национальной безопасности России. Отсюда усиленное внимание к вопросам укрепления гражданского согласия и межнационального взаимодействия в стране, в том числе в Республике Башкортостан. 2011 год указом президента Р.З. Хамитова объявлен Годом укрепления межнационального единства, что стало подтверждением высокой степени готовности республики адекватно реагировать на этно-конфессиональные процессы.

Благодаря здравомыслию проживающих в длительном и тесном взаимодействии народов в Башкортостане сформировалось устойчивое равновесие в области межнациональных отношений. Оно, в свою очередь, опирается на ряд законов и государственных

программ, направленных на удовлетворение культурных потребностей народов, особенно на предотвращение экстремистских проявлений на национальной и религиозной почве.

В различных зонах возрастающей многоуровневой нестабильности – социально-политической, этнополитической, военно-политической – присутствует исламский фактор, заметен рост радикальных исламских организаций, движений, группировок и режимов, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение. Данная проблема имеет непосредственное отношение к российским регионам, в которых проживает население, традиционно исповедующее ислам, в том числе к Урало-Поволжью. В сложном по своему этноконфессиональному составу Урало-Поволжском регионе наблюдаются новые тенденции в развитии как межрелигиозных, так и государственно-религиозных отношений.

1. Имеет место перераспределение верующих между традиционными и новыми конфессиями. Урало-Поволжский регион называют исламо-христианским пограничьем, но кроме ислама и православия в регионе исповедуются еще около 30 религиозных течений. Последователи новых протестантских, восточных, межрелигиозных, экumenических учений не соотносят свою национальность с религиозной принадлежностью. Среди них есть представители русского, татарского, башкирского, еврейского, чувашского, украинского и других этносов, которые стали членами новых религиозных обществ как бы «вопреки» этнической традиции. Так, протестантские общины Башкортостана сегодня на 30% состоят из татар и башкир. Динамичное развитие протестантских общин вызывает недовольство со стороны духовенства так называемых «традиционных» конфессий, особенно православного, тенденция определения протестантизма как сектанства является фактором обострения межконфессиональных отношений.

2. Наблюдается передел исламского пространства Урало-Поволжья. Усиливается активность представителей Совета муфтиев России (СМР) и Духовного управления мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР) в регионах, подведомственных Центральному духовному управлению мусульман РФ (ЦДУМ). В пределах России формируется новый, не имеющий ничего общего с историческим исламом и местными реалиями, мусульманский духовный центр – своего рода исламский холдинг, который осуществляет захват мечетей, настраивает местное население против традиционных служителей, провоцирует скандалы. В Свердловской, Тюмен-

ской и Челябинской областях при вмешательстве новых структур имамами «избраны» представители диаспор Центральной Азии, Северного Кавказа, Закавказья, что привело к культурному отрыву мечети от прихожан.

3. Передел исламского пространства осуществляется в условиях интервенции радикальных идеологий в исламское пространство России. В мусульманской среде заметен рост радикализма, экстремизма, терроризма. В 2005–2011 гг. в Челябинске, Магнитогорске, Аргаяше, Оренбурге, Туймазах, Баймаке, Давлеканово, Бугуруслане, Екатеринбурге – во всех областях Урала и Приуралья – были заведены уголовные дела по факту деятельности запрещенной в Российской Федерации международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», именующей себя религиозно-политической партией, и других радикальных организаций, построенных по системе разветвленных иерархических структур. Члены данных организаций находят поддержку у представителей ДУМАЧР. Так, Нафигулла Аширов открыто обвинял правоохранительные органы в преследовании мусульман. Именно в тех регионах, где функционируют мусульманские приходы ДУМАЧР – Тюменская, Челябинская, Свердловская области, – создаются разного рода правозащитные организации с целью правовой поддержки экстремистов, издаются «правозащитные» газеты типа «Хукмат», «Сакаафат» и др. Мусульманское духовенство зачастую является генератором радикальных требований и претензий в отношении государства и власти («Манифест» Умара Идрисова, требования ввести пост вице-премьера из числа мусульман, квот в Госдуме по религиозному принципу и пр.). Оба этих явления – передел исламского пространства и интервенция радикальных идеологий – отражают общую тенденцию формирования в России новых структур – «нового ислама» и «новых мусульман». Первый этап этого процесса – противостояние традиционному исламу во всех его проявлениях – организационном, социокультурном, ментальном.

4. При этом ислам здесь по-прежнему характеризуется устойчиво сохраняющимся различием как «сельского» и «городского» ислама, так и «стариковского» и «молодежного» ислама, низким уровнем социокультурной адаптации пожилых мусульман к меняющимся реалиям, ориентацией духовенства и лидеров на государство и демонстративной лояльностью по отношению к высшему руководству страны и региональным властям.

5. Последние два десятка лет отмечены высоким уровнем миграционной мобильности. В Башкортостане рынок труда и рынки в буквальном смысле слова (базары) заполнили коренные жители центральноазиатских и юго-западных стран СНГ. В республике, кроме крупной армянской диаспоры, появились диаспоры таджиков, азербайджанцев, молдаван, украинцев, занятых как торговлей, так и другой деятельностью – строительством, извозом. Представители диаспор предпочитают (вернее, вынуждены) жить в рамках замкнутых социальных групп, где все подчиняются традиционным поведенческим стереотипам. Они же преобладают во взаимоотношениях с «внешним миром». Отсюда целый ряд социальных проблем: от уклонения от регистрации, бытовых конфликтов с окружающими до наркоторговли и криминализации этих сообществ в целом.

Все вышеперечисленное актуализирует усиленное внимание к проблеме экстремизма в контексте Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» от 12.05.2009 № 537-УП. Основные положения Стратегии исходят из того, что «Россия преодолела последствия социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений». «В стране, – говорится в документе, – укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма. ...Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй

Российской Федерации. ... Для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей».

Задачам реализации данной Стратегии РФ отвечает принятая в Приволжском федеральном округе «Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г.», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.02.2011 № 165-р. Документ подчеркивает, что культурное многообразие округа является его конкурентным преимуществом. Международный имидж округа как уникальной модельной площадки по продвижению межкультурного диалога формирует интерес к округу со стороны стран и международных организаций, заинтересованных в изучении и использовании опыта округа по обеспечению мирных этноконфессиональных отношений.

Вместе с тем культурное многообразие может стать вызовом, если этнический и религиозный факторы будут использовать в деструктивных целях. Это может подорвать гармоничные межэтнические отношения в округе, ослабить общероссийскую гражданскую идентичность представителей различных этнических и религиозных сообществ. В связи с этим созданная и успешно функционирующая в Приволжском федеральном округе система и инфраструктура взаимодействия всех ветвей власти, общественных и религиозных организаций, направленная на развитие межкультурного диалога, профилактику межнациональной и межконфессиональной напряженности, должна совершенствоваться и дальше. В реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. большое значение имеет разработка комплекса мер, направленных на профилактику экстремизма и терроризма. В основе деятельности государства и общества по предотвращению экстремизма и терроризма лежат федеральные законы от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В Республике Башкортостан в целях обеспечения профилактики терроризма и экстремизма было принято решение Антитеррористической комиссии Республики Башкортостан от 01.04.2009

№ 3 «О Комплексном плане профилактики терроризма и экстремизма, обеспечения безопасности населения и территории Республики Башкортостан на 2009–2012 гг.». Уже в 2011 г. вышло Постановление Правительства Республики Башкортостан от 08.02.2011 № 31 «Об утверждении Республиканской целевой программы “Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Башкортостан на 2011–2013 гг.”».

С момента принятия этой Программы в республике активизировалась работа по идеологическому противодействию экстремизму. В 2011 г. состоялись четыре семинара, две научные конференции, посвященные проблемам экстремизма на религиозной почве, организованные комитетом по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте Республики Башкортостан с участием духовенства, представителей МВД РБ, УФСБ по РБ, научного сообщества республики. Создана лекторская группа, регулярно выезжающая в районы республики. Важным моментом является участие представителей духовенства в работе с молодежью, наиболее подверженной влиянию экстремистской идеологии.

Чрезвычайно важно, что в соответствии с п. 2 Постановления № 31 от 08.02.2011 аналогичные программы приняты в районах и городских муниципальных образованиях. Так, например, в Благоварском районе Республики Башкортостан принята программа «Профилактика терроризма и экстремизма, обеспечение безопасности населения и территории муниципального района Благоварский Республики Башкортостан на 2011–2013 гг.», утвержденная решением Совета муниципального района Благоварский Республики Башкортостан от 10.03.2011 № 32-384. Ее цель – реализация государственной политики Российской Федерации в области профилактики терроризма и экстремизма на территории муниципального района Благоварский Республики Башкортостан путем совершенствования системы профилактических мер антитеррористической и противоэкстремистской направленности, формирования уважительного отношения к этнокультурным и конфессиональным ценностям народов, проживающих на территории муниципального района Благоварский район Республики Башкортостан. Такая же программа принята в Федоровском (утверждена решением Совета муниципального района Федоровский РБ от 16.06.2010 № 20 (312)), Гафурийском, Чишминском, Алыпееевском и других районах.

Вместе с тем следует отметить, что программы в МР однотипны, схематичны, не отражают специфику каждого конкретного

МР, в каждой из них намечены «активизация мер по профилактике и предотвращению конфликтов на социально-политической, религиозной, этнической почве; обеспечение социально-политической стабильности в республике и формирование на основе всестороннего и гармоничного этнокультурного развития ценностей общероссийского гражданства у народов, проживающих на территории муниципального района Благоварский (Чишминский, Гафурийский и т.д.) Республики Башкортостан».

В целом при оценке эффективности проводимой политики, направленной на укрепление межнационального согласия, следует учитывать следующие компоненты региональной национальной политики: нормативно-правовая база, инструменты и механизмы реализации национальной политики; практика проведения национальной политики; институциональные основы проведения национальной политики; финансовые ресурсы. Нормативно-правовая база национальной политики в Республике Башкортостан носит вполне развитой характер, принятые законы и нормативные документы министерств и ведомств, государственные программы. В реализации национальной политики используются как государственно-административные ресурсы, так и институты гражданско-го общества.

Основными характеристиками Республики Башкортостан с точки зрения оценки проводимой национальной политики являются:

1. Наличие основных условий и возможностей для обеспечения устойчивого развития всех без исключения этносов в полигническом регионе – национальной республике.

2. Наличие системы государственного и общественного обеспечения прав национальных меньшинств.

Но при этом отсутствуют нестандартные решения, а их ожидали в связи с новым кадровым составом Администрации Президента РБ.

При всей развитости институциональных основ, следует отметить, что:

а) консультативный орган по вопросам национальной политики и межнациональных отношений при Президенте РБ функционирует номинально, малоэффективно и не в публичном режиме;

б) работа общественного органа в виде Ассамблеи народов Башкортостана при всей активности руководителей национально-культурных объединений в целом малоэффективна.

Дает о себе знать отсутствие общероссийских конструктивных программ национальной политики, а также необходимых

нормативных правовых актов, призванных регулировать различные стороны межнациональных, федеративных и национальных отношений. Очевидно, что государственная национальная политика России начала XXI в. должна быть превентивной, а не реактивной. Сегодня мы видим, что, с одной стороны, эта политика опаздывает реагировать на уже проявившиеся проблемы и конфликты; с другой стороны, является фрагментарной, направленной на решение лишь отдельных задач, вырванных из общеполитического контекста. Сегодня руководство Российской Федерации обращает усиленное внимание на состояние межнациональных отношений в России в целом и в ее субъектах, в том числе в Республике Башкортостан. В 2011 г. президент Д.А. Медведев дважды посещал Башкортостан, где озвучил основные положения государственного подхода к вопросам укрепления межнационального согласия в условиях усиления миграционных процессов и вызовов глобализации в виде распространения экстремизма и терроризма, подчеркнув при этом, что экстремизм не имеет национальности и религиозной принадлежности и является угрозой духовной безопасности всему обществу.

«Россия и ее регионы в поиске гражданского единства и межнационального согласия», Уфа, 2011 г., с. 20–27.

Ирина Кузнецова,
кандидат социологических наук,
директор Института сравнительных исследований
модернизации обществ Казанского (Приволжского)
федерального университета
**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА
МУСУЛЬМАН: РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ**

Социальный капитал. П. Бурдье определял его как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства». Социальная сеть, приносящая «выгоду», появляется из других групп, которые позволяют пользоваться другими видами ресурсов, увеличивать свой человеческий и культурный капитал. В.В. Радаев при систематизации теории социального капитала, основываясь на выделенных П. Бурдье трех состояниях капитала – инкорпорированном, объективированном и институционализированном, – предлагает следующие виды социального

капитала: соблюдение обязательств без санкций (доверие); сетевые связи; социальные круги и списки контактов.

В определении Дж. Коулмена социальный капитал представляет собой потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы. Р.Д. Патнэм определяет его как сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации для взаимной выгоды. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу, который, согласно его трактовке, – «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами...» Религия, на его взгляд, выступает одним из культурных механизмов создания и передачи социального капитала.

Высокий уровень доверия предопределяет стабильность социальных и экономических институтов, повышает значимость гражданского общества, положительно воздействует в целом на благополучие социума. Дефицит доверия, напротив, приводит ко многим издержкам как социального и культурного, так и экономического характера. Ф. Фукуяма приводит в пример Россию, когда говорит о странах, переживающих кризис доверия. «Подлинно индивидуалистические общества, члены которых не умеют объединяться друг с другом, действительно существуют. В таких обществах слабыми являются и семья, и добровольные объединения, а наиболее крепкими сообществами подчас оказываются криминальные группировки». Согласно опросу Edelman Trust Barometer, Россия занимает последнее место по индексу доверия правительству, массмедиа, бизнесу и НГО среди 12 стран, в которые входят страны БРИК, США, Мексика, Германия, Канада, Франция, Япония, Южная Корея и Великобритания. Trust barometer index в России составляет 40, в то время как у Бразилии – 80.

Согласно опросу Левада-Центра, в 2007 г. 70% россиян называли себя верующими людьми. В какой же степени вера и воцерковленность влияют на социальный капитал населения, пока мало изучено. Эмпирические исследования социального капитала фиксируют внимание, прежде всего, на членстве человека в различных организациях и доверии к социальным институтам и власти. К. Бьюрнскоф и Г.Т. Свендсен, анализируя существующие подходы к измерению социального капитала, выделяют три уровня анализа: микро-, мезо- и макро-. На микроуровне в качестве основной переменной анализа используются: генерализованное до-

верие (D. Narayan и L. Pritchett; A. Krishna N. Uphoff, J. Brehm и W. Rahn); фактор доверия (P.F. Whiteley); социальные сети (Роуз). Мезоуровень связан с исследованием таких переменных, как: участие в добровольческих организациях (R. Putnam, C. Grootaert, D. Narayan и L. Pritchett, A. Krishna N. Uphoff); гражданское участие (J. Brehm и W. Rahn); коррупция (E.M. Urslaner). На макроуровне – доверие правительству (J. Brehm и W. Rahn, R. Rose), коррупция (E.M. Urslaner), экономическая свобода (Всемирный банк), децентрализация (M. Paldam, G.T. Svendsen).

В данной работе мы будем придерживаться комплексного подхода, рассматривая социальные сети, посреднические институты, нормы и ценности, доверие как источники и следствия социального капитала, проводя анализ на микро- и мезоуровне. На наш взгляд, степень укорененности мусульманских благотворительных практик в повседневности может свидетельствовать об особенностях мусульманских «социальных сетей», уровне доверия и в целом роли религиозных практик в социальном капитале различных групп населения. Мы рассмотрим два основных поля развертывания благотворительных практик среди людей, идентифицирующих себя с мусульманами – в рамках религиозных организаций и частной жизни.

Религиозная благотворительность и социальный капитал: Опыт США. Дж. Грюбер показал, что в районах тех штатов США, где население в два раза чаще среднего по стране посещает церковь, доходы домохозяйств на 9,1% выше, чем в других. Там больше людей с высшим образованием (в среднем каждый житель такого района тратит на учебу на 0,5 года больше среднего), а число супружеских пар на 4,4% выше, разводов – на 4% ниже среднего. Грюбер объясняет эти данные «накоплением социального капитала», который обуславливает включение граждан в более интенсивные и широкие социальные взаимосвязи, обеспечивает рост уровня доверия в социальных группах и усиливает материальную взаимопомощь.

А. Брукс, основываясь на анализе Social Capital Community Benchmark Survey, проведенном в США в 2000 г. (выборка – 30 тыс. человек), показал, что различные виды социального капитала имеют неодинаковое влияние: одни (например, включение в гражданские группы) воздействуют на большой объем пожертвований, другие (например, участие в политике), напротив, приводят к малым объемам пожертвований. Он отмечает, что благотворительность сама по себе не является социальным капиталом, стано-

вясь им только при постоянном взаимодействии дающего и берущего.

Известный теоретик социального капитала Патнэм также показал, что уровень волонтерства выше среди тех, кто чаще посещает церкви, принадлежит к социальным клубам и неформальной социализации.

Исследование К. Бейрлейна и Дж. Хиппа, основанное на статистическом анализе данных Американского исследования гражданского участия 1990 г., показало взаимосвязи между религиозным поведением и активностью включения в религиозные сообщества. Согласно их выводам, «среди индивидуумов, кто еженедельно посещает религиозные службы и вовлечен пять часов в неделю в дополнительную церковную деятельность, “черные протестанты” и протестанты имеют наивысшие уровни участия в благотворительных организациях».

Внимание к анализу социального капитала позволило Бейрлейну и Хиппу поставить под сомнение популярные социологические данные о росте евангелистского протестантизма по сравнению с другими тремя религиозными традициями («черные протестанты», протестанты, католики). Несмотря на большое количество посещений церковных служб, дополнительная конгрегационная деятельность, переведенная в объединяющие гражданские обязательства, в евангелических церквях меньше, чем в других.

Исламская благотворительность. Мусульманские институты в США играют важную роль в поддержании благотворительности. Базисное понимание благотворительности в исламе, общее для всех ветвей этой религии, исходит из пяти его столпов: свидетельства о том, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха; совершения молитвы; выплаты закята; совершения хаджа; соблюдения поста в месяц Рамадан. Выплата закята обязательна для каждого мусульманина при условии, что он владеет определенным минимумом (нисаб) имущества, которое эквивалентно стоимости 85 г чистого золота и составляет сороковую часть (2,5%) от нажитого состояния. Налог взимается только с имущества определенной ценности, если человек владел им на протяжении целого года. Материальные ценности, собранные в качестве закята, согласно мусульманским канонам, могут использоваться для оказания помощи следующим категориям людей: нищим, бедным, сборщикам закята, тем, кто склоняется к исламу (с целью привлечения их сердец или укрепления их в религии), несостоятельным должникам, путникам, не имеющим средств. Са-

дака – это подаяние нуждающимся или просящим ее в виде денег или иных материальных средств существования либо проявление доброго внимания словом, улыбкой. В обыденной жизни под садака понимают милостыню в виде материальных средств. В отличие от закята размер садака не фиксируется и зависит от предпочтений дающего. Есть особая разновидность садака – садака-фитр – это милостыня, подаваемая в месяц Рамадан, которая является обязательной для каждого мусульманина, обладающего нисабом. Считается, что без подачи садака пост, который держит верующий, не принимается Всевышним. С милостыней связан и обряд жертвоприношения на праздник Курбан-байрам (Ид аль-Адха), который установлен в память о послушании Пророка Ибрахима, согласившегося принести в жертву своего сына. Закланное по мусульманским обычаям животное – баран, коза, корова или верблюд, – делится на три части, одну из которых верующий раздает нуждающимся, другую готовит на праздничный стол, а третью оставляет в запас.

Согласно опросу 416 мусульманских лидеров, 90% мечетей в США оказывают помощь наличными, 66 – помощь заключенным, 68 – предоставляют питание, 68 – одежду, 33 – бесплатное обучение, 32 – оказывают услуги по социальной защите наркоманам и преступникам, 19 – помогают в уходе за детьми, 22% мечетей предоставляют убежище детям и взрослым, пострадавшим от жестокого обращения.

Если в США религиозная благотворительность существует как альтернативная форма социальной помощи, то в арабских странах она функционирует как официальный вид материальной поддержки. Дж. Кларк, исследовавшая исламскую благотворительность в Египте, Иордании и Йемене, показала, что исламская благотворительность не выступает вызовом для стратификационной системы данных стран и поддерживает ценности среднего класса. В центре отношений стоит тот факт, что исламская благотворительность имеет с государством прагматически ориентированную сферу деятельности, которая стремится укрепить связи с министерствами, чтобы усилить эффект от работы. Благотворительность, по мнению Дж. Кларк, использует ислам в большей степени для достижения рынка услуг в сфере здравоохранения и образования, поскольку они удовлетворяют религиозные нужды. Таким образом, благотворительная деятельность выступает частью государственной социальной политики.

Благотворительность и участие в деятельности мусульманских организаций в Татарстане. К кому обращаются люди, испытывающие нехватку материальных средств? Какова роль религиозных, в том числе мусульманских, организаций? Опрос, проведенный Центром перспективных экономических исследований под руководством автора в последней декаде 2008 г., показал, что нехватку материальных средств испытывают 57% населения, причем большинство в качестве причины указывают на низкую зарплату, пенсию (покупки или кредит стали фактором подобной депривации для 15,6%). Из нуждающихся в материальной помощи 28,8% обратились к различным людям либо организациям, чтобы решить эти проблемы. Структура агентов помощи выглядит следующим образом: 65,5% из тех, кто признался, что испытывал материальные затруднения в текущем году, обратились за помощью к родственникам, к знакомым – 27,4%, в центры социального обслуживания населения – 22,6, в бизнес-структуры – 8,9, к работодателю – 7,7, в благотворительные организации – 1,2%. Из 168 человек, апеллировавших к материальной помощи, никто не обращался в мечети и церкви.

8,4% отметили потребность в помощи делами, услугах (например, сходить в магазин, сопроводить в театр и пр.), из них обратились за помощью – 46,2%. Из 48 человек, обращающихся за посторонней помощью в делах, услугах, в религиозные организации обратился только один человек.

Исследование также выявило некоторые аспекты оказания материальной помощи малознакомым людям. Чуть более одной пятой граждан время от времени оказывают материальную помощь пожилым людям (22,7%), 13% – детям-инвалидам, 9,2% – помогают взрослым инвалидам, 3,9% – одаренным детям. Более двух третей опрошенных делает это раз в год либо реже, что свидетельствует об неукорененности подобных практик в повседневности. Безвозмездная поддержка включает в себя в большей степени семейно-ориентированные формы взаимопомощи, нежели благотворительные практики, официально действующие на базе специальных учреждений.

Таким образом, благотворительность в целом не выступает популярным средством получения помощи у населения, которое, в свою очередь, также не занимается активной благотворительной деятельностью. Роль же религиозных организаций в данном вопросе практически не заметна, если говорить о населении в целом. Ориентация исключительно на семью в социальной помощи,

показанная результатами массового опроса, косвенно свидетельствует также о слабости других социальных сетей, в том числе религиозных.

Другой опрос, проведенный в рамках проекта по исследованию религиозности молодежи в 2009 г. (выборка составила 1008 человек от 18 до 29 лет), в значительной степени подтвердил полученные данные. Молодежь редко выступает бенефициарами помощи со стороны религиозных институтов. Так, представителей мусульманской молодежи, отметивших, что «довольно часто» получают какую-либо помощь от религиозных организаций, – 2,3%, примерно столько же – среди православной молодежи – 2,8%. Редко получают подобную помощь 6,5% мусульманской молодежи и 5,2% – православной, остальные опрошенные не получают никакой помощи. Отвечая на вопрос, какую именно помощь получают от религиозных организаций, 21,8% (из числа ответивших на данный вопрос) отметили, что она носит духовный характер – «стало светло на душе», «духовную поддержку, веру», 5,5% отметили, что получают «психологическую помощь», «моральную помощь», 3,6% – советы, 12,7% в качестве помощи расценивают молитву. Такая же доля опрошенных в качестве помощи рассматривают проведение религиозных ритуалов – венчания или никаха, похорон или рождения ребенка.

17,5% молодых людей, приверженцев ислама, отметили, что помогают мечетям. Подобную же долю благотворителей можно отметить и среди православной молодежи (14,8%).

Одновременно с этим стоит указать на то, что большинство молодых людей, не оказывающих помощь храмам, мечетям и религиозным организациям, признают значимость подобной деятельности. Так, 58,5% представителей ислама и 61,9% приверженцев православия отметили: «Считаю нужным помогать, но у меня нет возможности».

Причины этого кроются в особенностях религиозного поведения. Так, для представителей ислама и православия наиболее распространенной формой религиозной благотворительности, согласно опросу, выступает дарение денег. Такие виды помощи, как предоставление своего времени на общение с людьми, требующими помощи, оказание бытовых услуг, организация мероприятий, чаще не входят в понимание благотворительности среди молодежи. Основная причина этого – исключенность из жизни религиозных организаций.

Около двух третей (64,8%) из числа опрошенных указали на то, что не участвуют в деятельности ни религиозных, ни светских организаций. Религиозные организации оказались почти в конце списка организаций, популярных среди молодежи, – в их деятельности принимают участие 1,3% среди молодежи, относящей себя к исламу, и столько же – православных.

Данные опросов подтверждаются и материалами отчетности комитета «Закят» при Духовном управлении мусульман Республики Татарстан. Объем средств, собираемых на благотворительные нужды, невелик: так, в 2005 г. было собрано 14 437,5 руб., в 2006 – 210 128,6 руб., в 2007 – 200 777 руб. и в 2008 г. комитет собрал 189 550,81 руб. Очевидно, этой суммы не будет достаточно для поддержки нуждающихся даже одного микрорайона города. Структура средств формирования бюджета комитета «Закят» также показывает низкую степень участия физических лиц в благотворительности.

Социальный капитал предполагает реципрокность – так, не участвуя в жизни общины и не занимаясь благотворительностью, население не обращается за помощью. Религиозная благотворительность, признаваемая как ценность, не выходит на инструментальный уровень, не выступает частью социального капитала большей части населения.

Мечеть как пространство социальной справедливости?

Основными агентами благотворительности среди мусульманских учреждений выступают как крупные официальные институты – Духовное управление мусульман Республики Татарстана, Союз мусульманских женщин, Российский исламский университет, расположенный в Казани, так и отдельные мечети. Большая часть существующих официальных мусульманских благотворительных практик направлена на исламское просвещение и распределение материальных средств, о чем свидетельствует поддержка ифтар-меджлисов, закят аль-фитр, летних мусульманских лагерей для детей.

Одним из ярких примеров благотворительности выступает деятельность мечети «Сулейман» и Национального исламского благотворительного фонда «Ярдем», которые совместно организуют обучение слабовидящих и слепых, а также слабослышащих людей основам ислама, создали и поддерживают специальную мусульманскую библиотеку для слепых и слабовидящих, выпускающую и распространяющую сотни книг по системе Брайля по разным регионам России. При мечети действуют специальные

детские лагеря, в том числе для воспитанников специальной школы для детей с девиантным поведением, регулярно организуются благотворительные обеды, действует всероссийская мусульманская служба знакомств.

Можно утверждать, что ведущим фактором институционализации практик социальной помощи, оказываемой мусульманскими учреждениями, выступают индивидуальный жизненный опыт ее организаторов и частная инициатива отдельных прихожан. Деятельность не носит системного характера по всей республике, а сконцентрирована вокруг отдельных фондов и мечетей. *«Пока положение у нас такое: если не проявлять инициативу и не быть преданными этому делу, ничего не получиться. <...> Так сложилось, что у нас есть Малика-ханум [преподаватель курсов для слабослышащих] <...> Пока есть такие люди, как она, инициативные, готовые работать – и работать много, а не за финансое вознаграждение, мы существуем. Есть и другие активисты: работают, преподают, жертвуют»* – высказывание имама одной из мечетей, активно занимающейся благотворительностью, одно из многих подтверждений этого тезиса.

Данные, собранные с помощью глубинных интервью с верующими, активными участниками общин, а также с мусульманскими религиозными деятелями, показывают наличие отдельных локализованных общин, как с развитой благотворительностью, так и с большой долей концентрации благотворительности на уровне семейных практик. Фокус-группы, проведенные с активными прихожанками двух казанских мечетей, и интервью с религиозными деятелями показали особое наполнение благотворительных практик, связанное с реализацией потребностей в безопасности и социальной защищенности у пожилых людей. Женщины указали на то, что власть знает про проблемы бедности и неравенства, средства массовой информации поднимают эту тему, но правительство не заботится о повышении уровня жизни: *«Подождите, про это много пишут, много спрашивают, а результата не видно. Вот это удивляет – почему нет результата? Много таких, кто ходит и расспрашивает про нашу жизнь, и в газетах пишут об этом, и по телевидению передают, а цены на все только растут. <...> Чиновники как жили, так и будут жить»*.

Ощущение «исключенности» государства из социальной заботы и невозможность влиять на социальную политику предопределили и отношение к учреждениям социальной защиты многих из тех, чья повседневность связана с религиозными общинами: *«Мы*

верим в Бога, ни на кого не надеемся. Ни одна из участниц фокус-групп не выделила социальные службы как канал помощи. Что касается «социального круга» прихожанок – людей, на помощь которых они могут рассчитывать, то он состоит из знакомых и подруг из мечети, родственников и детей. Роль мечети в социальной поддержке признается как весьма значительная. Причем под помощью подразумевается содействие в укреплении веры, решение проблем за счет их переоценки с помощью Корана: «*На себя и на Бога надеемся. А теперь приходим в мечеть, читаем молитвы, Коран, общаемся, раскрываем душу. Изливаляем горе, успокаиваем друг друга*»; «*Мы приходим сюда и делимся своими проблемами и впечатлениями, мы ощущаем себя здесь по-другому. Дома мы зацекливаемся на своих проблемах, а здесь все хорошие люди. В мечети я не встречала плохих людей*».

Понятие «здесь все хорошие люди» означает доверие, которое испытывает респондентка по отношению к другим прихожанам мечети. В условиях настороженного и недоверчивого отношения к окружающим, к государственным организациям социальной помощи и к власти в целом, тревожности, подпитанной бытовой и материальной неустроенностью, мечеть олицетворяет социальную безопасность.

Среди активных прихожан, формирующих религиозную общину вокруг мечети, преобладают пожилые люди и молодежь. Объясняя этот факт, имам одной из мечетей отметил: «*<...> это старшее поколение, наши старики, которые уже уходят, к сожалению. Среднее поколение к религии не очень. Нашего возраста нет практически. Нас воспитали коммунистами. А теперь приходит молодежь, которая берет у своих бабушек, дедушек первонациально, потом идет в медресе, учебные мусульманские заведения*».

Между пожилыми и молодыми прихожанами происходит постоянная коммуникация, дружеское общение, формируется среда «доверия»: «*<...> и шакирды очень хорошие, мы очень дружим и относимся друг к другу, успокаиваем в тяжелые минуты. Так и живем*». Типологизация людей на «простых» и «богатых» имеет значение в повседневном опыте прихожан и служителей. Так, среди жертвователей прихожанки отмечают, прежде всего, «простых людей»: «*Простые люди более близки мне по духу, они стоят на первом месте по оказанию помощи друг другу и более доброжелательны*»; «*А люди из высшего общества, настолько уж они богатые, живут очень замкнуто, молятся на свое богатство, а ма-лоимущие врачи, преподаватели готовы душу отдать за другого*».

В данных высказываниях проявляется ощущение социальной дистанции и принятие людей сходного социального статуса.

Община, сформированная вокруг мечети, позволяет прихожанам ощутить социальное благополучие, получив своеобразную «легитимацию» малообеспеченности. В социальном статусе ощущение причастности к «благому» и «справедливому» вытесняет депривацию, вызванную низким уровнем жизни и недоверием к другим общественным институтам.

Ключевыми понятиями для наших информантов, как среди мусульманского духовенства, так и прихожанок, служит понятие «добра», которое в жизненных мирах многих служителей и прихожан различает исламский и светский мир. Новое понимание добра делает их практики бескорыстными, лишенными выгоды: *«Мы очистились духовно, научились читать Коран. Люди, которые ходят в мечеть, добрыми и великодушными стали. Хочу рассказать один случай из жизни: в соседней квартире умерла христианка. Я убрала все, надела перчатки и вычистила всё. Когда я пришла в больницу, врач мне с порога говорит: низкий поклон вам, Гильмутдинова. Я хочу сказать: все те, кто посещает мечеть, по вере никого не различают; всем помогаем: и русскому, и представителю любой другой национальности все готовы оказать помочь, а ведь тот, кто не ходит в мечеть, он даже не подумает помогать, посмотрит, развернется и уйдет».*

Благотворительные акции влияют на приобщение людей к исламу. Это особенно заметно и среди заключенных, и среди сирот и многих других категорий получателей помощи. *«Каждая акция – это не просто “раздача” подарков или угощений. Люди, получающие здесь помощь, а главное – внимание, узнают о том, что мусульмане следуют призыву Всевышнего не оставлять больных и обездоленных. Они не просто приходят в мечеть, но видят Ислам собственными глазами...»*

Благотворительность как частные и семейные практики. В настоящее время в Татарстане практики мусульманской милости в наибольшей степени распространены именно в семьях, а не в мечетях. Об этом свидетельствуют как небольшие по меркам такого крупного города, как Казань, суммы закята, так и отзывы самих мусульманских деятелей и верующих.

Основной фактор неактивности мусульман в приходской жизни мечети кроется в малом количестве «маххалия» – мусульманских сообществ. Отсутствие сообщества связано с нехваткой доверия официальным мусульманским учреждениям и их деяте-

лям. В свою очередь, нехватка доверия приостанавливает рост мусульманского сообщества.

В частности информантка, чья семья придерживается норм ислама, рассказала, что крупные мусульманские праздники они проводят в деревне, жертвовать также предпочитают местной мечети: *«Обычно мы в папину мечеть даем деньги, потому что мы знаем, куда они уходят. В городскую – нет. А там [в селе] деньги идут на содержание мечети, на все услуги, за счет этого они и содержатся».*

Выделяются следующие виды «частной» благотворительности: обычай жертвовать мясо барана на Курбан-байрам мечети и нуждающимся; садака (милостыня) и татарский обычай домашних духовных собраний – меджлисов. Цель подобных меджлисов – слушание Корана, хадисов, проповедей священнослужителей. Данные собрания организуются по случаю важнейших событий в жизни человека – рождения, вступления в брак, смерти. Кроме того, меджлисы организуются в периоды, когда человек особенно нуждается в поддержке при болезни и различных неудачах. Особенno благополучные периоды в жизни также выступают поводами собрания коранических меджлисов. Средства от их устроителей передаются абыстай – почтенной пожилой женщине, читающей Коран, которая сама зачастую выступает распорядителем средств для нуждающихся: *«Они думают, что абыстай богатеет от садака. Как будто бы она богатеет и идет только для сбора денег. Это ведь неправда, абыстай отдает их детям-сиротам. Обычно возвращает как подарок обратно тем, кто отдает садаку».*

Символическое наполнение практик меджлисов у их организаторов очень разнообразно – помимо «поддержания традиций», зачастую упоминается обычай загадывать желание. Благодарение выступает в этом случае своеобразным гарантом его исполнения. Организация меджлисов по случаю ключевых событий в жизни человека позволяет людям признать новую расстановку социальных ролей и закрепить ее среди окружающих.

Дар в этом случае участвует в распределении статусов – «взаимного признания членами общества друг друга, предполагающего закрепление их социальных ролей, разграничение исполняемых ими функций и субординацию статуса». Практики милостыни помогают воспроизводить этническую и религиозную идентичности, поддерживать половой и возрастной статусы. Так, задача резать барашка достается старшему мужчине в семье, жен-

щинам отводится роль приготовления пищи для праздничного стола. На семейных торжествах по этому поводу принято с особым почтением относиться к старшим. На праздниках вспоминаются семейные истории, зачастую поются татарские народные песни.

Соглашаясь с А. Бруксом в том, что не все благотворительные практики становятся социальным капиталом, а только те, которые включены в относительно постоянное взаимодействие дающего и берущего, мы можем утверждать в то же время, что садака, не предполагающая прямого контакта с «реципиентом» (например, деньги, пожертвованные мечети), также может быть источником и следствием социального капитала, поскольку включена в институционализированные формы мусульманской благотворительности, осуществляющей мечетью. Обмен в данном случае носит символический характер и служит поддержанию религиозной идентичности, чувства сопричастности с народом и пр. Однако с социальным капиталом такие действия связаны, если речь идет не об единичных случаях, а о повторяющихся практиках.

Частные практики дарения в силу большого импульса получаемого взамен социального одобрения и надежды на чудо, прощение имеют тенденцию к воспроизведству и не выступают, как правило, в виде разовых действий. Кроме того, жертвователи транслируют свой опыт среди членов семьи и знакомых, что приводит к распространению этих практик. Большую роль имеет работа самих мечетей, осуществляющих призыв. Если дарение приводит к коммуникации между жертвователем и посредником или получателем помощи, то статус жертвователя закрепляется и также имеет тенденцию к воспроизведству.

Выход. Формирование социального капитала внутри мусульманских общин в настоящее время имеет следующие особенности. Мотивами включения в мусульманские социальные сети выступают стремление к социальной безопасности и защищенности у маргинальных групп (пожилые, молодежь), стремление к сакральному определению справедливости, которое снижает конфликтность между жизненными мирами человека, отдельных групп и окружающей действительность. Другая категория населения, не включенного в мусульманские социальные сети, но соблюдающего ритуальные практики благотворительности, участвует в символическом обмене, получая чувство сопричастности с религией, этнической группой, семьей, воспроизводя традиции. Падение доверия в российском обществе выступает и фактором, и барьером на пути формирования социального капитала в религи-

озных сообществах. Если для «маргинальных» групп мечети выступают значимым источником социальной поддержки, то для значительной доли населения религиозные институты не являются фактором коммуникации и средством решения материальных и бытовых проблем. Посещая службы, совершая ритуалы, не встраиваясь при этом в жизнь общины, люди усваивают лишь ценностно-нормативные аспекты религиозного социального капитала. Формирование мусульманских общин не носит массовый характер, а локализовано активностью отдельных мечетей, формирующих свои социальные сети, реализующих благотворительную и просветительскую деятельность. Можно предположить, что особенности религиозной идентификации и поведения не позволяют исламу стать весомым фактором социального капитала для большинства мусульман в Татарстане в настоящий период.

«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2012 г., № 2, с. 115–123.

Е. Бабошина,
кандидат юридических наук
(ДГУ, Кизлярский филиал, г. Кизляр)
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(на примере Республики Дагестан)

Россия представляет собой яркий пример полигетничного и поликонфессионального государства, в котором внутриконфессиональные, а также межконфессиональные отношения приобрели большую значимость.

Современная модель государственно-конфессиональных отношений обогащена разнообразием региональных моделей в зависимости от специфики конфессионального пространства отдельного региона. Особенно это характерно для обладающих более высоким политико-правовым статусом республик в составе РФ, где этническая и конфессиональная принадлежность во многом влияла на формирование национально-региональной идентичности (Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия).

В этноконфессиональном отношении Дагестан всегда считался одной из сложных республик, так как здесь живут представители 100 народов, из которых 32 коренных, и конфессиональное

пространство формируют почти все религиозные конфессии: исламская, христианская, иудейская. Невероятная конфессиональная пестрота и многонациональность республики связаны с историей Дагестана и его географическим расположением.

Стоит подчеркнуть, что понятия «религиозное» и «национальное» тесно взаимосвязаны в сознании мусульман Дагестана. Представление о единстве национального и религиозного факторов утверждалось в сознании народов Дагестана на протяжении длительного исторического периода. После принятия ислама народности Дагестана оказались объединенными на основе общности религии. Процесс формирования конфессионального национальной почве сопровождался специфическими особенностями, впитывающими местные национальные обычаи, традиции, обряды. Как отмечает К.Г. Гусаева, традиции и обычаи, облаченные в религиозную форму, воспринимались как созданные самим Богом и имеющие религиозное содержание. Недопонимание и неправильная оценка национальных особенностей часто проявляются в отношении к существующим религиозным обрядам и традициям. Например, организация похорон и поминок, проведение обряда имянаречения, сунната, которые не только верующими, но и неверующими в Дагестане воспринимаются как национальные обряды.

Этот феномен объясняется еще и тем, что в советский период истории немало людей придерживались исламских обычаяев и обрядов, воспринимая их как народные, а не религиозные. Это характерно не только для Дагестана, но и для мусульман Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа.

Согласно социологическим исследованиям, если верующими себя считают 64,1% опрошенных, то соблюдают религиозные обряды только 38,7%, а 25% опрошенных не соблюдают никаких религиозных обрядов. По подсчетам Э.Ф. Кисриева, глубоко религиозных мусульман примерно 200 тыс. человек. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в Дагестане преобладает тип религиозности, не связанный с регулярной обрядовой практикой.

Интересные явления наблюдаются в отношении к религии различных дагестанских этносов: аварцы – 38%, даргинцы – 20, кумыки – 14, лезгины – 10, лакцы – 4, другие национальности – 14%. Доля ваххабитов и тарикатистов среди глубоко верующих мусульман весьма незначительна, в пределах 3–4%. Очевидно, что процесс реисламизации этнически выражен: наиболее интенсивен в северо-западных районах, особенно среди аварцев, даргинцев

(исключая кайтагов), кумыков, гораздо слабее – среди лезгин, лакцев, табасаранцев, даргинцев-кайтагов.

Современная региональная модель конфессиональной политики в Республике Дагестан во многом определяется социально-экономическим, политico-правовым развитием региона и конфессиональной структурой населения, а также психологическими особенностями и деловыми качествами политических и конфессиональных лидеров. Для современной конфессиональной ситуации Дагестана характерна относительная стабильность, характеризующаяся следующими признаками:

- 1) рост религиозности населения, не связанный с регулярной культовой практикой;
- 2) высокий уровень религиозности, зависящий от места рождения и этнической принадлежности;
- 3) развитая система религиозного образования (исламского);
- 4) политизация традиционного ислама (дагестанское отделение «Нур» общероссийского мусульманского движения, Исламская партия Дагестана);
- 5) присутствие различных религиозных течений, в том числе и религиозно-экстремистского толка – ваххабизма;
- 6) поликонфессиональность.

В свою очередь, такие факторы, как политизация традиционного ислама и религиозный экстремизм, представляют угрозу безопасности не только Дагестана, но и Северного Кавказа, Российской Федерации.

Для Республики Дагестан особенно актуальна проблема существования конфликтного потенциала как межэтнического и межконфессионального, так и внутриконфессионального. Что касается исламской конфессии, то здесь налицо раскол в мусульманской умме на сторонников традиционного народного ислама и последователей реакционного крыла мазхаба ханбалитов (ваххабизм и салафизм). Причины распространения ваххабизма можно свести к двум факторам – внешним и внутренним. По мнению З. Абдулгатова, внешние факторы составляют: мусульманское образование за рубежом, миссионерская деятельность, деятельность зарубежных неправительственных организаций, экономические интересы транснациональных компаний, geopolитические интересы отдельных государств и др.

К важнейшим факторам распространения в Дагестане экстремистской идеологии ваххабизма относится изменение geopolитической роли Республики Дагестан. После получения неза-

висимости закавказскими республиками – Азербайджаном, Арменией и Грузией – и начавшейся политической нестабильности в Чечне и других республиках Северо-Западного Кавказа именно Дагестан является ключевым субъектом геополитической ситуации на Юге России. Распространению идеологии ваххабизма способствовали многочисленные внутренние причины: социально-экономическая нестабильность, безработица, обнищание населения, незащищенность личности, криминализация различных сторон жизни, деградация нравственности и морали, засилье клановой системы в мусульманских северокавказских регионах, неопределенность политики Москвы в отношении региона, низкий авторитет духовенства.

Главная угроза общественной безопасности со стороны ваххабизма заключается в его стремлении навязать обществу модель «исламского государства», вплоть до вооруженного подавления инакомыслия. Причем тенденции его распространения в обществе носят глобальный характер. Вызов ваххабизма как формы радикального политизированного ислама лежит не столько в религиозной, сколько в социально-политической плоскости. Ваххабизм на Северном Кавказе обладает определенной мобилизационной идеологией, опирается на поддержку международных исламистских организаций и других внешних сил, которые предоставляют им немалую финансовую, материальную, кадровую и пропагандистскую помощь.

Для сохранения стабильности государственным органам, общественным и религиозным организациям Республики Дагестан необходимо создать программу комплексных мер, направленных на достижение этноконфессиональной толерантности, сохранение и укрепление этноконфессионального пространства республики, мирного сосуществования и сотрудничества различных народов и конфессий в рамках единого территориального и религиозного пространства Дагестана, России, а также выработать основы региональной модели конфессиональной политики, учитывающей особенности региона.

«Россия и ее регионы в поиске гражданского единства и межнационального согласия», Уфа, 2011 г., с. 77–80.

**С. Сущий,
политолог**
**СОВРЕМЕННЫЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ –
СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС
ИЛИ ИНЕРЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ?**

По мнению значительного части российского экспертного сообщества, ситуация на Юге России, и прежде всего на Северном Кавказе, в последние годы устойчиво ухудшается. Причем данное ухудшение носит системный характер. В этом отношении показательно само название конференции, проводимой ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Системный кризис рассматривается как данность, не нуждающаяся в специальном обосновании.

В научной литературе имеется много определений понятия «кризис», которое понимается как переворот, перелом, быстрый рост негативных тенденций; выход организма / системы из зоны устойчивого развития в область непредсказуемого развития. При всех возможных различиях в дефинициях они подчеркивают резкое ухудшение состояния исследуемого явления.

По мнению В.А. Авксентьева, 2008 г. был последним годом, когда инерционный сценарий развития Северного Кавказа, реализуемый с начала века, мог вывести данный национальный макрорегион на конструктивную траекторию развития. Уже с 2009 г. реализуется негативный конфликтологический сценарий, требующий принципиально иных управлеченческих усилий и решений. В качестве выхода предлагается как можно более быстрый переход в управлении самым сложным макрорегионом РФ к системному «менеджменту» (комплексное использование последнего, заметим, жизненно необходимо не только на проблемном Юге России, но и во всей остальной РФ – всех сферах федеральной и региональной управлеченческой практики).

Анализ процессов, происходящих на Северном Кавказе, действительно обнаруживает длинный ряд негативных тенденций. Однако ими содержательная канва происходящего в данном крайне сложном и разнообразном национальном макрорегионе не исчерпывается. Даже достаточно поверхностный обзор местной социальной динамики последних лет обнаруживает ее многослойный и многосоставный характер, совокупность противоречивых трендов, локальных достижений и потерь, соотношение которых различается не только по отдельным республикам, но и по каждому из аспектов их социальной жизни.

В этой связи возникает вопрос, насколько происходящее на современном Северном Кавказе может быть определено как системный кризис. В пределах данной ограниченной публикации столь «масштабный» вопрос может быть рассмотрен только в самом первом приближении. Имеет смысл коротко остановиться на наиболее проблемных аспектах социальной деятельности Северного Кавказа, которые и дают повод говорить о его кризисном состоянии.

Террористическая активность. Минимальный уровень террора в макрорегионе пришелся на середину «нулевых», когда казалось, что после существенного сокращения НВФ Чечни в 2003–2005 гг. дело постепенно близится к почти полной ликвидации регионального бандподполья. Вместо этого последовала его пространственная децентрализация, рост террористической активности в Дагестане и Ингушетии. На месте одного (чеченского) эпицентра на Северном Кавказе образовалось три сопоставимых по масштабам центра террора. При том, что их совокупный боевой потенциал уступал чеченскому образцу 2001–2002 гг.

В последние годы межреспубликанская «перецентровка» террора продолжалась. Из наиболее значимых подвижек отметим быстрый рост (с весны 2010 г.) активности бандподполья Кабардино-Балкарии при параллельном, не менее ощутимом его сокращении в Ингушетии на протяжении 2008–2009 гг., являвшейся едва ли не ведущим регионом Северного Кавказа по активности террора. Активность бандподполья в Дагестане и Чеченской Республике в 2010 г. сохранялась на уровне предыдущих двух лет, но для Чечни есть основания предполагать некоторое сокращение боевого потенциала республиканских НВФ. И в целом в силовой компоненте антитеррористической деятельности на Северном Кавказе в последние 1–2 года фиксируются определенные успехи, прежде всего связанные с повышением эффективности работы силовых структур по ликвидации руководителей бандподполья, а также уничтожению и / или нейтрализации целых боевых групп (в 2010 г. было уничтожено порядка 400 боевиков, в том числе 30 руководителей среднего и высшего звена, около 400 террористов и пособников задержано).

В настоящее время северокавказские НВФ успевают восполнить понесенные потери. Однако это требует от них все возрастающих усилий. С учетом демографического фактора (постепенное сокращение молодежных генераций, представители которых формируют основной контингент боевиков), уже с 2014–2015 гг.

можно ожидать определенного сокращения количественных размеров НВФ, как и сокращения обслуживающей террористическое вооруженное подполье инфраструктуры. Конечно, для его ликвидации или кардинального перелома в борьбе с региональным бандподпольем абсолютно недостаточно успешной работы одних силовиков. Но, повторим, ситуация на данном направлении в 2010 – начале 2011 г. в целом по Северному Кавказу не изменилась к худшему. Скорее наблюдаются колебательная динамика активности террора, пространственная трансформация общего его ареала и основных эпицентров, удельные сдвиги различных форм подрывной деятельности, изменение соотношения отдельных источников финансирования и т.д. Иными словами, террористический «комплекс» Северного Кавказа в последние годы находится не в стадии активного роста, но пребывает в процессе непрерывной трансформации / адаптации, что вполне закономерно, учитывая масштабы антитеррористической кампании.

Социально-экономическая сфера. Характер и масштаб экономических проблем северокавказских республик хорошо известны. Постсоветская экономическая архаизация была связана не только с деиндустриализацией, утратой значительной части основных фондов, но «теневизацией» наиболее прибыльных сегментов экономики и потерей навыков производственной культуры у местного населения. Последняя, в свою очередь, является одной из причин крайне высокого уровня безработицы в ряде республик, сохранению которой способствует масштабное дотирование местной социальной сферы федеральным бюджетом и связанное с ним развитие в республиканских сообществах «иждивенческого комплекса». Как результат, сформировалась цепочка негативных социально-экономических корреляций, устойчиво воспроизводящая себя на протяжении последних 10–15 лет.

Однако положение существенно различается по отдельным республикам. Наиболее сложной в этом отношении является ситуация в Ингушетии и Чечне, реального механизма вывода которых из состояния хронической экономической стагнации пока не найдено. Но ничего принципиально нового в экономику этих республик последние годы не принесли. И едва ли корректно говорить об их «экономическом кризисе», тем более что республиканские сообщества в значительной степени вполне адаптированы к существующей в них социально-экономической ситуации, а наличие стабильного, масштабного финансирования из федерального центра – дополнительный серьезный фактор стабилизации. Эко-

номика других республик Северного Кавказа более динамична. В каждой имеются свои серьезные проблемы, но и определенные успехи и достижения, определенный потенциал развития и свои направления роста. А сопредельный Чечне Дагестан на протяжении ряда лет вообще демонстрирует достаточно быстрые темпы экономического (в том числе промышленного) роста, являясь наряду со Ставропольским краем регионом – лидером СКФО (при всех возможных критических уточнениях экономический подъем республики несомненен). Безусловно, разработанная в 2010 г. и принятая к реализации «Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 г.» – не панацея. И не станет таковой, даже в случае своей полной реализации (притом что реализуемость ее достаточно сомнительна). Экономическая сфера макрорегиона останется «высокопроблемной» на всю обозримую перспективу, а имеющийся в республиках потенциал роста, как свидетельствует практика, реализовать будет весьма сложно. Но ситуация в этом плане далеко не безнадежна. И представляется, что к происходящему в экономике большинства северокавказских республик более приложимо определение «инерционное развитие», а не «системный кризис».

Сфера государственного управления и правоохранительной деятельности. Низкие профессиональные качества управленческого аппарата и правоохранительных органов, высокий уровень их коррупционности, этноклановость – еще одна «ахиллесова пята» республиканских социумов. Однако весь набор «пороков» местной власти уходит корнями в советский период, а в современном «развернутом» виде фиксируется в республиканской жизни уже с середины 1990-х (т.е. как минимум 10–15 лет). На вопрос: существенно ли ухудшились показатели эффективности северокавказской бюрократии в последние годы, скорее следует дать отрицательный ответ. Другое дело, что необходимо учитывать фактор общественного «терпения» – с течением времени даже устоявшийся уровень «порочности / некомпетентности» воспринимается обществом с нарастающим раздражением, становясь одной из основных причин роста протестного потенциала в республиках.

Но Северный Кавказ в последние годы является примеры и положительных подвижек в данной сфере. Укажем на Ингушетию – деятельность высшего руководства республики по «самоочищению» управленческого аппарата, сокращению масштабов коррупции и повышению профессионального уровня принимаемых ре-

шений. При этом власть существенно расширила каналы обратной связи с обществом, позволяющие перейти от монолога к реальному двустороннему взаимодействию (один из результатов этой работы – сокращение масштабов террора). Едва ли в обозримой перспективе качество республиканских властей в регионе существенно вырастет, но маловероятно его дальнейшее ухудшение. Учитывая повышенное внимание федерального центра к данной проблеме, а также совокупность процессов в сопредельных сферах социальной жизни Северного Кавказа, не исключен и сценарий очень замедленного, но совершенствования работы республиканских властей и правоохранительных органов.

Сфера межнациональных отношений, религиозная жизнь. При всей очевидной сложности положения в сфере межнациональных взаимодействий на Северном Кавказе, при наличии множества локальных конфликтов в Дагестане, хронической этнополитической напряженности в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, выходящей время от времени в зону обострения, последние годы в макрорегионе обходятся без масштабных межнациональных конфликтов, аналогичных тем, которыми ознаменовались рубеж и первая половина 1990-х годов. Очевидно, что состояние «дружбы народов», отличавшей макрорегион в период советской стабильности 1960–1970-х годов, в обозримой перспективе возврату не подлежит (напомним, впрочем, что стабильность межнациональных взаимодействий советского периода далеко не всегда означала их реальную сооптимизированность). Тектонические подвижки социальной жизни конца XX в. привели этнополитику Северного Кавказа в состояние «стабильной нестабильности». И это надолго, может быть, даже по меркам истории.

Задача федерального центра и республиканских властей – контролировать и оперативно регулировать данную этнополитическую «хронику», не позволяя ситуации выходить из-под контроля, «выскакивать» из области фонового или даже повышенного напряжения в критическую зону (точка социальной бифуркации), чреватую непредсказуемой динамикой. В определенной степени власть уже научилась отслеживать и управлять этноконфликтной энергетикой, тем более что принципиально новых угроз и рисков в сфере межнациональных взаимодействий на Северном Кавказе в последние годы не появилось.

«Исламизация» общества, стремительное возрождение религии в постсоветский период являются одними из основных факторов современной социальной динамики Северного Кавказа,

определяющих в том числе и его способности к системной модернизации. Влияние данного фактора на социальную жизнь многообразно и противоречиво. Религиозная «истовость» части населения, сопряженная с социально-идеологическим радикализмом – одна из причин широкого распространения на Северном Кавказе экстремистских практик, важное условие живучести регионального террористического подполья. Тем не менее есть определенные основания предполагать, что пиковые уровни религиозности молодежи в самых проблемных республиках макрорегиона уже достигнуты и доля «истовых» в последующих молодежных генерациях должна быть несколько ниже. По крайней мере, для периода после 2015 г. более вероятным представляется определенное сокращение уровня религиозного фанатизма, нежели сохранение его существующего уровня, тем более его дальнейший рост.

Итак, социальная динамика Северного Кавказа последних лет, как представляется, обнаруживает в целом не столько устойчиво негативный тренд, сколько сложную кривую, которая в свою очередь раскладывается на ряд «синусоид», каждая из которых отражает сложную динамику одного из сегментов этнополитической, этноконфессиональной, социально-экономической, социокультурной жизни данного макрорегиона и отдельных его региональных сообществ. При этом контуры данных «отраслевых» синусоид не совпадают во времени. То есть в один и тот же временной отрезок по одним показателям фиксируется определенная стабилизация (или даже улучшение) ситуации, а по другим – динамика оказывается отрицательной.

Суммарная производная данных разнонаправленных векторов оказывается слишком сложной и многослойной, чтобы можно было однозначно говорить об устойчивом переходе всего Северного Кавказа на негативный сценарий развития. Учитывая сложноструктурированный характер данного макрорегиона, подобная «интегральная» оценка / констатация едва ли возможна вообще. Речь скорее должна идти только о фиксации основных трендов отдельных республиканских социумов.

Но, пожалуй, более существенно другое. Осмелимся предположить, что для современной России вообще не существует отдельно взятой проблемы Северного Кавказа, но есть одна интегральная проблема «России для самой себя» – проблема ее собственного системного состояния: общественно-политической устойчивости и социально-экономического динамизма, способности / неспособности решить основные проблемы своего развития

(от демографической до научно-технической). В обойму данных актуальных задач, формирующих общую «сверхзадачу», составным элементом входит и проблема Северного Кавказа.

Анализ динамики РФ в первом десятилетии XXI в. позволяет говорить об инерционном сценарии ее развития, который с большой вероятностью будет продолжен и во втором десятилетии. Данный сценарий может быть обозначен как путь *консервативно-бюрократической эволюции*, не позволяющий стране совершить прорыв в решении поставленных стратегических задач, но и не запускающих ситуацию в любой из сфер социальной жизни настолько, чтобы это дестабилизировало РФ до состояния глубокого кризиса, тем более привело ее к социальной революции. Данный инерционный сценарий развития с рельефной местной спецификой отчетливо просматривается и в социальной динамике современного Северного Кавказа.

«Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: Исторический опыт и современные проблемы», Ростов н/Д., 2011 г., с. 80–84.

Лаура Ерекешева,

доктор исторических наук

(Институт востоковедения КН МОН РК)

**СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМА
И ХРИСТИАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

История Казахстана как полигетнического, поликонфессионального государства, всегда была (и остается) связана с взаимодействием культур и религий Востока и Запада. Тесное переплетение различных культурных систем в течение более чем двух тысячелетий приводило к их взаимному сосуществованию, а также выработке специфического кода, позволяющего синтезировать достижения различных культур. Маршруты Великого шёлкового пути способствовали распространению и закреплению данной парадигмы всеприятия и межкультурного взаимодействия. С одной стороны, это привело к распространению на территории Казахстана всех мировых религий (буддизма, христианства, ислама), а также множества локальных и иных верований (тэнгрианства, шаманизма, зороастризма, манихейства, митраизма). С другой – к созданию особого синкретизма в культуре местного населения, впитавшего в себя различные культурные составляющие, что ис-

торически всегда выгодно отличало регион и подготавливало таким образом почву для распространения традиций толерантности и взаимоуважения. С распространением ислама данные векторы получили свое дальнейшее развитие. Мусульманский ренессанс X–XIV вв., имевший место в арабском мире и Средней Азии, стал той связующей нитью, которая соединила достижения древнегреческой цивилизации с возникшим уже позднее европейским (христианским) ренессансом. Можно отметить, что без ярчайших представителей средневековой мусульманской философии на Востоке, таких как аль-Газали, Ибн Рушд (Аверроэс), Ибн Сина (Авиценна), аль-Фараби, не было бы возможным знакомство европейских холистов ни с Аристотелем, ни с Платоном.

Впоследствии, с распространением в регионе идей западного просветительства, понимание необходимости сосуществования и взаимодействия культур не только не потеряло своей актуальности, но, более того, даже усиливалось. Идею взаимодополняемости различных культур Востока и Запада настойчиво подчеркивали в своих трудах и пропагандировали крупнейшие казахстанские просветители, философы XIX–XX вв. – Ч. Валиханов, Абай, Шакарим, М.-Ж. Копейулы. Мысль о необходимости мирного сосуществования ценностей различных культур и религий стала, таким образом, основанием для последующего развития идей толерантности.

Спецификой современного Казахстана является поликонфессиональный характер казахстанского общества – в нем представлены свыше 40 религиозных конфессий и деноминаций. Также как и в случае с полизначностью, поликонфессиональность в начале 1990-х годов потенциально могла стать фактором дестабилизации. Однако в силу исторически сложившихся традиций мирного сосуществования представителей различных конфессий, в первую очередь исламской (суннитского толка) и христианской (православия), изначально высокой степени толерантности номадной культуры, отсутствия исторических прецедентов межрелигиозного противостояния, а также сбалансированной политики государства, межконфессиональная терпимость стала нормой жизни.

За годы независимости в религиозной сфере произошли значительные изменения. В целом, отмечалась тенденция роста числа религиозных объединений – от 661 в 1989 г. до 2192 в 1998 г. и 3259 по состоянию на 1 января 2006 г. При этом доля религиозных объединений на основании вероисповедания выглядела следующим образом (по состоянию на 2003 г.): приверженцев ислама –

53,7%; православия – 7,8; католицизма – 2,9; христиан-баптистов – 12,3; лютеран – 3,2; новых религиозных движений – 11,1%; прочих – 3% и т.д. Обращает на себя внимание факт неабсолютного доминирования представителей ислама в общем пропорциональном срезе, что являлось и продолжает оставаться характерной особенностью Казахстана как поликонфессионального государства: «За годы независимости количество православных приходов возросло в четыре раза, католических – в два раза. Действуют более тысячи миссий и молитвенных домов протестантских объединений, в стране также функционирует 21 иудейская община, впервые за многие века построен буддийский храм». Произошел рост и числа приверженцев ислама в республике: 46 общин в 1989 г., 679 – в 1996, более 1000 – в 1998, 1652 – в 2003 г., 1766 по состоянию на 1 января 2006 г.

Данные Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК) свидетельствуют о более высоких показателях как числа мусульман, так и исламских религиозных объединений: в 2008 г. «в республике около 9 млн. мусульман, что составляет 67% населения. Из 2337 мусульманских объединений, действующих в Казахстане, 2334 – суннитского, три объединения – шиитского направления»; «мусульманским объединениям принадлежат 2195 мечетей».

Исторически сложившимся видом ислама в Казахстане является суннизм ханафитского мазхаба, отличающийся высокой степенью терпимости к инакомыслящим; использованием норм обычного права (адат); применением в правовых вопросах суждения по аналогии (аль-кийас), в теологическом плане открывающего в фикхе простор для «использования рационалистического исследования правовых вопросов», восходящего к логике Аристотеля. Ханафитский мазхаб распространен среди абсолютного большинства мусульман Казахстана – представителей различных этнических групп. Исключение, однако, составляет чеченское и ингушское население республики, исповедующее суннизм шафиитского мазхаба, сложившегося «под сильнейшим влиянием ханафитского и маликитского мазхабов». «Организационно суннизм шафиитского мазхаба в республике не оформлен, хотя имеются отдельные мечети, в частности в 1998 г. открыта мечеть в г. Алма-Ате. В Павлодаре действует официально зарегистрированная в феврале 2001 г. мечеть “Дом Казахстана”, или так называемая вайнахская мечеть. С усилением связей верующих с мусульманским миром в Казахстан стал проникать суннизм ханбалитского мазхаба».

ба, отличающийся отрицанием свободы мнений в религии, фанатической строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата, ограниченным применением кияса» (аль-кийаса).

В институциональном плане изменения в религиозной сфере выразились, прежде всего, в образовании в январе 1990 г. Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК), которое возглавил муфтий Ратбек-кажи Нысанбайулы, а с июня 2000 г. – муфтий Абсаттар-кажи Дербисали. Специфика развития ислама в стране такова, что «большинство населения Казахстана считает себя мусульманами. Но хочу подчеркнуть, что доминанта ислама в Казахстане никаким образом не препятствует полноценному функционированию других вероисповеданий».

Русская православная церковь (РПЦ) в Казахстане за годы независимости также получила свое институциональное закрепление. В целом православие в Казахстане к настоящему времени является вторым после ислама исторически сложившимся традиционным религиозным направлением. Если в 1956 г. в Казахстане функционировало всего 55 приходов, то на 1 января 2008 г. РПЦ имеет на территории республики 281 религиозное объединение, к которым относятся 257 культовых сооружений. По состоянию на 1 января 2003 г. Русская православная церковь имела на территории республики 222 прихода и восемь монастырей. Для сравнения, в 1989 г. количество приходов РПЦ было 62, в 1993 г. – 131.

Изначально в организационном отношении православие в Республике Казахстан представляло собой Казахстанскую епархию, разделенную в 1991 г. на три епархиальных управления (Алматинско-Семипалатинское, куда с 1999 г. входили также структуры г. Астаны; Шымкентское; Уральское). Кроме того, с 2002 г. «Синодом Русской православной церкви архиепископу Астанайскому и Алматинскому Алексию было поручено также осуществление духовного окормления православных в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР (в настоящее время в КНР отсутствуют церкви РПЦ)». 7 мая 2003 г. было принято решение Синода о создании в Казахстане митрополичьего округа, в состав которого вошли Астанайская, Уральская и Шымкентская епархии. Возглавил округ с центром в г. Астане митрополит Мефодий (Немцов).

Визит Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в январе 2010 г. в Казахстан придал новый импульс развитию православия в стране, а также стал важным шагом в укреплении отношений между православной и исламской общинами. Освященный им Успенский кафедральный собор (Успения Божьей

Матери) в г. Астане является самым большим христианским храмом в Центральной Азии (его высота составляет 68 м, площадь – 2000 м²), в котором одновременно могут молиться до 4 тыс. верующих.

О статусе православия в республике и государственной политике в религиозной сфере можно судить и по институционализации, начиная с 2006 г., православного Рождества (наряду с Курбан-айтом) в качестве нерабочего дня: «Впервые в нашей истории важнейшие религиозные праздники объявлены выходными днями, чтобы верующие могли полноценно проводить культовые мероприятия». Показательны уже ставшие традиционными обращения-поздравления «со светлым праздником Рождества» президента Н.А. Назарбаева 7 января не только к православным, но и ко всем казахстанцам.

Хотелось бы подчеркнуть, что в области межконфессионального взаимодействия Казахстан, пожалуй, как никакое другое государство региона, постоянно делает упор на важности данного аспекта для стабильности в Евразии, что оправдано особенностями его исторического развития и географического положения. Свое выражение такая направленность получает, например, в виде укрепления диалога между исламом и христианством, причем, как в сфере внутри-, так и внешнеполитической деятельности.

Государственная политика в области межконфессионального диалога с христианством включает в себя и развитие католицизма, а также тесное сотрудничество с Ватиканом. Развитие католицизма в республике непосредственным образом связано с переселением на территорию Казахстана в различное время (начиная еще с XIX в.) ссыльных поляков, немцев, украинцев. За годы независимости в структурно-административном отношении католицизм претерпел ряд трансформаций. В частности, весной 1991 г. была создана Апостольская администрация Казахстана и Средней Азии, в состав которой входили также Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан. Ее центром стала Караганда. С августа 1999 г. Апостольская администрация Казахстана была преобразована в Карагандинскую епархию (приходы Карагандинской и Восточно-Казахстанской областей) и образованы три Апостольские администрации – Астанайская, Алматинская, Атырауская. В дальнейшем решениями, принятыми папой Иоанном-Павлом II, Апостольская администрация в Астане была возведена до архиепархии Святой Марии, и в республике создана Епископская конференция. В настоящее время в структуре Римско-католической

церкви (РКЦ) в Казахстане функционируют 90 католических общин, из которых 82 зарегистрированы как юридические лица и филиалы. В их распоряжении свыше 40 храмов, порядка 200 часовен и молитвенных домов.

Наряду с православием и католицизмом в Республике Казахстан достаточно широко представлен и протестантизм, также неразрывно связанный с исторической спецификой развития страны как полигэтнического государства. Начало распространения протестантизма в республике относится еще к колониальному периоду истории Казахстана и связано, прежде всего, с переселением немецкого населения в составе Российской колониальной армии и гражданских чиновников на территорию Казахстана. В XIX–XX вв. переселение этнических немцев, в частности в период столыпинских реформ начала XX столетия, и особенно в годы Второй мировой войны, привело к значительному росту последователей протестантизма (его различных течений) в Казахстане. К началу XXI в., несмотря на эмиграцию немцев в результате распада СССР, протестантизм остается распространенным направлением в стране: функционируют свыше 850 объединений, более 30 конфессий протестантского толка. По данным на октябрь 2007 г., по общему количеству всех протестантских религиозных объединений и групп (включая традиционных протестантов, пятидесятников, пресвитерианцев, а также представителей нетрадиционных протестантских (харизматических) направлений), составивших 1173, протестантизм уступал только исламу, который насчитывал 2345 религиозных объединений и групп. В целом необходимо отметить достаточно значительное присутствие этого направления христианства в стране.

На сегодняшний день Казахстан представляет собой удобную площадку для диалога между религиями в рамках институционально закрепленных и успешно апробированных на международном и внутреннем уровне таких структур, как съезды лидеров мировых и традиционных религий, проводившиеся в Казахстане в 2003, 2006 и 2009 гг., и Ассамблея народа Казахстана, которые призваны продвигать соответственно идеи «культуры мира» (в международном плане) и социального взаимодействия (на казахстанском уровне). Съезды лидеров мировых и традиционных религий изначально задумывались как площадка для диалога между представителями различных конфессий в условиях мегатенденции настоящего времени – глобализации и одновременно усили-

вающейся дискретности мира и связанных с ними проблем идентичности. Лейтмотив съездов условно можно свести к следующему:

– выход из глобального культурного тупика невозможен с помощью одних лишь политических акций, «роль духовных учителей здесь решающая»;

– «культурное и религиозное разнообразие мира – это реальность, которую нужно понять и принять как данность рода человеческого, любой иной подход политиков может просто взорвать мир»;

– сегодня речь идет не о взаимодействии религии, а о глобальном диалоге религиозного и светского миров;

– необходим баланс между традицией и поиском нового.

Пример съездов, позволяющий лучше представить более общие трансформации, происходящие на глобальном уровне, является репрезентативным, как в фокусе отражающим соотношение глобального и локального, в частности конкретные усилия отдельно взятого государства в условиях вызревания новых тенденций в области межрелигиозного, а также религиозно-светского диалогов.

I съезд представителей мировых и традиционных религий проводился в г. Астане 23–24 сентября 2003 г. и собрал 17 делегаций. Динамика съездов такова, что на проведенном в 2006 г. II съезде присутствовали 29, а в 2009 г. на III съезде – уже 77 делегаций из 35 стран мира. I съезд принял резолюцию, провозглашающую межконфессиональный диалог наиболее значимым инструментом поддержания мира и согласия между странами. Кроме того, важными результатами этого съезда стали институционализация самой идеи взаимодействия лидеров различных конфессий и закрепление ее на международном уровне в качестве одного из инструментов по поддержанию согласия и постоянной площадки для дискуссий. Как отметил Н.А. Назарбаев, «до этого столь универсального по представительству конфессий форума не было. Та астанинская встреча дала серьезный импульс для глобального диалога религий, различных форумов, конференций как регионального, так и мирового масштаба». В ходе работы I съезда лидеров мировых и традиционных религий участниками форума было принято решение о создании рабочего органа съезда – секретариата, организационную разработку которого было решено предоставить Республике Казахстан как инициатору съезда.

II съезд, состоявшийся в 2006 г., по-новому выставил проблему взаимоотношений между конфессиями и, соответственно, потребность в усилении диалога в условиях эскалации

конфликтов, в частности в Ираке. Это отразилось на главной теме – «Религия, общество и международная безопасность», – а также решениях съезда, когда духовные лидеры, собравшиеся в Астане, обратились к государствам с призывом продолжать диалог и предпринять дальнейшие усилия по развитию культуры мира и согласия, а также по повышению роли религиозных лидеров в укреплении международной безопасности.

По итогам съезда участники приняли Декларацию, закрепившую их представления о роли религии в современном мире. Декларация воплотила в себе договоренности, достигнутые за период трехлетнего диалога и совместной работы, направленные на усиление роли лидеров мировых религий в процессе установления глобального мира. На съезд были приглашены представители ислама, христианства, буддизма, иудаизма, даосизма и синтоизма, международных религиозных организаций, включая Всемирную конференцию религий за мир, Всемирный совет церквей. Показательно, что концепция съездов была представлена и на символическом уровне в виде строительства Дворца мира и согласия, открытого ко времени проведения II съезда в 2006 г. Показательно в этом отношении и обращение президента Н.А. Назарбаева к участникам съезда, в котором наряду с традиционными проблемами, связанными с прикладным значением религии для поддержания международной безопасности, был заявлен и ряд концептуальных положений философской направленности. В самом общем виде их можно свести к применению древнего «принципа ненасилия в мыслях, словах и действиях». Причем ненасилие в мыслях, т.е. во внутреннем, духовном поле человека относится им к полю религиозных исканий; ненасилие в словах – к средствам массовой информации; в то время как ненасилие в действиях – к политической сфере: «Только отказ от насилия на уровне религиозной доктрины, на уровне медийных средств и на уровне политического действия есть реальная база для выживания в современном мире».

Эта своеобразная триада рассматривается им как первооснова мира, причем ненасилие в религиозной сфере – в качестве ее основания: «Когда религиозные деятели совершенно серьезно рассуждают о преимуществах одной религии над другой, то становится ясным, что конфликт закладывается изначально. Когда средства массовой информации смакуют издевательства над святыми чувствами иноверующих, то становится ясным, что этим журналистам рано или поздно придется столкнуться с издевательством над собственными верованиями. Когда политики без колебаний дают

приказ на применение силового метода решения этнорелигиозных конфликтов, то становится ясным, что война придет на порог их собственного дома. В этом треугольнике не должно быть агрессивных сторон. Но в основании должна отсутствовать агрессивность в позиции религиозных деятелей». Данный «трехмерный» принцип ненасилия далее рассматривается им в контексте взаимодействия в современном мире и определяется как «каркас понимания; это еще не диалог, это основа для его начала. Но без такой основы любой диалог превращается в пустую трату времени». Принципы эти следующие – отказ от стереотипов, отказ от вторжения в чужие сакральные сферы, совместный ответ мировых и традиционных религий на новые нестандартные угрозы.

Отмеченные выше принципы можно определить как некую рамочную структуру, очерчивающую и собственно религиозный диалог. В этой сфере сакрального далее можно отметить постулат, подводящий непосредственно к теологическому уровню для того, чтобы «искать основу для диалога через божественное в человеке, а не через человеческое в божественном». Представляется, что данный сугубо теологический принцип в современных условиях развития несет особую нагрузку, поскольку позволяет найти основу для взаимопонимания в межрелигиозном взаимодействии, в той сфере сакрального, которая, как было отмечено ранее, является основой трехстороннего принципа ненасилия.

Следующие два момента, на которые хотелось бы обратить внимание, связаны с понятиями культурного и религиозного разнообразия, а также религиозно-светского диалога. С конца XX в. оба понятия уже достаточно широко представлены как в научной, теологической, так и в политической и общественной сферах, в том числе на уровне решений международных организаций, в частности ЮНЕСКО. Однако это не снимает их особой актуальности – не только в силу большой значимости в современном мире, но также и в силу приводимой в выступлении интерпретации, которая напрямую увязывается с отмеченным выше принципом «поиска божественного в человеке», имеющим непосредственное прикладное значение. Идея необходимости соблюдения культурного и религиозного разнообразия отмечается Н.А. Назарбаевым в связи с множественностью культур, в основе которых лежит «культ Бога. Тысячелетиями культуры, основанные на вере, сохранили свое живое слово в истории. В некотором смысле сохранение своего религиозного духа есть залог сохранения в истории целых народов». В этой связи логичен постулат и о множественно-

сти цивилизационных проектов, напрямую связанный с тем, что «мир никогда не будет построен на базе одного цивилизационного проекта... Культурное и религиозное разнообразие мира – это реальность, которую нужно понять и принять как данность рода человеческого. Любой иной подход политиков может просто взорвать мир. Желание одной культурной традиции навязать свои ценности другим культурам, попытки построить общественные отношения по чужим лекалам никогда не приведут к взаимопониманию. Напротив, такая жесткая культурная экспансия вызывает не менее жесткое сопротивление. Только уважение к историческим традициям других народов, справедливость и искренность в отношениях цивилизаций, религий и народов способны создать мир согласия и духовности».

III съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся 1–2 июля 2009 г. в Астане. В работе III съезда, проходившего при техническом содействии институтов Организации Объединенных Наций, приняли участие 77 делегаций из 35 стран мира. В 2009 г. ситуация в мире и регионах во многом определялась проблемами социальной нестабильности, мирового финансового кризиса, терроризма, ядерного разоружения и др. Данные проблемы не могли не оказать влияния на тематическое содержание съезда – «Роль религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве». Социально-экономические катаклизмы, прежде всего, вызванные мировым финансовым кризисом, заставили по-новому взглянуть на тему духовности и морали, социальной солидарности, диалога. Идея о том, что, может быть, реальной причиной экономических и социальных катаклизмов является недостаток или даже отсутствие духовности, получила свое развитие, равно как и тезис о духовности, морали, этике как важнейших императивах современного развития. Весьма показательно, что и секционные заседания во многом определялись данными темами: 1) «Моральные и духовные ценности, мировая этика»; 2) «Диалог и сотрудничество»; 3) «Солидарность, особенно в период кризисов». Общая концепция съезда получила отражение и в выступлении Н.А. Назарбаева, который отметил, что нынешний кризис нельзя преодолеть без изменения сознания: «...без перемен в сознании, без твердого соблюдения моральных норм и высших нравственных принципов кризиса не преодолеть! Лишь справедливый миропорядок может стать основой процветания человеческого общества!» Эти вопросы должны стать основой деятельности созданного в Астане во Дворце мира и

согласия Международного центра культур и религий, призванного стать рабочей площадкой, своеобразной лабораторией съезда, местом, где будут формироваться новые идеи и политические рекомендации.

Рост числа делегаций – участников съезда, актуальность рассматриваемых вопросов, общий ход заседаний, а также организационное сопровождение способствовали тому, что съезды лидеров мировых и традиционных религий получили не только свое институциональное оформление, но и стали эффективной международной диалоговой площадкой, а также составной частью глобального процесса по налаживанию сотрудничества между религиями (наряду с другими инициативами, существующими в мире, такими как «Альянс цивилизаций», инициативы России (международная Группа религиозных лидеров высокого уровня, образование Консультативного совета при ООН по делам религий), а также инициативы Саудовской Аравии по межрелигиозному диалогу, приведшей к принятию в 2008 г. так называемой Мадридской декларации по межрелигиозному диалогу).

Одним из конкретных результатов работы III съезда стало то, что по инициативе Казахстана обращение участников III съезда лидеров мировых и традиционных религий было распространено в Организации Объединенных Наций в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, что можно расценивать не только как успех казахстанской дипломатии, но и как продвижение идей, концепта данного форума о межрелигиозном взаимодействии.

«Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания», СПб., 2011 г., с. 127, 135–143.

Лариса Хоперская,
доктор политических наук
(Киргизско-Российский славянский университет)
РОССИЯ И КИРГИЗИЯ
В УЧЕБНИКАХ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Проблема фальсификации истории, которая была поднята руководством Российской Федерации и нашла отклик в научном и экспертном сообществах, имеет множество аспектов. В данном случае, представляется необходимым сосредоточиться на одном –

с какими знаниями об истории взаимоотношений России с народами постсоветских государств прибывают из этих государств в Россию трудовые (легальные и нелегальные) мигранты. Остановимся на анализе нескольких учебных пособий, изданных и использующихся в образовательной системе Киргизии, число мигрантов из которой неуклонно растет и, по официальным данным, составляет несколько сотен тысяч человек.

В частности, посмотрим на наиболее популярные издания на русском языке: *Иманкулов М.К. История Кыргызстана XX–XXI вв. Учебник для 9 класса средней школы. Перевод с кырг. Б.: Издательство «Китеп компания», 2006. – 240 с.; Подкуйко Ю., Выговская В., Карабаев Э. Основные проблемы истории Кыргызстана: Учебное пособие. Б., 2007. – 104 с.; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Экспресс-справочник. Третье издание, дополненное. Б., 2007. – 364 с.*

Все эти учебные пособия при различной степени детализации и особенностях стиля изложения объединяет общий этноцентристский концептуальный подход. Несмотря на то что в названиях всех изданий фигурирует слово «Кыргызстан», посвящены они истории киргизского народа. В дальнейшем тексте статьи автор использует правильное с точки зрения русской грамматики написание слова «киргиз» и его производных, но при цитировании учебников сохраняет написание «кыргыз», активно навязываемое в последние годы русскоязычному населению Киргизии как форма официальной демонстрации неуважения русского языка. Впрочем, проблема преподавания русского языка в Киргизии заслуживает самостоятельной статьи. Так, учебник М. Иманкулова содержит эпиграф: «Эту историю для кыргызов написал, чтобы каждый народ о кыргызах узнавал». Авторы учебного пособия «Основные проблемы истории Кыргызстана» подчеркивают, что в нем «основное внимание уделено истории кыргызов и практически не затрагивается история других народов, проживающих на современной территории республики до XV века», а справочник О.Дж. Осмонова подытоживает многовековую «борьбу кыргызов против русских захватчиков».

Итак, что же нужно знать школьнику Киргизской Республики в соответствии с Программой государственных экзаменов по истории Киргизстана для выпускников школ и вузов, утвержденной Министерством образования и науки КР? Для ответа на этот вопрос составим конспект учебника «История Кыргызстана» для 9 класса.

Первый параграф начинается с утверждения «Кыргызстан – колония Российской империи», при раскрытии которого поясняется, что «колониальные власти всячески препятствовали созданию условий для культурного развития кыргызского народа», «...проводилась политика раздробления целостности кыргызского народа, ...при этом русские, дунгане и представители других национальностей были распределены по отдельным волостям».

Характеристика экономического положения Киргизии такова: «Кыргызстан, как и другие колонии Российской империи, был превращен в источник дешевого сырья для российской промышленности, в ее аграрно-сырьевой придасток»; «В особенно сложном положении находились сезонные рабочие – большей частью представители местных национальностей. Их заработка плата, несмотря на одинаковые условия труда, была в два раза ниже, чем у их коллег, приезжавших из метрополии: русских, украинцев, евреев, татар и др.»; «Колонизаторов больше всего интересовали природные богатства Кыргызстана, поэтому царское правительство объявило населенные кыргызами земли, их недра, а также леса государственной собственностью. С целью окончательного овладения землями кыргызов и создания в этих регионах надежной для себя опоры царское правительство с 1867 г. начало заселять Кыргызстан русскими казаками и крестьянами-переселенцами»; «Переселенцы наделялись лучшими землями, отбиравшимися у местного населения»; «Где будут выпасать свой скот кочевавшие здесь кыргызы, власти совершенно не интересовало».

Оценка восстания 1916 г. такова: «Это восстание явилось по своей сути национально-освободительной борьбой кыргызского народа против колонизаторской политики Российской империи»; «Император Николай II неукоснительно требовал подавления восстания любыми способами... Каратели, отряженные для уклона восставших, с лихвой использовали данные им полномочия. К примеру, 14 августа в населенном пункте Беловодское карательный отряд совместно с группой ополчения из переселенцев уничтожил, не тратя ни одного патрона, более 600 кыргызов, забив их палками, топорами и вилами. Полуживых раздавливали гружеными телегами. В этот же день озверевшие каратели совершили еще несколько рейдов в близлежащие волости, где сначала ограбили, а потом поголовно убили всех остававшихся в юртах кыргызов».

Если конспектировать учебник дальше, то подобные цитаты можно найти практически на каждой странице. Например: «Большие надежды, возлагавшиеся кыргызским народом на советскую

власть, сразу после победы революции, не оправдались полностью. Среди местных большевистских лидеров русской национальности преобладало шовинистическое мировоззрение... В первые годы советской власти великодержавная колониальная политика продолжала свое существование»; «Первая попытка представителей интеллигенции местного населения Туркестана достичь национальной и государственной независимости была объявлена большевиками буржуазно-националистической, контрреволюционной деятельностью и подавлена с помощью вооруженных сил»; «Противоречия между большевиками и их противниками привели к гражданской войне»; «Местные жители поднялись на борьбу за свою национальную независимость и религиозные убеждения. Таким образом, началась открытая борьба местного населения против советской власти, которую позже стали называть “басмаческим движением”... Повстанческие или, по официальной версии, – “басмаческие” отряды стали возникать повсеместно... Народные борцы пользовались среди местного населения большим уважением»; «Кыргызы и после установления советской власти довольно длительное время были раздроблены по различным областям Туркестанской АССР – Семиреченской, Сырдарынской, Ферганской, Самаркандской и др. На этих территориях кыргызы составляли национальное меньшинство и в большинстве случаев их национально-культурные интересы игнорировались».

В 1930-е годы «для быстрорастущей промышленности Кыргызстана одной из наиболее острых стала проблема кадров... Продолжена испытанная практика направления в промышленные отрасли Кыргызстана опытных рабочих кадров из центральных районов страны. Их в первую очередь обеспечивали жильем и другими социальными льготами... Из-за недостаточности знаний и профессиональной подготовки рабочие местных национальностей были вынуждены выполнять низкоквалифицированные и малооплачиваемые работы»; «Формирование национального рабочего класса было扑щено на самотек. При закладке новых предприятий, в том числе и по переработке сельскохозяйственной продукции, совершенно не учитывались такие демографические особенности, как низкая мобильность социальной миграции недавно перешедших к оседлости кочевников... Все это оказало отрицательное влияние на уровень подготовки рабочих кадров коренной национальности. Контингент рабочих строящихся в Кыргызстане предприятий поднялся в основном за счет опытных рабочих Москвы, Ленинграда и других индустриальных центров».

О Социалистической Туранской партии (СТП), созданной в начал 1930-х годов: «Встревоженные создавшимся тяжелым экономическим положением и отрицательными последствиями политики большевиков в сельском хозяйстве передовые представители национальной интеллигенции стали искать дальнейшие пути развития Кыргызстана»; «Оппозионеры хотели обнародовать свою идеологическую точку зрения в программном “Обращении”, однако она не достигла широких кругов общественности. В программе была предпринята попытка связать идеи социализма с пантуркизмом... В “Обращении” СТП говорилось, что за всю свою трехтысячелетнюю историю кыргызский народ не был в таком жалком состоянии, как при продолжателях дела царского империализма – красных милитаристах. В обществе главенствует военно-монархический строй, где правят секретари райкомов и ЦК. А индустриализация в Туране проводится в интересах России. Лучшие сыны его, которых большевики называют “басмачами”, на деле являются борцами с красным милитаризмом».

Стоит обратить внимание, что на протяжении всего учебника автор использует такой «педагогический» прием, как противопоставление. Четко выделяются (и легко запоминаются учениками) следующие пары: «народные борцы» – «русские карательные отряды»; «передовые представители национальной интеллигенции» – «русские колонизаторы»; «патриотически настроенная группа кыргызской интеллигенции» – «русские шовинисты»; «элита национальных кадров» – «красные милитаристы» и т.п.

При помощи этого приема автор делает важные для учеников выводы: «Как показывает вышеизложенное, вокруг СТП намерена была сплотиться думающая о судьбе народа, патриотически настроенная группа интеллигенции. После ареста ее участникам пришлось пережить все ужасы тюремного режима, допросов и пыток»; «Уничтожение в результате массовых репрессий лучших хозяйственных и партийных руководителей осуществлялось с целью отделения народа от элиты национальных кадров, сформировавшихся... в результате роста национального движения и самосознания. Назначение на партийное руководство шовинистически настроенного М.Л. Белоцкого облегчило эту задачу»; «Первые кыргызские интеллигенты были выходцами из состоятельных семей, имевших средства на обучение своих детей, иначе говоря, являлись представителями бай-манапского сословия. В результате проводимой большевиками в послереволюционные годы классовой политики большая часть образованных кыргызов не смогла

применить свои знания в практической деятельности»; «Предыдущие духовные ценности, необходимые для поддержания и дальнейшего развития национального интеллектуального самосознания, оказались невостребованными».

Продолжая свое «историческое» повествование, автор сообщает, что в 1930-е годы «множество ақынов и писателей по обвинению в “бай-манапстве”, “контрреволюционности”, “буржуазном национализме” подверглись преследованиям, а их произведения были признаны вредными с политico-идеологических позиций и запрещены... Запрещено было даже продавать книги на кыргызском языке, где имелись стихи, статьи, заметки или хотя бы фотографии внесенных в список “врагов народа” и “буржуазных националистов”». В 1950-е годы народные национальные эпосы, включая «кыргызский “Манас”, были охарактеризованы со стороны высшего руководства СССР как религиозно-пропагандистские и антнародные, подвергнуты критике и запрещены. Национальная интеллигенция тюркоязычных республик безропотно восприняла этот удар по своему культурному наследию. Лишь в Кыргызстане нашлись люди, не согласные с таким подходом».

Затем следует упрек в адрес советской исторической науки: «Дореволюционная история кыргызов интерпретировалась как череда непрерывного укрепления дружбы кыргызского народа с русским. Царская империя перестала быть “тюрьмой народов”, наоборот, ее колонизаторская экспансия преподносилась как просветительское движение, а сама она превращалась в центр сплочения народов. Зато все это вместе с общероссийским революционным движением через Февральскую революцию подводилось к Великой Октябрьской революции. Если вначале историки называли колонизацию края “присоединением к России”, то позже это было заменено термином “вхождение в состав России”, который дополнялся определениями “добровольное”, “по своей инициативе” и т.д. ...Представители национально-освободительного движения, выступавшие против царизма, стали считаться реакционерами».

Характеристика КР в годы хрущёвской «оттепели»: «Центральным органам не было дела до национальных особенностей республик»; «Работавший при институте языка и литературы Академии наук кружок по изучению и дальнейшему изданию наследия Молдо Калыча был закрыт специальным приказом. Повидавшие сталинские лагеря за исследования произведений Молдо Калыча литературоведы на этот раз не решились отстаивать свои позиции».

В 1960-е годы «недостаток трудовых ресурсов восполнялся не путем подготовки квалифицированных кадров из числа местной сельской молодежи с последующим ее трудоустройством, а с упором на привлечение рабочих из районов, расположенных за пределами республики. Из-за нерешенности жилищного вопроса и ввиду того, что молодежь из числа представителей местных национальностей использовалась на неквалифицированных, низкооплачиваемых работах, она не смогла укорениться на крупных городских предприятиях. Большая часть молодежи коренной национальности вернулась в сельскую местность и пополнила ряды безработных. К середине 80-х годов число необеспеченных постоянной работой сельских жителей составило более 140 тыс. человек»; «Жесткая командно-административная система, всячески пресекавшая любое проявление самостоятельности, угнетала социальную активность сельских тружеников»; «Одна из главных отраслей сельского хозяйства Кыргызстана – животноводство, особенно овцеводство, – оказалась в крайне тяжелом положении... В этой отрасли в основном были задействованы представители коренной национальности, и на ее долю в высокогорных хозяйствах приходилось 90% их общего дохода. В начале 80-х годов овцеводческое хозяйство впервые стало убыточной отраслью, а множество колхозов и совхозов стали должниками государства»; «В 70–80-х годах Кыргызстан по жизненному уровню населения среди всех республик Союза стоял на последнем месте. Жизненный же уровень самих кыргызов был намного ниже других народов, населявших Кыргызстан... Сотни тысяч людей нуждались в улучшении жилищных условий. Большая часть возвведенной в столице жилплощади выделялась привлеченным из других регионов СССР для работы на предприятиях союзного подчинения рабочим и инженерно-техническим специалистам. Что касается жителей самого Кыргызстана, то они были вынуждены по 20–30 лет стоять в очередях на получение жилья. Не имея возможности в течение многих лет получить жилье, сотни тысяч молодых людей местных национальностей, приехавшие работать на городских промышленных предприятиях, возвращались обратно в села. Многие люди, потеряв надежду в обозримом будущем получить жилье, стихийно занимали в окрестностях столицы земельные участки и самостоятельно строили себе крышу над головой. Ввиду того, что самовольное строительство в столичном городе было запрещено, их подвергали преследованиям, не давали городской прописки».

В годы перестройки «значительная часть передовой кыргызской национальной интеллигенции активно поднимала вопросы восстановления исторического наследия, памятников национальной истории и культуры, переименования улиц и площадей, оправдания безвинно осужденных, о будущем кыргызского языка и другие проблемы»; «Кыргызстан, как и другие республики Средней Азии, был превращен в сырьевую базу, уровень его социального развития и социального обеспечения был намного ниже, чем у большинства европейских республик. При распределении и перераспределении национального дохода допускалась неприкрытая несправедливость».

Зато, по словам автора учебника, после принятия «Декларации о государственном суверенитете» в 1990 г. «в течение всего лишь одного года Кыргызстан из темного бастиона консерватизма превратился в активно действующий и ищущий новые пути развития субъект постсоветского пространства».

Описывая мартовскую революцию 2005 г., значение которой в том, «что произошли большие изменения в сознании людей, они освободились от инертного сознания, беспрекословного подчинения властям», автор обращает внимание на то, что «некоторые российские политики выступили с резким осуждением акций протеста и призвали президента к жестким действиям».

Параграф «Внешняя политика и международные взаимоотношения суверенного Кыргызстана» начинается с информации о том, что «27 декабря 1991 г. независимость Кыргызстана признали США. 1 февраля 1992 г. впервые в истории Средней Азии и Кыргызстана в городе Бишкек открылось посольство США, а в Вашингтоне – посольство Кыргызской Республики». Далее перечислены названия семи государств, с которыми КР поддерживает активные международные отношения, но Россия в этом перечне отсутствует, входя в группу «и другие страны дальнего и ближнего зарубежья».

При характеристике внешнеэкономических связей подчеркнуто, что «использование зарубежных капиталов играет важную роль в успешном проведении экономических реформ в Кыргызстане», названы канадская горнорудная компания «Камеко», американская корпорация «Моррисон Кнудсен», швейцарский консорциум «Андре», но опять же не упомянуто ни об одной российской компании, оказывающей весьма заметное влияние на экономику КР, например «ГазпромнефтьАзия» и «Зарубежнефтегаз».

В списке приоритетных для республики международных организаций – ООН, ЮНЕСКО, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, Организация Исламская конференция, Исламский банк развития, Международная финансовая корпорация, Азиатский банк, Всемирный банк и Международное агентство гарантирования инвестиций.

«В Декларации о государственной независимости Кыргызской Республики четко определено, что государство обязуется заботиться о сохранении генофонда, этноса, национальной государственности, культурного и языкового наследия кыргызского народа, способствовать удовлетворению национально-культурных и языковых потребностей проживающих за пределами республики кыргызов».

«Превалирование русского языка в социальной жизни республики приводило к постепенной утрате общественных функций кыргызского языка. В городах и районных центрах юноши и девушки кыргызской национальности, окончившие русские школы, слабо владели родным языком или не знали его вовсе... Высокое партийное руководство Кыргызстана, полностью зависевшее от центральных органов, не решалось открыто противостоять такой дискриминации кыргызского языка. Этому в немалой степени способствовала и деятельность “наместника” Кыргызстана из центра, второго секретаря ЦК КП Кыргызстана Г. Киселёва, а также председателя КГБ В. Рябокона и других ответственных лиц».

Прием противопоставления используется вновь: «Духовные ценности кыргызского народа интерпретировались в соответствии с идеологическими критериями тоталитарной системы, а которые не укладывались в эти рамки – замалчивались или отвергались». В условиях «становления суверенного кыргызского государства эпос “Манас” становится символом единства и духовного возрождения, взлета культуры, утверждения национального достоинства и самосознания кыргызского народа»; «Во времена СССР Кыргызстан, включенный в общесоюзный экономический комплекс, был одним из его самых отсталых регионов, специализированных на производстве и поставках сырья»; «В настоящее время народ Кыргызстана, целеустремленно решая сложные задачи укрепления независимости своей страны, уверенной поступью движется к открытому демократическому обществу». (О том, что движение это сопровождается массовой трудовой миграцией в Россию и в

целом о роли России в обеспечении независимости и безопасности Киргизии в учебнике не сказано ничего.)

Учебное пособие Ю. Подкуйко, В. Выговской и Э. Карабаева «Основные проблемы истории Кыргызстана» предназначено для студентов 1-го курса вузов. Оно имеет подзаголовок: «Эффективное учебное пособие по подготовке к сдаче экзамена по истории Кыргызстана». В аннотации авторы заявляют, что в нем «представлен обзор истории кыргызского народа. Изложены основные этнические, политические, социально-экономические проблемы кочевой цивилизации кыргызов»; что работа с учебным пособием «предполагает предварительное освоение студентами учебного материала, содержащегося в учебных пособиях по истории Кыргызстана». С содержанием этого учебного материала и приемами его изложения мы уже имели возможность ознакомиться.

Квинтэссенция изложения вопроса о взаимоотношениях России и Киргизии содержится в заключительной главе пособия, посвященной этапам модернизации в Киргизстане. Выделяются три этапа: колониальная модернизация; социалистическая модернизация; национальная модернизация.

«На первом этапе Россия в Кыргызстане преследовала свои имперские интересы – использовать природные богатства и ресурсы края и переселить сюда часть крестьян из центральных регионов империи для снятия напряженности в аграрном вопросе»; «Проводимые реформы объективно способствовали ускорению развития Кыргызстана, но шли вразрез с многовековыми традициями и проводились без учета национальных особенностей. Реформы с одновременным ростом налогов привели к обеднению и разорению значительной части кочевников, к разрушению привычного уклада жизни, утрате жизненных ориентиров».

«В ходе социалистического строительства большевистскому режиму удалось выполнить *отрицательную задачу модернизации – самым решительным и беспощадным образом осуществить радикальную ломку традиционного общества* (курсив авторов. – Л.Х.). ...Опорой в проведении модернизации национальных окраин являлись партийные организации и русскоязычные анклавы»; «Реформы игнорировали исторический опыт кыргызского народа, что носило в большей степени разрушительный, чем созидательный характер, приводило к их непониманию, отрицанию, состоянию внутренней напряженности и сопротивлению».

«С обретением независимости начался третий этап модернизации – национальный. Кыргызский народ получил возможность самостоятельно выбирать варианты дальнейшего развития».

В обоих учебниках можно выделить некий «каркас знаний», некие исторические аксиомы, которыми должны овладеть учащиеся. Прежде всего, это утверждение: «Кыргызстан – колония Российской империи», раскрывая которое, выстраивается картина истории киргизского народа. И в этой картине обязательными оказываются следующие сюжеты:

- Россия на всех этапах исторического развития эксплуатировала недра и природные ресурсы Киргизии;
- Россия препятствовала развитию киргизской культуры;
- русские колонизаторы нещадно обращались с местным населением;
- Россия обеспечивала потребности только специально завезенных в Киргизию переселенцев (предоставляла землю, жилье, высокие доходы) и не заботилась об уровне жизни киргизов;
- Россия проводила политику русификации и дискриминации киргизского языка;
- патриотами Киргизстана всегда выступали только киргизы;
- восстания против русских колонизаторов – это национально-освободительная борьба киргизов и прогрессивный процесс;
- киргизы – борцы за независимость (в частности, басмачи и лидеры Социалистической Туркестанской партии) – герои;
- противопоставление отношения русских исследователей и киргизского общества к эпосу «Манас».

Особого внимания заслуживает экспресс-справочник члена-корреспондента Национальной академии наук КР О.Дж. Осмонова «История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней)». Справочник предназначен для выпускников школ и вузов при подготовке к сдаче государственного экзамена по истории Киргизстана. Подробный анализ изложения в справочнике периода «истории, когда Восток в Кыргызстане впервые столкнулся с Западом – а это годы вхождения Туркестана в состав Российской империи и существования внутри нее вплоть до Февральской революции 1917 года», содержится в статье И. Звягинцева «Колонизация, независимость и прочие “радости”».

И. Звягинцев подчеркивает, что «на передний план в истории Средней Азии выходит противоборство Российской империи, уже не раз проходившей модернизацию, и молодого Кокандского ханства – типичной восточной деспотии, обосновавшейся в Фер-

ганской долине. Это и есть тот минимум, который должен оставаться после прочтения материала у школьника». Но что делает автор, О.Дж. Осмонов? «Раскрашивает иллюзию национального самосознания кыргызов и красок не жалеет. Тут же появляется “героически сражавшийся с русскими войсками” на стороне кокандцев отряд кыргызских джигитов под началом Шабдана Жантай уулу. Вопрос в том, чем заслужили эту посмертную героизацию кыргызские воины, сражавшиеся под кокандскими знаменами? Отстаиванием каких-то идеалов (непременный атрибут героизма)? Да нет же, бойцы просто выполняли свою работу, защищая интересы кокандских феодалов. Получается, весь героизм в том, что... с русскими воевали? Похоже на условно-исторический шовинизм».

И. Звягинцев делает вывод: «Даже в сухом тексте экспресс-справочника сквозит скрытая симпатия по отношению к Коканду (очень мало критики) и открытая антипатия по отношению к России и русским... Весь период существования Кыргызстана в составе Российской империи описывается как эстафета народных восстаний против колонизаторов... Создается впечатление, что основным критерием прогрессивности являются именно антирусские настроения бунтующих масс». Особенно возмутителен «дикий, безосновательный вывод» О.Дж. Осмонова о том, что «застрелить кыргыза, ставшего на защиту своей земли и своих прав, стало в порядке вещей».

По мнению И. Звягинцева, с которым мы полностью согласны, «такое заявление в учебнике истории, т.е. книге, которой нельзя не верить школьнику, – это провокация. И цель ее – изъять из народной памяти все лучшее, что связывало русских и кыргызов на протяжении полутора веков “колонизации” и последующего существования в составе СССР».

Разделы справочника, посвященные более близким историческим периодам, концептуально ничем не отличаются от рассмотренных выше учебников. Как считает доктор исторических наук А. Князев, они ориентированы на «огромный слой маргиналов, не имеющих больших возможностей для продолжения образования и профессионального роста, с ограниченным провинциальным мировоззрением и гипертрофированными представлениями о собственной исключительности».

Для автора настоящей статьи, как гражданина России, остается нерешенным вопрос: является ли такое преподавание истории ее фальсификацией и может ли Российская Федерация признавать

аттестаты и дипломы, выданные Киргизской Республикой людям, желающим жить и работать в России?

«Вестник Российской нации»,
М., 2011 г., № 4–5, с. 124–135.

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
**ТАДЖИКИСТАН: ДОЛГОЕ ЭХО
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

С точки зрения внутренней и внешней безопасности Таджикистан является одной из наиболее проблемных стран Центральной Азии. Это единственное государство в регионе, перенесшее длительную гражданскую войну 1992–1997 гг., которая унесла, по разным данным, от 23,5 до 100 тыс. человек (возможно, и больше), полностью разрушила его экономику. Одной из причин, сопутствовавших этой войне, было не только политическое, но и межрегиональное, клановое, межличностное, а также религиозное, внутриисламское противостояние между сторонниками создания, с одной стороны, светского, а с другой – исламского государства.

Таджикистан для Центральной Азии – исключение в этническом и языковом плане. Таджики в отличие от остального коренного населения региона, тюрков, принадлежат к иранской группе и, имея много общих черт с соседними народами, сохраняют этнокультурную самобытность. Таджики – оседлый народ, что отличает их традиции, нормы поведения, психологию от соседей – недавних кочевников. Таджики более религиозны, что предопределило самое раннее и интенсивное, начавшееся еще в последние советские годы возрождение ислама и его последовательную политизацию. Именно в Таджикистане возникла первая и единственная уцелевшая на постсоветском пространстве легальная религиозная партия – Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ).

Как ни одно другое центральноазиатское государство, Таджикистан зависит от событий в Афганистане, от 27 до 38% населения которого составляют таджики. Таджикско-афганская граница, протяженность которой составляет 1400 км, – одна из самых взрывоопасных зон Центрально-Азиатского региона, и поэтому Таджикистан заинтересован в установлении мира в Афганистане.

Афганский конфликт отзывается в Таджикистане незамолкающим трагическим эхом. С другой стороны, теперь уже мало кто помнит, что в середине 1990-х годов афганские политики, в свою очередь, были обеспокоены гражданской войной в Таджикистане. Именно в Кабуле по инициативе тогдашнего президента Бурхануддина Раббани и выдающегося афганского таджика Ахмадшаха Масуда в 1995 г. прошли первые полноценные переговоры между воюющими таджикскими сторонами. Участвовавший в них известный кинорежиссер и общественный деятель Давлат Худоназаров считает, что выбор Кабула для этой встречи был удачен еще и потому, что «сама атмосфера этого разрушенного города как бы предостерегала таджиков от вооруженного противостояния в пользу мира».

В 1997 г. гражданская война завершилась компромиссом между Народным фронтом и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), основу которой составляла ПИВТ, подписавшими Соглашение о мире и национальном согласии. Однако в Народном фронте этот компромисс был воспринят как победа. Президент Эмомали Рахмонов (впоследствии окончание «ов» в его фамилии было отброшено) приступил к выстраиванию авторитарного режима.

Уверенность в успехе ему придавали три обстоятельства:

– во-первых, после гражданской войны наиболее желанными для простого человека становились безопасность и стабильность, которые в глазах большинства общества был способен обеспечить прочный жесткий режим;

– во-вторых, идею авторитарного (фактически диктаторского) правления негласно поддерживала Россия, которая, будучи посредником на таджикско-таджикских переговорах (впрочем, как и во время битвы Рахмонова с оппозицией), фактически была на его стороне;

– в-третьих, он, как и другие центральноазиатские президенты, позиционировал себя как главного борца с исламским экстремизмом, единственного, кто способен спасти Таджикистан от «талибанизации» (талибы пришли к власти в Афганистане в 1996 г.).

Рахмон находится во главе государства с 1992 г., когда он стал председателем Верховного совета республики. В 1994 г. он был избран президентом на пятилетний срок, в 1997 и 2006 гг. избирался вновь уже на семилетний срок (в 2003 г. в Конституцию были внесены соответствующие изменения). Выстраивая режим своей власти, он целенаправленно избавлялся от конкурентов из

числа бывшей ОТО, тем самым отказываясь от национального перемирия, и постепенно отстранял от власти даже своих соратников, способных конкурировать с ним. Из политики были вытеснены Абдумалик Абдулладжанов (премьер-министр в 1992–1993 гг.), Сафарали Кенжаев (основатель Народного фронта, был убит в 1999 г.), Якуб Салимов (бывший глава МВД), Абдузалил Самадов (премьер-министр в 1993–1994 гг., скончался в Москве в 2004 г.). Этот список можно продолжить.

Рахмон прибегал к политике кнута и пряника. После 1997 г. многие видные деятели оппозиции, в том числе полевые командиры, получили во владение крупные земельные наделы, предприятия, контроль над некоторыми местными рынками. Все это было платой за отказ от политической деятельности. Пассивную позицию занял и глава ОТО Сайд Абдулло Нури, поселившийся в особняке в центре Душанбе. ПИВТ имела два голоса в таджикском парламенте. Постепенно, однако, Рахмон переходил к более жестким мерам, чтобы избавиться от реальных и потенциальных соперников. Например, в 2009 г. при неясных обстоятельствах погиб бывший глава МЧС Мирзо Зеев, одна из наиболее заметных фигур ОТО.

Усилилось давление на прессу. По словам известного оппозиционного журналиста Дододжона Атовуллоева, «свобода СМИ была в Таджикистане до Рахмона. ...При Рахмоне Набиеве (прежнем президенте) после каждого выпуска нашей газеты “Чароги руз” в редакцию звонил... глава администрации Набиева... десятки чиновников... были сняты с работы. Министры дрожали, когда к ним приходил журналист из “Чароги руз”. Приход Рахмона... – это День похорон свободной прессы». В опубликованном организацией «Репортеры без границ» «Индексе свободы прессы» на 2011–2012 гг. среди 179 стран Таджикистан занимает 122-е место (ранее 115-е).

Перед правящим режимом стоит несколько внутренних угроз: постоянный экономический кризис, регионализм, внутриполитическое противостояние, наличие радикального ислама. Все эти угрозы тесно переплетены: так, политическое противостояние в значительной степени определяется противоречиями между регионами – Согдийской областью, Гармом, Кулябом, Горным Бадахшаном, а радикальный ислам, который исповедуют оппозиционеры, опирается на Гарм и Горный Бадахшан... В годы гражданской войны в Горно-Бадахшанской автономной области даже

обозначились сепаратистские тенденции (реализация которых вряд ли возможна в силу этнической пестроты ГБАО).

После наступившей вслед за гражданской войной мирной паузы исламисты постепенно возобновили активность. Поначалу Раҳмон делал вид, что речь идет просто о неких криминальных группировках, но с 2007 г. под разными предлогами начал посыпать войска в Раштскую долину, где исламские оппозиционеры пользуются наибольшей поддержкой (например, в 2009 г. войска якобы были направлены для уничтожения посевов мака, который в долине никогда не выращивали).

Ситуация обострилась в 2010 г., когда в ряде районов страны появились боевики во главе с непримиримыми полевыми командирами Абдулло Раҳимовым и А. Давлатовым, которых стали называть «таджикскими талибами». Между ними и армейскими подразделениями произошли вооруженные столкновения, в результате которых обе стороны понесли потери, в частности, было убито около 50 военнослужащих, а десятки были взяты в плен муджахедами.

Абдулло Раҳимов (шейх Абдулло), один из наиболее известных деятелей ОТО, в 1997 г. отказался подписывать Соглашение о мире и национальном согласии, в 1999 г. ушел в Афганистан, а в 2009 г., вернувшись в Таджикистан, возобновил борьбу против правящего режима. В стране действуют примерно 300 боевиков, однако при определенных обстоятельствах к ним может примкнуть несколько десятков тысяч недовольных, кроме того, боевики могут получить поддержку из-за границы.

На отношения между исламскими оппозиционерами и режимом оказывает влияние позиция ПИВТ. Ее после кончины в 2006 г. Сайда Абдулло Нури возглавил разделяющий реформаторские взгляды Мохиддин Кабири, которого можно считать pragmatичным оппозиционером, готовым к диалогу с властью. Любопытно, что одной из причин этого диалога является растущая популярность не признанной партии «Хизб ут-Тахрир» и организации «Байат», которые действуют независимо от ПИВТ, имея целью построение в Центральной Азии халифата. Это противоречит идеологии ПИВТ, стремящейся к созданию таджикского исламского государства. За последние годы Кабири приобрел авторитет среди мусульман. Показательно, что одним из важных направлений его деятельности является поддержка таджикских мигрантов в России, куда для встречи с ними он и приезжает.

В Таджикистане развернулась борьба за ислам, за право быть единственным и истинным хранителем традиции и выступать от ее имени, использовать ислам в качестве политического инструмента. Раҳмон добивался «монополизации» ислама, всячески способствуя углублению его влияния на общество. Он создал подконтрольную себе систему религиозного образования, построил в Душанбе колоссальную мечеть на 100, по некоторым данным – на 150 тыс. человек, поддерживал, а фактически сам проповедовал ислам ханафитского толка в противовес иным направлениям, прежде всего салафитскому. 2009 год он провозгласил «Годом Великого имама» (с этой точки зрения Эмомали Раҳмона можно сравнить с главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым, который, также будучи светским политиком, является сторонником тотальной исламизации Чечни).

Однако заявленная Раҳмоном исламизация стала выходить из-под его контроля. В Таджикистане сложилась параллельная, не подчиненная президенту система частного религиозного образования, читавшиеся в мечетях проповеди не всегда соответствовали ханафизму, равно как и официальным идеологическим установкам. Не все духовенство лояльно режиму. Раҳмон вскоре осознал, что ему не удалось взять ислам под контроль, в результате чего усиление в обществе исламского фактора стало превращаться в угрозу режиму. Он предпринял меры по ограничению политического влияния религии.

В 2010 г. стали закрываться мечети, в которых проповедовали нелояльные режиму священнослужители, из зарубежных исламских институтов было возвращено 1400 студентов (в том числе 200 человек – из Ирана), запрещено ношение женщинами традиционной мусульманской одежды в общественных местах, в первую очередь в государственных учреждениях. Венцом «деисламизации» стал принятый в 2011 г. Закон «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей», который запрещал посещать мечеть лицам, не достигшим 18 лет, без сопровождения старших членов семьи. Закон вызвал массу нареканий со стороны верующих и нарушается в массовом порядке.

Проигрывая на «исламском поле», Раҳмон продолжал укреплять авторитарный режим, стремясь исключить реальную конкуренцию себе. На февральских выборах 2010 г. в Маджлис Оли за президентскую Народно-демократическую партию проголосовали 70,6% избирателей, и она получила 52 из 85 мест в парламенте. По два голоса получили ПИВТ (собравшая 8,2% – второе место после

НДП), Коммунистическая партия, Партия экономических реформ, Аграрная партия. Оппозиция не без основания обвинила власть в фальсификации выборов, а лидер не прошедшей в Маджлис Оли Социал-демократической партии Раҳматулло Заиров заявил «об «узурпации власти».

Порой стремление Раҳмона быть абсолютным правителем доходит до смешного. Так, в Таджикистане стало принято обращаться к президенту «Чаноби Оли», что тождественно выражению «Ваше Величество». Политическая система обернулась типичным для Центральной Азии непотизмом, при котором едва ли не каждый родственник главы государства (у Раҳмона девять детей) получает солидный пост.

Режим в Таджикистане вызывает ассоциации со свергнутым в Киргизии режимом Курманбека Бакиева. На сайте «Tajikistan News» можно обнаружить совсем уж многозначительные, даже провокативные сравнения Таджикистана с Киргизией. Автор одной из реплик пишет: «Киргизы договорились, объединились и за один день выгнали Бакиева, да, были раненые, были жертвы, но зато выгнали, добились!»

«Таджикистан, – писала в 2010 г. журналист и аналитик Санобар Шерматова, – пройдя через стабилизацию, снова оказался у той же кризисной точки, что и в начале 1990-х, когда открытая борьба власти и региональных элит вылилась в гражданскую войну».

В 2010–2011 гг. Раҳмон, очевидно, понял (это подсказало ему чувство самосохранения), что дальше закручивать гайки опасно, тем более что страна находится в бедственном экономическом положении. Доход на душу населения, по данным Национального банка Таджикистана, в 2009 г. составил в пересчете на текущие цены 879 долл. За чертой бедности в стране проживают 45% населения. В 2011 г. состояние экономики несколько улучшилось, однако это практически никак не сказалось на уровне жизни большинства населения.

Так или иначе, но режим «намекнул», что готов пойти на некоторую либерализацию и выступает против культа личности его главы. В марте 2011 г. исчезли с улиц фотографии Раҳмона и плакаты с его изображениями. Примерно тогда же были амнистированы несколько боевиков. В августе 2011 г. Раҳмон подписал приуроченный к 20-й годовщине независимости Закон об амнистии, которая стала самой масштабной за всю историю страны: под ее действие попали 15 тыс. заключенных, причем около 4 тыс. были

освобождены. Спикер верхней палаты парламента, мэр Душанбе Махмадсаид Абдуллаев призвал не допускать нарушений прав личности, действовать в рамках закона. Раҳмон предложил исключить из Уголовного кодекса ст. 135 и 136 (клевета и оскорблениe) и перенести их в Гражданский кодекс, что можно рассматривать как расширение свободы прессы (правда, 12 января 2012 г. было совершено покушение на независимого журналиста и противника режима Дододжона Атовуллоева, хотя выяснить, кто являлся заказчиком этого преступления, оказалось практически невозможно).

Наконец, из-за роста цен на продовольствие в феврале 2011 г. Раҳмон дал распоряжение выбросить на рынок стратегические запасы гречки, риса, муки. Однако все эти меры представляются не более чем паллиативом. Недовольство продолжает нарастать, социальная напряженность остается высокой. Дододжон Атовуллоев считает, что единственный путь смены нынешнего режима – «организовать свой таджикский “тاخрир”».

Однако организовать «майдан-таксир», т.е. аналог массовых выступлений весной 2011 г. на главной площади Каира, которые привели к свержению египетского президента Мубарака, вряд ли будет легко, если вообще возможно. У режима Раҳмона найдутся сторонники, в первую очередь, среди многочисленных бюрократов, за каждым из которых стоит свой клан. Поддержит президента и город Куляб, выходцем откуда он является.

Нынешняя обстановка устраивает местную наркомафию, в которую инкорпорирована немалая часть чиновников. Так что если оппозиция сумеет организовать массовые выступления, они встретят серьезное сопротивление. И тогда это будет напоминать конфронтацию в канун гражданской войны двух столичных площадей – Шахидон, куда сходились сторонники так называемой исламско-демократической оппозиции, и Озоди, где собирались защитники власти. Новое противостояние может привести не к безболезненной смене власти, но ко второй гражданской войне.

Однако даже в случае успеха противников Раҳмона совершенно не ясно, кто придет к власти. На нее претендуют ПИВТ, обиженные раҳмоновцами и уставшие от правления кулябцев региональные кланы, представители местной наркомафии. Это, в свою очередь, не снизит существенно уровень внутренней нестабильности. В 2010–2012 гг. авторитет ПИВТ заметно вырос, и сейчас доля ее сторонников превосходит 5–10%, которые эксперты отдавали ей в прежние времена. Очевидно, сыграли свою роль победы исламистов в результате арабских революций на Ближнем

Востоке. ПИВТ считает себя их единомышленницей и готова после свержения авторитарного режима принять власть на свои плечи. Критика режима со стороны ПИВТ в 2011–2012 гг. заметно усилилась и становится все более бескомпромиссной.

Каково воздействие на ситуацию в Таджикистане внешних акторов – России, США, Китая, ближайших соседей, в первую очередь Узбекистана? Очевидно, что никто из них не заинтересован в крайнем обострении обстановки в Таджикистане, тем более в его распаде.

Во-первых, это приведет к дестабилизации во всем Центрально-Азиатском регионе;

Во-вторых, может выдвинуть на авансцену радикальных исламистов, связанных с единомышленниками в Афганистане, и превратить страну в еще один плацдарм международного терроризма;

В-третьих, это неизбежно вызовет новый разнонаправленный поток беженцев, чье присутствие окажет влияние на положение в сопредельных государствах, а также в России.

Вот почему, как бы ни складывались отношения внешних акторов с режимом Душанбе, оказывать поддержку противникам Рахмона никто не собирается. Пекин вполне устраивает то, что, как полагают некоторые эксперты, Таджикистан «стремится захватить статус китайской провинции». Вашингтон наращивает финансовую помощь таджикскому режиму, приобщая его к своей стратегии безопасности в регионе. В гипотетической «таджикской весне» ни США, ни Китай явно не заинтересованы.

Разумеется, не хочет ничего подобного и Россия, которая надеется сохранить Таджикистан в сфере своего влияния, участвуя в ключевых для него, в том числе энергетических, проектах, предоставляя ему военную помощь. Основы военного сотрудничества между Таджикистаном и Россией были заложены во времена гражданской войны, когда Москва приняла на себя 50% затрат по обороне таджикско-афганской границы. Это обюдовыгодное взаимодействие сыграло важную роль в сохранении власти Рахмона. В дальнейшем – пусть и негласно – таджикский президент мог рассчитывать на поддержку оставшейся в Таджикистане 201-й российской дивизии, на основе которой в 2004 г. была создана российская военная база.

После принятия Москвой решения о переоснащении базы новой техникой оцениваемое в 1 млрд. долл. российское вооружение будет передано Таджикистану, в том числе 160 танков (Т-62,

Т-72), 140 БТР, 169 БМП, дивизионная артиллерийская ремонтная база, переносной зенитный комплекс «Игла», зенитные самоходные установки «Шилка» и «Оса» (30 единиц), 4 вертолета. Это оружие, пусть и устаревшее, является существенным подспорьем режиму в борьбе с внутренними противниками и может послужить для обороны границ, в том числе и как «сдерживающий фактор в таджикско-узбекских отношениях».

Другим важнейшим фактором привязки Таджикистана к России остается миграция. У каждой третьей таджикской семьи хотя бы один человек работает за пределами страны, в подавляющем большинстве в России. По данным Управления миграционного контроля Таджикистана, к концу 2011 г. в России находилось 1032 тыс. таджиков (с весны 2012 г. в Душанбе для них даже выходит специальная газета «Муходжир»). Мигрантами перечислено на родину 2960 млн. долл., что составляет 45,4% ВВП.

В 2011 г. между Россией и Таджикистаном разразился конфликт, связанный с задержанием и арестом российского летчика Владимира Садовничего (вместе с ним был арестован гражданин Эстонии Алексей Руденко), обвиненного в контрабанде авиационных запчастей, незаконном пересечении границы и нарушении правил международных перевозок. Летчик был осужден на восемь с половиной лет лишения свободы, что вызвало крайне негативную реакцию российских политиков, включая президента Медведева, и привело к росту националистического возбуждения в российском обществе. В качестве наказания Таджикистана некоторые депутаты Госдумы требовали высылки из России таджикских мигрантов и введения визового режима.

Напряженность спала после того, как Садовничий по решению Рахмона был отпущен на свободу и вернулся на родину. Однако то, что Москва показала готовность использовать миграцию как рычаг давления на Таджикистан, вне всяких сомнений, в будущем негативно повлияет на отношения между двумя странами, вынуждая Душанбе сделать еще больший акцент на многовекторность, на поиск альтернативного России партнерства.

К тому же конфликт вокруг ареста российского пилота пришелся на неудачное для России время: всю вторую половину 2011 г. Кремль усиленно пропагандировал идею Таможенного союза и Евразийского союза, пытаясь вовлечь туда в том числе и Таджикистан. В Душанбе же вопрос о вступлении в эти организации на высшем уровне практически не рассматривался. Оттуда

исходили лишь некие намеки на теоретическую возможность приобщения к ним.

Рассуждая о вступлении Таджикистана в Таможенный союз, а тем более в Евразийский союз, таджикские аналитики также учитывают негативное отношение к ним Узбекистана, считая, что без него участие Таджикистана в обеих организациях не будет столь выгодно. Конечно, с одной стороны, участие в них Таджикистана сделает беспрепятственным движение в Россию мигрантов, снизит цены на импорт нефтепродуктов, зерно, некоторые другие товары, зато поставит под удар импорт ныне дешевых товаров из Ирана, Турции, Китая, приведет к разорению завязанных на торговле с этим странами бизнесменов. По словам министра иностранных дел Хамрохона Зарифи, «если Таджикистан сегодня войдет в Таможенный союз, эффект от этого будет незначительный». Тем не менее Россия надеется на позитивное решение по поводу новых форм сотрудничества в рамках этих организаций.

В 2013 г. предстоят президентские выборы. Какими они будут, сказать пока нельзя. С одной стороны, в соответствии с Конституцией Раҳмон не имеет права выдвигать свою кандидатуру на следующий срок. С другой – опыт центральноазиатских государств свидетельствует, что все их правители обходили закон, принимали соответствующие поправки к конституциям, позволявшие им продолжать правление. Пойдет ли на это Раҳмон, неясно. Во всяком случае, если он рискнет уступить президентское кресло кому бы то ни было, то потребует от преемника жестких гарантий безопасности для себя и своих близких.

Еще один вариант – ротация, или формирование по аналогии с Россией некоего тандема, когда следующий президент станет своего рода «местоблюстителем» президентского трона, на который Раҳмон вернется через семь лет. Этот вариант маловероятен, поскольку за последующие годы в нестабильном Таджикистане могут произойти события, которые навсегда отлучат Раҳмона и его клан от власти.

Если же ситуация будет развиваться в соответствии с Конституцией, то у власти окажется новый человек, которому придется решать оставшиеся от предшественника проблемы, вносить корректизы в политическую систему. Станет ли новый президент на путь дальнейшего укрепления авторитаризма или вдруг рискнет хотя бы частично воспользоваться опытом Киргизии, предсказать невозможно.

Новому главе государства предстоит действовать на двух в каком-то смысле взаимоисключающих направлениях: поддерживать хрупкую стабильность и одновременно проводить реформы, бороться с коррупцией, с наркомафией. Успешно совмещать оба направления – задача практически невыполнимая.

«Таджикистан: Долгое эхо гражданской войны.

Брифинг Московского центра Карнеги»,
М., 2012 г., апрель, т. 14, вып. 3, с. 1–10.

Игорь Филькевич,
доктор экономических наук
**ОСОБЕННОСТИ РОСТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Республика Узбекистан имеет территорию 0,45 млн. км² и по ее размеру занимает 55-е место в мире. Население составляет 28,1 млн. человек, и по количеству жителей республика занимает 42-е место в мире.

Объем произведенного Республикой Узбекистан валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, составил в 2008 г. почти 64,2 млрд. долл., и по данному показателю Узбекистан занимал 85-е место в мире (его доля в мировом ВВП составляла 0,08%). В то же время объем ВВП Узбекистана, рассчитанный по методике атласа Всемирного банка, в 2006 г. составил около 17,2 млрд. долл., и по данному показателю республика находилась на 93-м месте в мире (ее доля в мировом ВВП составляла менее 0,035%).

Узбекистан располагает богатыми природными ресурсами. На территории Республики Узбекистан выявлен широкий комплекс полезных ископаемых, включающий около 100 видов минерального сырья, из которых 60 уже используются в народном хозяйстве.

По подтвержденным запасам таких полезных ископаемых, как золото, уран, медь, природный газ, вольфрам, калийные соли, фосфориты, каолины, Узбекистан занимает ведущие места не только в СНГ, но и во всем мире. При этом по запасам золота республика занимает 4-е место в мире, а по уровню его добычи находится на 7-м месте; по урану 7-е и 11-е места соответственно; по меди 10-е и 11-е места соответственно. По итогам 2008 г. республика

лика занимает 6-е место по производству хлопка и 3-е место в мире по его экспорту.

Узбекистан – аграрно-индустриальная страна, при этом 44% трудоспособного населения занято в сельском хозяйстве, 20 – в промышленности, 36% – в сфере услуг.

В ноябре 2008 г. в Узбекистане был утвержден антикризисный план развития республики. При этом полный комплекс антикризисных мер Республики Узбекистан содержится в книге президента Узбекистана И. Каримова «Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана». Реализация антикризисной программы рассчитана на 2009–2012 гг. При этом важнейшими приоритетами в социально-экономическом развитии Узбекистана в условиях кризиса выступают:

- дальнейшее ускоренное проведение модернизации, технического и технологического перевооружения предприятий, широкое внедрение современных гибких технологий, прежде всего, это касается базовых отраслей экономики, экспортно-ориентированных и локализуемых производств;
- реализация конкретных мер по поддержке предприятий-экспортеров в обеспечении их конкурентоспособности на внешних рынках в условиях резкого ухудшения текущей конъюнктуры, создание дополнительных стимулов для экспорта;
- повышение конкурентоспособности предприятий за счет введения жесткого режима экономии, стимулирования снижения производственных затрат и себестоимости продукции;
- реализация мер по модернизации электроэнергетики, сокращению энергоемкости и внедрению эффективной системы энергосбережения;
- поддержка отечественных производителей путем стимулирования спроса на внутреннем рынке.

В рамках программы и плана антикризисных мероприятий основное внимание уделено сокращению налоговых обязательств узбекских микрофирм и малых предприятий, решению проблем занятости населения, стимулированию расширения фермерского движения, развитию финансово-банковской системы республики и поддержке дальнейшего экономического роста и структурных преобразований.

Следует отметить, что в отличие от антикризисных программ государств – участников СНГ программа и план антикризисных мероприятий Республики Узбекистан ориентированы не

только на материальную поддержку реального сектора или кредитных организаций для преодоления текущих кризисных явлений, но и направлены на модернизацию национальной экономики на среднесрочную перспективу. При этом для решения проблемы занятости в Республике Узбекистан используется оригинальный метод развития надомного труда, который строится на базе кооперации с производственными предприятиями.

В рамках антикризисных мер с 2011 г. стала реализовываться Программа приоритетных направлений дальнейшего реформирования и повышения устойчивости финансово-банковской системы республики в 2011–2015 гг., направленная на достижение высоких международных рейтинговых показателей и качественное изменение основных показателей деятельности банковского сектора.

Принятая стратегия борьбы с кризисом и нейтрализации его последствий позволила Республике Узбекистан, в числе немногих государств мира, обеспечить устойчивые темпы экономического развития. В 2009 г. ВВП республики вырос на 8,1%, промышленное производство – на 9, сельское хозяйство – на 5,7, объем инвестиций в экономику – на 25%, прямые иностранные инвестиции возросли в 1,8 раза. Причем значительный прирост инвестиций в национальную экономику был обеспечен благодаря Программе по реализации важнейших проектов по модернизации, техническому и технологическому перевооружению производства на 2009–2014 гг., в которую включено свыше 300 проектов общей стоимостью более 42,5 млрд. долл.

Следует отметить, что в 2009 г. в структуре ВВП Узбекистана 81,3% общего объема приходилось на негосударственный сектор экономики. При этом субъектами малого предпринимательства было произведено 50,1% общего объема ВВП.

В 2010 г. Узбекистан сохранил высокие темпы развития национальной экономики, при этом ВВП республики по сравнению с 2009 г. увеличился на 8,1%. При этом Республика Узбекистан входила в число трех наиболее динамично развивающихся экономик Содружества Независимых Государств наряду с Туркменистаном и Азербайджаном.

В целом по республике за 2009 г. произведено промышленной продукции на сумму 28 009,3 млрд. сум. По сравнению с 2008 г. индекс объема производства промышленной продукции составил 109%. В 2010 г. промышленное производство по сравнению с предыдущим годом возросло на 8,3%. В 2010 г. доля готово-

вой продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре промышленного производства Узбекистана составила свыше 50%.

В структуре современной промышленности Узбекистана преобладает топливная промышленность, на которую в 2009 г. приходилось 21,5% объема промышленного производства. Эта отрасль в основном представлена добычей природного газа, а также ангренского бурого угля. Роль нефти в топливном балансе республики пока незначительна. Существующая на сегодняшний день величина прогнозных ресурсов нефти и газа оценивается в денежном эквиваленте в сумму более 1 трлн. долл. В отрасли разработана «Генеральная схема развития нефтяной и газовой промышленности до 2010 г.», в которой взаимосвязаны вопросы геологии, производительности имеющегося или необходимого оборудования, возможности газотранспортной системы с потребностями Узбекистана. Основными объектами газопереработки остаются Мубарекский газоперерабатывающий завод и перерабатывающие установки дочернего унитарного предприятия «Шуртаннефтегаз».

Республика Узбекистан располагает хорошо разветвленными и достаточно мощными системами как промысловых, так и магистральных газопроводов, которые позволяют транспортировать топливо потребителям в республике и на экспорт. Отличительной особенностью газотранспортной системы Узбекистана является то, что она имеет межгосударственное значение. Соседние республики – Казахстан (южная часть), Киргизстан и Таджикистан – снабжаются узбекским газом. Кроме того, Туркменистан использует ее для экспорта своего газа. Предполагается, что в 2010 г. объем поставок товарного газа в целом по газотранспортной системе Узбекистана составит около 70 млрд. м³. В настоящее время в Узбекистане реализуются проекты «Строительство осушки газа на КС “Кунград”» и «Строительство магистрального газопровода “Ахангаран–Пунган”» через перевал Камчик», а также осуществляется строительство Бухарского нефтеперерабатывающего завода и реконструкция Ферганского нефтеперерабатывающего завода.

Второй по значимости отраслью промышленности Узбекистана выступает машиностроение, на которое в 2009 г. приходилось 16,2% общего объема промышленного производства. При этом основной объем машиностроительной продукции приходится на выпуск легковых автомобилей и запчастей к ним. Так, в 2009 г. в Узбекистане было произведено 205 тыс. легковых автомобилей. В целях дальнейшего стимулирования увеличения выпуска современной конкурентоспособной экспортно-ориентированной и

импортозамещающей продукции Постановлением Президента Республики Узбекистан от 27 января 2009 г. № ПП-1048 одобрена Программа локализации производства готовой продукции, комплектующих изделий и материалов на основе промышленной кооперации на 2009 г.

В настоящее время в рамках Программы локализации освоено производство 181 нового вида продукции, в том числе контейнеровозов, автовозов, пассажирских вагонов купейного типа, колонного и реакторного оборудования и др.

Третьей по значимости отраслью промышленности выступает легкая промышленность, на которую в 2009 г. приходилось 12,2% общего промышленного производства. Эта отрасль является центральным звеном в стабилизации промышленного производства, так как производит товары для народа, а также обеспечивает республику большим числом рабочих мест (в ней сосредоточена треть всех работников, занятых в промышленности республики). Легкая промышленность обеспечивает условия для наращивания экспортного потенциала республики.

Для структурирования системы управления текстильной промышленностью в 2002 г. была создана Государственная акционерная компания «Узбекенгилсаноат», объединившая в себе предприятия хлопчатобумажной, трикотажной, швейной и шелковой отраслей. Сейчас в компанию входит свыше 170 предприятий с общей годовой мощностью по производству хлопчатобумажной пряжи и тканей в 300 тыс. т и 111,7 млн. м² соответственно.

Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан за 2009 г. составил 21 209,6 млн. долл. и увеличился на 0,1% по сравнению с 2008 г. При этом внешнеторговый оборот со странами СНГ составил в 2009 г. 8 млрд. долл., а с другими странами – 13,2 млрд. долл. На экспортные операции приходилось 11,8 млрд. долл. от общего объема внешнеторгового оборота. Положительный торговый баланс внешнеторговых операций Узбекистана составил 2,3 млрд. долл. Основными внешнеторговыми партнерами Узбекистана выступали в 2009 г. Российская Федерация, на которую приходился 21% в общем объеме товарооборота республики; Китай – 9,7 и Швейцария – 7,9%. Данные о внешнеторговом обороте Узбекистана с государствами – участниками СНГ представлены в таблице.

Таблица

**Товарооборот Республики Узбекистан
с государствами – участниками СНГ в 2009 г.**

Государства – участники СНГ	Экспорт, тыс. долл.	Импорт, тыс. долл.
Азербайджан	37,8	8,5
Армения	2,4	1,1
Беларусь	12,3	143,5
Казахстан	513,7	793,5
Киргизстан	136,3	22,9
Молдова	2,0	6,5
Российская Федерация	2257,2	2186,3
Таджикистан	143,5	26,8
Туркменистан	125,0	60,7
Украина	691,1	835,1
Итого	3921,3	4084,9

По данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Как видно из таблицы, основными внешнеторговыми партнерами Узбекистана среди стран Содружества в 2009 г. были Российской Федерации, на которую приходилось 55,2% общего объема товарооборота республики с государствами – участниками СНГ, Украина – 19,1 и Казахстан – 16,3%. В 2010 г. данные страны оставались основными торговыми партнерами республики, причем на долю Российской Федерации приходилось 67,7% от общего объема товарооборота Узбекистана с государствами – участниками СНГ.

В заключение, следует отметить, что Республика Узбекистан является одним из наиболее динамично развивающихся государств Содружества, где основное внимание уделяется развитию реального сектора национальной экономики на основе внедрения инновационных технологий и модернизации промышленного производства, а также решению социальных проблем, имеющих место в республике. Причем во внешнеэкономической политике Узбекистана приоритет отдается развитию более тесного экономического сотрудничества с государствами – участниками СНГ.

*«Перспективы развития экономического потенциала
Содружества Независимых Государств:
Двадцать лет интеграции» (Монография),
М., 2011 г., с. 251–256, 259–260, 263.*

**Сергей Николаев,
кандидат политических наук (МИД РФ)
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ США**

Центральная Азия имеет богатую историю. Когда-то через нее проходил Великий шелковый путь, по которому шла торговля между Европой и Китаем. На ее просторах разворачивались ожесточенные баталии между армиями китайских, монгольских, персидских, турецких и арабских полководцев, строились и разрушались цветущие города, возникали и исчезали огромные империи. Поэтому в свое время этот регион рассматривался исследователями в самых различных географических конфигурациях.

После распада СССР Центральная Азия превратилась в самостоятельную geopolитическую единицу, включающую в себя Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Подобный подход прочно утвердился в России (хотя в советский период данный регион обозначался как республики Средней Азии и Казахстан), его придерживается подавляющее большинство экспертов на Западе и Востоке. В ОБСЕ под Центральной Азией также понимают именно эти пять бывших республик СССР. Можно привести в качестве примера и такие хорошо известные специалистам концепции развития связей с государствами региона, как «Стратегия Евросоюза для Центральной Азии», Диалог «Япония – Центральная Азия».

Не углубляясь в совсем уже далекое прошлое, остановимся на некоторых основных вехах вхождения региона в geopolитику.

Пожалуй, впервые о Центральной Азии достаточно активно заговорили в XIX в., когда Российская империя приступила к формированию своих южных рубежей. Решение этой задачи было связано с ее отношениями не только с азиатскими соседями – Цинской империей, Афганистаном, Ираном и Турцией, но и с европейскими державами. Речь идет, прежде всего, о Британской империи, которая стремилась расширить свои колониальные владения за счет прилегающих к Индии стран. Столкновение интересов Санкт-Петербурга и Лондона на центральноазиатском пространстве во второй половине и конце XIX столетия и поиск ими взаимоприемлемых компромиссов для урегулирования возникших проблем получили название «Большой игры». Этот термин до сих пор употребляется в контексте соперничества ведущих мировых игроков за влияние в Центральной Азии.

В начале XX в. стратегическое значение данного региона получило новое подтверждение. И здесь нельзя не вспомнить о концептуальных идеях одного из классиков geopolитики, британского географа и историка Х.Дж. Маккиннера. 25 января 1904 г. он выступил в Королевском географическом обществе с докладом «Географическая ось истории», посвященным взаимосвязи географии с историей и политикой. Его публикация часто рассматривается как отправная точка развития geopolитики как науки (хотя сам этот термин в тексте не употребляется). Рассуждая о балансе сил между морскими и сухопутными державами, Маккиндер делает предположение, что после 1900 г., ознаменовавшего окончание эпохи Великих географических открытий («эпохи Колумба»), он будет меняться в пользу последних. При этом на авансцену выйдет Евразия (в докладе – Евро-Азия), а внутри нее – богатый природными ресурсами, окаймляемый горами и недоступный флотам северо-восточный район, включающий в себя Центральную Азию, а также часть Урала и Сибири, где будет быстрыми темпами развиваться сеть трансконтинентальных железных дорог. Его британский ученый определяет в качестве «осевого региона» в мировой политике, в котором главенствующая роль принадлежит России.

В 1919 г. в своей более поздней работе «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер заменяет «осевой регион» понятием «Хартленд» («сердцевинная земля», «срединная земля»). Тогда же появляется его знаменитая формула: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом. Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (т.е. Евразией и Африкой). Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром».

Взгляды Маккиннера с различными вариациями нашли свое отражение в трудах ряда других известных geopolитиков, например, американца Н. Спайкмена и немца К. Хаусхофера. Их взгляды до сих пор популярны на Западе и так или иначе продолжают воздействовать на формирование стратегической линии по отношению к Центрально-Азиатскому региону.

Отдал им дань и один из творцов американской внешней политики второй половины XX в. З. Бжезинский. В своей книге «Великая шахматная доска», говоря о месте Евразии в системе международных отношений, он вспоминает о маккиндеровской концепции «Хартленда». Правда, бывший советник по национальной безопасности американского президента несколько «поправляет» британского ученого, утверждая, что «сегодня geopolитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть

Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства».

Вместе с тем «Евразийские Балканы», включающие в себя, по мнению Бжезинского, все пять республик Центральной Азии, Азербайджан, Армению, Грузию, а также Афганистан, характеризуются им как важнейший по своему геостратегическому положению и обилию природных ресурсов район евразийского континента. Американский геополитик подчеркивает, что он является ареной многостороннего соперничества и ценным опорным пунктом для обеспечения глобального лидерства.

Небезынтересно и то, что пишет о ситуации вокруг региона после распада СССР ветеран британской секретной службы П. Хопкирк. Он, в частности, отмечает: «Сегодня в Центральной Азии разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц уже называют это новой Большой игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает одним из величайших сокровищ двадцатого века – фантастическими запасами нефти и природного газа, намного превышающими потенциал Саудовской Аравии и прочих государств Персидского залива. Добавьте к этому золото, серебро, медь, цинк, свинец, железную руду, уголь и хлопок – и станет ясно, почему внешние силы так усиленно обхаживают новые власти Центральной Азии».

Сегодня геополитическая карта Центрально-Азиатского региона отличается завидным разнообразием. Он находится в фокусе внимания многих влиятельных мировых игроков.

Традиционно прочные позиции занимает в нем Россия. Укрепляется на центральноазиатском пространстве Китай. Евросоюз реализует там собственную стратегию «нового партнерства». Действует механизм диалога «Япония – Центральная Азия». Активно развивают сотрудничество с государствами региона Турция, Иран, Индия, Пакистан, Республика Корея, ряд арабских стран.

Не стоит, разумеется, в стороне от этого процесса и такая мощная держава, как США. Вашингтон стремится расширять политические и экономические связи с центральноазиатскими государствами, взаимодействует с ними по вопросам обеспечения

безопасности в регионе. Особое значение приобретает сейчас сотрудничество в целях решения всего комплекса проблем, связанных с урегулированием конфликта в Афганистане. Исходя из этого, было бы полезно, на наш взгляд, сделать попытку разобраться в том, что же представляет собой американский вектор региональной геополитики.

Анализируя стратегию США в современной Центральной Азии, эксперты стараются обычно выделить какие-то основные этапы ее эволюции. Делают они это по-разному. С момента распада СССР и появления на карте мира независимых центральноазиатских государств прошло уже два десятилетия. За эти годы закончились сроки президентства Дж. Буша-старшего, У. Клинтона, Дж. Буша-младшего, а в Белом доме появился уже четвертый по счету хозяин – Б. Обама. Серьезные изменения происходили на международной арене в целом, в самом Центрально-Азиатском регионе и вокруг него. Важнейшим из них следует признать начало после событий 11 сентября 2001 г. глобальной борьбы с терроризмом. Поэтому, на наш взгляд, можно было бы взять за точку отсчета именно эту дату и предложить следующий вариант периодизации курса Вашингтона в Центральной Азии – до и после террористических атак «Аль-Каиды» против США.

Демонтаж советской системы, явившийся заветной стратегической целью США, произошел столь стремительно, что американцы, лишившись в одночасье своего извечного соперника по bipolarному миру, пребывали одновременно и в эйфории и в расстерянности. Постсоветское пространство, названное З. Бжезинским «черной дырой», пугало американских политиков как своими размерами, так и чрезвычайным многообразием развернувшихся на нем процессов, предсказать развитие которых они, в общем-то, затруднялись. В этих условиях было решено заняться в первую очередь «демократическим переустройством» России, а все остальное, включая и Центральную Азию, отложить, что называется, «на потом». К тому же регион был мало знаком для США и рассматривался как отсталая периферийная часть бывшей советской империи, где продвижение к демократии и рыночным реформам будет сопряжено с куда более серьезными трудностями, нежели в России. Наряду с этим, признав новые центральноазиатские государства, Вашингтон продекларировал свое стремление оказывать поддержку достижению именно этой цели. Правда, особой активности американцы не проявляли.

Объяснялось это двумя основными причинами. Во-первых, экономическая ценность Центральной Азии была для них не вполне очевидна, так как о нефтегазовых богатствах того же Каспия хотя и было известно еще со времен СССР, но изучены они были не достаточно. Во-вторых, препятствием для экономического освоения региона служила политическая нестабильность в нем. Начавшаяся в 1992 г. гражданская война в Таджикистане не только подтвердила это, но и вызвала в США опасения, что вся Центральная Азия может попасть в руки исламских фундаменталистов, воодушевляемых из соседнего Ирана. Поэтому американцы сосредоточились на тех проблемах, которые, по их мнению, в первую очередь мешали обеспечению спокойствия в регионе.

Как отмечает казахстанский дипломат и политик К.-Ж. Токаев, самую серьезную тревогу вызывала в Белом доме судьба советских ядерных арсеналов в Казахстане. Эта тема обсуждалась в ходе официального визита президента Н.А. Назарбаева в США в мае 1992 г. Суть вопроса состояла в том, что после обретения независимости Казахстан стал де-факто ядерным государством. Значительная часть находившихся там ракет СС-18 были нацелены на США. Это служило препятствием для нормального развития американо-казахстанских политических и экономических отношений. С учетом этого, в мае 1992 г. Казахстан подписал Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1, присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), взяв на себя обязательство вывезти его на территорию России. Для практического решения этой задачи США предоставили ему помощь по программе Нанна-Лугара по сокращению ядерной угрозы в постсоветских странах. В декабре 1994 г. Россия, США и Великобритания предоставили свои гарантии безопасности Казахстану за его отказ от ядерного оружия. Соответствующий меморандум был подписан президентами Б.Н. Ельциным, У. Клинтоном и премьер-министром Дж. Мэйджором в рамках саммита ОБСЕ в Будапеште. Позднее подобные же гарантии предоставили Франция и КНР. Вскоре из Казахстана была вывезена последняя ядерная боеголовка.

В целом же, в первой половине 1990-х годов Центральная Азия еще не воспринималась в Вашингтоне как зона каких-то четко сформулированных американских интересов. С их определением, как считалось, можно было подождать, в том числе в связи с тем, что Россия, занятая собственными проблемами, будет неук-

лонно терять свои позиции в Центрально-Азиатском регионе. Однако эти ожидания оказались несколько преувеличеными.

Примерно с 1995 г. линия США в отношении Центральной Азии стала меняться. Это происходило под воздействием целого ряда различных обстоятельств. Крен российской внешней политики в сторону преимущественного развития связей с Западом стал постепенно выравниваться. 14 сентября 1995 г. президент Б.Н. Ельцин утвердил своим указом «Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств». В соответствии с ним, «укрепление России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства» объявлялось основной задачей российской политики в СНГ. Это было воспринято в Белом доме как проявление « neoимперских амбиций ».

В результате, с началом в 1997 г. второго срока президентства У. Клинтона «между Вашингтоном и Москвой возникла новая сфера напряженности – в бывших советских республиках». С этого момента можно говорить о переходе американской администрации к соперничеству с Россией за влияние в Центральной Азии.

В тот же период активизировалась энергетическая дипломатия США. При этом в фокусе внимания оказался Каспийский регион. Претендуя на «единоличную сверхдержавность», Вашингтон просто не мог оставить без собственного «присмотра» его обширные нефтегазовые ресурсы. К тому времени американская корпорация «Шеврон» уже работала на Тенгизском нефтяном месторождении в казахстанской части Каспия. В апреле 1993 г. она подписала с правительством Казахстана учредительные документы о создании совместного предприятия «Тенгизшевройл», что ознаменовало выход американского капитала на постсоветское пространство. Затем казахстанский рынок стали осваивать и другие американские энергетические мегакомпании – «Мобил», «Эксон», «Амоко». За счет развития двустороннего сотрудничества в нефтяной отрасли США заняли лидирующие позиции по объему инвестиций в Казахстане.

Проведенные западными экспертами дополнительные исследования показали, что на дне Каспия действительно имеются большие запасы нефти и газа. Эти оценки были доложены Госдепартаментом в Конгресс США в 1997 г. Каспийские углеводороды стали рассматриваться американцами в качестве серьезного фактора, способного в том числе несколько уменьшить их зависи-

мость от импорта этого сырья из стран Персидского залива. Тогда же Каспийский регион был включен в сферу стратегических интересов США. Кстати, к нему американцы относили все центральноазиатские республики, а не только непосредственно прикаспийские – Казахстан и Туркменистан. Госдепартамент оказывал активную дипломатическую поддержку американским нефтегазовым компаниям, приступившим к освоению углеводородных богатств региона. В ответ они там решали как собственные корпоративные задачи, так и содействовали достижению внешнеполитических целей США. Они, кстати, состояли в том, чтобы через участие в развитии нефтегазового сектора экономик центральноазиатских стран способствовать укреплению их независимости и сближению с Западом. Так начался новый этап энергетической политики Вашингтона, который российские ученые С.С. Жильцов и И.С. Зонн образно называли «погоней за Каспием». В ее рамках США ставили задачу взять под свой контроль не только разведку и добычу центральноазиатских углеводородов, но и их транспортировку на внешние рынки. Исходя из этого, американцы начали разрабатывать проекты строительства трубопроводов по маршрутам в обход России.

За время пребывания в Белом доме У. Клинтона заметно усилились «демократизаторский» и «правозащитный» компоненты курса США в Центральной Азии. Оказание различных форм экономического и финансового содействия государствам региона так или иначе увязывалось с прогрессом, достигнутым ими в этих областях. В связи с тем, что этот прогресс в целом оценивался как недостаточный, объемы реальной американской помощи были сравнительно невелики. Таким образом, в те годы характерная для всей внешнеполитической стратегии Вашингтона дилемма «ценности и интересов» зачастую разрешалась на центральноазиатском направлении в пользу универсальных ценностей. Это, принимая во внимание местную специфику, снижало привлекательность американской политики. Время покажет, что наличие данной дилеммы будет и дальше сказываться на развитии отношений США с центральноазиатскими странами, предопределяя их волнообразный характер с неизбежным чередованием приливов и отливов.

На рубеже XX–XXI вв. задачи США в Центральной Азии формулировались примерно следующим образом:

- не допустить ситуации, когда одна из держав или группа держав, таких как Россия и КНР, будут доминировать в регионе в степени, исключающей там американское присутствие;
- предотвратить трансформацию Центральной Азии в базу для развертывания экстремистских исламских сил;
- воспрепятствовать превращению региона в коридор для нелегального распространения наркотиков;
- обеспечить американским компаниям доступ к энергетическим ресурсам Центральной Азии;
- способствовать развитию в государствах региона гражданского общества, власти закона и прозрачной рыночной экономики.

Вместе с тем к началу нового тысячелетия американская политика в Центральной Азии так и не приобрела целостного характера. И хотя Вашингтону удалось укрепить свое влияние в регионе, добиться каких-то явных преимуществ над Москвой пока не получалось. Как представляется, суть их взаимоотношений можно было бы определить как «игру с нулевой суммой».

Заложенные еще в советский период торгово-экономические связи России с центральноазиатскими республиками продолжали развиваться. Несмотря на то что государства Центральной Азии стали с 1994 г. сотрудничать с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира», они по-прежнему ориентировались в области обороны на российские вооружения и военную технику.

Российские позиции в сфере обеспечения региональной безопасности также выглядели достаточно прочными. Именно Россия внесла решающий вклад в прекращение чреватой непредсказуемыми последствиями для всего Центрально-Азиатского региона гражданской войны в Таджикистане (1992–1996), задействовав в этих целях все имевшиеся у нее возможности, в том числе свой высокий международный авторитет. Это позволило, по сути дела, сохранить территориальную целостность Таджикистана и обеспечить политическое урегулирование конфликта. После вторжения в августе-сентябре 1999 г. в Баткенский и Чон-Алайский районы Киргизии боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Россия оказала ей существенную помощь в ликвидации этой вылазки исламских экстремистов.

События 11 сентября 2001 г. послужили мощным катализатором резкого роста внимания к Центрально-Азиатскому региону, оказавшемуся на переднем крае борьбы с терроризмом. Они привели к существенной переоценке Вашингтоном места Центральной Азии в системе своих внешнеполитических приоритетов, так как

она приобрела важнейшее значение для осуществления операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане.

Россия и центральноазиатские страны, уже хорошо знавшие, какую серьезную опасность представляет собой международный терроризм, выступили в поддержку коллективных усилий по противодействию этой глобальной угрозе.

Россия заявила о готовности предоставить свое воздушное пространство для пролета самолетов с гуманитарными грузами в район проведения антитеррористической операции. При этом отмечалось, что такая позиция была согласована с ее союзниками из числа государств Центральной Азии, которые также не исключали для себя возможности предоставления своих аэродромов. Конкретные вопросы сотрудничества с участниками этой операции решались центральноазиатскими лидерами, разумеется, самостоятельно.

В скором времени авиация сформированной США коалиции получила возможность использовать для тылового обеспечения боевых действий против «Аль-Каиды» соответствующую инфраструктуру центральноазиатских стран. В большинстве случаев достигнутые с ними договоренности предусматривали транзитные полеты и дозаправку топливом. Вместе с тем в международном аэропорту «Манас» в Бишкеке (Киргизия) и на аэродроме в Ханабаде (Узбекистан) были развернуты полноценные американские авиабазы.

Появление военнослужащих США и их союзников по НАТО в Центральной Азии в условиях, когда Альянс продолжал строить планы дальнейшего расширения на Восток, вызвало неоднозначную реакцию. В России оказалось немало политиков, которые считали, что нельзя было допускать такого разворота событий. За океаном многие эксперты полагали, что это стало всего лишь закономерным результатом ослабления влияния Москвы в регионе. Наверное, и у тех и у других имелись аргументы в пользу подобной точки зрения.

Однако, по нашему мнению, главное заключалось в том, что после терактов в США российское руководство заняло ясную в политическом и моральном отношениях позицию. Как отмечается в статье министра иностранных дел России С.В. Лаврова в одном из ноябрьских номеров журнала «Итоги» за 2010 г., подставив свое плечо попавшей в беду Америке, Россия меньше всего думала о том, связана ли она союзническими обязательствами с США. Ее решение было следствием убежденности в том, что блоковый под-

ход в современном мире – анахронизм, который не дает реализовать имеющиеся возможности для совместного укрепления общей неделимой безопасности. Во многом благодаря такой российской позиции удалось создать максимально широкий на тот момент фронт государств, объединившихся в борьбе с терроризмом.

После терактов 11 сентября 2001 г. президент Дж. Буш в ультимативной форме потребовал от движения «Талибан», находившегося у власти в Афганистане с сентября 1996 г., выдать американскому правосудию руководителей «Аль-Каиды» во главе с У. бен Ладеном. Получив отказ, США начали 7 октября военную операцию против талибов. В ней участвовали также силы соперничавшего с ними «Северного альянса», которому оказывала помощь вооружениями и боевой техникой Россия. Продолжавшиеся в течение месяца массированные бомбардировки с воздуха вынудили талибов оставить 13 ноября Кабул, а 25 ноября Кундуз. Затем уже при поддержке наземных частей армии США 7 декабря 2001 г. был взят Кандагар. Режим талибов был ликвидирован. Оказались разгромленными и выступавшие на его стороне боевые формирования ИДУ – наиболее опасной из центральноазиатских экстремистских организаций. Достигнутые в ходе «горячей» фазы антитеррористической операции успехи, безусловно, привели к существенному снижению угроз безопасности Центральной Азии, исходивших из соседнего Афганистана. Соответственно, стабильнее стала обстановка на южных рубежах России.

В сложившейся на тот момент ситуации США получили реальную возможность для активизации сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Как отмечает известный американский специалист по проблемам Центральной Азии М. Олкотт, до 11 сентября стратегические обязательства Вашингтона в регионе определялись энергетической политикой. Это позволило американским компаниям занять ведущие позиции в разработке нефтяных и газовых ресурсов Каспия. Теперь, казалось, ничто не мешало сделать это сотрудничество более разнообразным.

Главный вопрос заключался, однако, в том, удастся ли при этом обеспечить баланс интересов сторон, которые где-то совпадали, а где-то серьезно различались. Важным представляется и другое обстоятельство. После начала операции «Несокрушимая свобода» весь комплекс связей с республиками Центральной Азии рассматривался в Белом доме в основном через призму его политики на афганском направлении, что предопределяло акцент на вопросы безопасности.

Подтверждением этому могут служить данные о помощи странам региона, оказанной правительственными организациями США в рамках программ содействия на 2003 фин. г. (табл. 1).

Таблица 1
Помощь правительственные организаций США
в рамках программ содействия в 2003 г., в млн. долл.

	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Программы развития демократии	13,9	13,5	7,3	4,7	14,7
Проведение экономических и социальных реформ	24,4	19,9	14,3	2,4	18,2
Безопасность и правопорядок	49,2	10,3	1,1	1,4	30,2
Гуманитарная помощь	0,5	9,1	21,8	0,5	18,5
Межсекторные инициативы	5,0	3,8	4,5	2,1	4,5
Всего	92	56,6	49	11,1	86,1

Как видно из таблицы, на помощь выделялись не столь уж значительные средства. По большей части они направлялись тем государствам, которых США считали наиболее важными для обеспечения своей энергетической и военной безопасности, – Казахстану и Узбекистану. Более половины всего объема помощи Казахстану и более трети средств, предоставленных Узбекистану, шло на поддержку их правоохранительной деятельности и укрепление безопасности. В Казахстане эта помощь использовалась для реализации программ в области нераспространения ОМУ, на финансирование процесса вывода из эксплуатации АЭС в Актау, а также на подготовку органов правопорядка и антитеррористических служб. В Узбекистане она направлялась, главным образом, на укрепление пограничной безопасности, предотвращение распространения биологического оружия, усиление возможностей страны в сфере борьбы с терроризмом и наркотиками. В Киргизии упор делался на образовательные программы, развитие инфраструктуры и системы здравоохранения, поощрение малого и среднего бизнеса. В Таджикистане почти половина финансовой помощи шла на гуманитарные цели – обеспечение медикаментами, продовольствием, одеждой и жильем, хотя важное внимание уделялось также

укреплению границ для противодействия терроризму и наркоторговле. Такая структура американской помощи сохранялась с различными вариациями и в последующие годы.

Военная кампания по уничтожению террористов в Афганистане, тыловая поддержка которой осуществлялась из Центральной Азии, побудила США к тому, чтобы серьезно заняться проблемами обеспечения стабильности в регионе. Без этого, кстати, не смогли бы нормально функционировать американские военные объекты на территории центральноазиатских стран. В 2002–2003 гг. Вашингтон активно развивал сотрудничество с ними в оборонной сфере, на подъеме находились и политические отношения (за исключением Туркменистана).

Как представляется, именно тогда завершился период определенной отстраненности США от центральноазиатских дел. Политика Белого дома в регионе стала более напористой, что дало повод некоторым американским экспертам обозначить ее как «агрессивный реализм». Центральная Азия уже не воспринималась как «задний двор» России, а приобретала для Вашингтона самостоятельное значение.

Оценивая ситуацию в регионе, американцы исходили из того, что попытки России и КНР порознь и совместно добиться ее стабилизации не увенчались успехом. Теперь решение данной проблемы США берут в свои руки, и это во многом отвечает интересам как Москвы, так и Пекина. Трудно сказать, на чем основывалось такое предположение, но уже скоро выяснится, что оно оказалось неверным. Даже с учетом совпадения позиций трех держав в отношении международного терроризма сложно было представить, что Россия и Китай снимут с себя ответственность за развитие обстановки в Центральной Азии и отдадут ее на откуп Вашингтону. Имелся у них, естественно, и собственный взгляд на американское военное присутствие в регионе. Нельзя забывать и о том, что еще в июне 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В ее состав вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Со временем она превратится в важный фактор всей политики на центральноазиатском пространстве. В мае 2002 г. принимается решение о создании Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), одной из ключевых задач которой объявляется обеспечение стабильности в Центральной Азии. Ее членами, наряду с Россией, Белоруссией и Арменией, стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В октябре 2003 г. российская военная база открывается в го-

роде Кант в Киргизии, недалеко от Бишкека, где уже находилась авиабаза США.

Первые победы над движением «Талибан» не позволили, к сожалению, надолго успокоить ситуацию в Афганистане. Талибам понадобилось не многим более года, чтобы восстановиться и развернуть партизанскую войну против сил коалиции. В тот момент уже осуществляли свою миссию Международные силы содействия безопасности (МССБ), сформированные в соответствии с резолюцией 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. С августа 2003 г. командование ими перешло к НАТО. Сначала в зону их ответственности входил только Кабул, но в октябре 2003 г. было решено расширить ее за пределы афганской столицы.

Однако ни США, ни МССБ не удавалось сломить сопротивление талибов. Вследствие этого очаги терроризма в Афганистане не были ликвидированы, а производство наркотиков даже выросло. Основным транзитным коридором для их доставки в страны СНГ, прежде всего в Россию, и далее в Европу служила как раз Центральная Азия. Не завершив войну в Афганистане, США начали в марте 2003 г. новую – в Ираке. Боевые действия сразу на двух фронтах требовали огромных финансовых средств, причем их большая часть выделялась тогда на иракскую кампанию. В этих условиях рассчитывать на то, что американская помощь Центрально-Азиатскому региону, особенно на нужды социально-экономического развития, будет увеличиваться, уже не приходилось.

Политика «агрессивного реализма» вновь выдвинула на передний план дилемму «ценностей и интересов». По мнению декана факультета политологии университета Луисвилла (США) Ч. Зиглера, как в годы президентства У. Клинтона, так и при Дж. Бушемладшем правительству Соединенных Штатов было непросто совместить усилия по вовлечению государств Центральной Азии в процесс сотрудничества в области безопасности с оказанием давления на них по вопросам прав человека, экономических и политических реформ. При этом подходы к урегулированию данного противоречия Госдепартамента и Министерства обороны не совпадали. В дипломатическом ведомстве считали, что содействие развитию демократии в регионе более значимо именно в тот момент, когда он оказался на переднем крае войны с терроризмом.

Программы Госдепартамента были направлены на поддержку и финансирование политического плюрализма, независимых СМИ, обеспечение верховенства закона и религиозных свобод.

В его докладах по правам человека центральноазиатские страны подвергались жесткой критике. Военные же, напротив, обращали внимание в первую очередь на преимущества сотрудничества с ними в сфере безопасности и пытались зачастую приглушить критические замечания дипломатов. Зиглер полагает маловероятным, что американской администрации, республиканской или демократической, удастся примирить противоречия во внешней политике США между потребностью в обеспечении безопасности и стремлением следовать идеалам содействия развитию демократии и прав человека, так как этот конфликт существовал задолго до начала войны с терроризмом.

Впрочем, в 2003–2005 гг. США попытались выйти из сложившейся ситуации следующим образом. Был взят за основу тезис о том, что успех американской политики в регионе будет зависеть прежде всего от того, насколько прочные корни пустит там демократия. Поэтому было решено форсировать демократические процессы в центральноазиатских республиках. Одновременно утверждалось, что это укрепит региональную безопасность и повысит результативность борьбы с международной террористической сетью в Афганистане.

Известный российский ученый Г. Чуфрин отмечает, что страны Запада во главе с США, вдохновленные «цветными революциями» в Грузии и на Украине, постарались использовать недовольство широких слоев населения Центральной Азии условиями своей жизни для замены существующих режимов на откровенно прозападные под лозунгами развития демократии.

К выполнению этой задачи были привлечены опытные политтехнологи из ведущих американских правительственные и общественных структур, специализирующихся на распространении в мире демократических ценностей. Таких, например, как Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента, федеральное Агентство США по международному развитию, Национальный фонд за демократию, Фонд Сороса. Они занимались финансированием местных неправительственных организаций, изданием и распространением соответствующей пропагандистской литературы, оказывали поддержку оппозиционным политическим силам, ориентировавшимся на Запад.

В марте 2005 г. в результате «революции тюльпанов» был свергнут президент Киргизии А. Акаев, считавшийся, кстати, в Вашингтоне образцовым либеральным лидером. «Революционной

ситуацией» воспользовались криминальные и экстремистские группировки, что привело к массовым беспорядкам и грабежам.

Буквально вслед за этим, в мае 2005 г., вспыхнули волнения в Андикане в узбекской части Ферганской долины. Мятежники, связанные с исламистской организацией «Акрамийя», захватили оружие и заложников. Властям пришлось применить силу для восстановления порядка.

События в Киргизии и Узбекистане подтвердили, что вызовы стабильности в регионе исходят не только от исламского экстремизма и международного терроризма, но и от США, вставших на путь экспорта демократии и прямой поддержки «цветных революций». Они вызвали вполне обоснованную тревогу у правящих элит центральноазиатских государств. С озабоченностью восприняли их в России и Китае.

Вскоре на Западе была развернута шумная кампания осуждения узбекских властей и лично президента И. Каримова за «грубые нарушения прав человека и несоразмерное применение силы против мирного населения» в ходе инцидента в Андикане. Тон этой кампании задавали США. В результате отношения между Ташкентом и Вашингтоном были серьезно и надолго испорчены.

В тот период у многих центральноазиатских политиков появились сомнения относительно того, что американское военное присутствие действительно может содействовать укреплению безопасности в регионе.

5 июля 2005 г. на саммите ШОС в Астане была принята консенсусом рекомендация странам международной коалиции, проводящей антитеррористическую операцию в Афганистане, определяться со сроками пребывания их воинских контингентов на территории государств Центральной Азии. 29 июля 2005 г. Узбекистан предупредил США о том, что им дается шесть месяцев на вывод их авиабазы из Ханабада. 22 ноября 2005 г. она была официально закрыта.

Тогда же ведущими американскими исследовательскими центрами была разработана концепция «Большой Центральной Азии» (БЦА). Она предполагала образование единого пространства Центральной и Южной Азии, которое включало бы в себя Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Афганистан, Индию и Пакистан. Ее главный идеолог Ф. Стэрр сформулировал цели Вашингтона применительно к этому проекту следующим образом: ведение наступательной войны против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур

безопасности; предоставление Афганистану и его соседям возможности защитить себя от радикального ислама и наркоторговцев; усилия по укреплению региональной экономики и наиболее значимых государственных институтов до уровня, когда регион окажется способным служить в качестве экономического и политического моста между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией; работа в плане упрочения региональных торговых связей и адекватной транспортной инфраструктуры; стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением.

Об этой концепции сказано уже достаточно много. Остановимся, пожалуй, на точке зрения авторов вышедшей в 2009 г. книги «Годы, которые изменили Центральную Азию». Они полагают, что БЦА нужна США все же не столько для ухаживания за ростками демократии, сколько для того, чтобы безраздельно управлять всеми экономическими и политическими процессами в регионе без помех со стороны других внешнеполитических игроков (России и Китая), а также структур, где эти игроки лидируют (ОДКБ, ШОС). Между тем переводом стрелок в основном на демократизацию Центральной Азии по западным лекалам, а также на сдерживание здесь России и Китая администрация Дж. Буша предопределила результаты своей политики в регионе, которая характеризуется ныне значительным снижением эффективности, поскольку потребности транзитных экономик государств региона требуют иных мер и подходов.

От себя же добавим, что осуществление этого амбициозного проекта со всеми его экономическими «плюсами» и военно-политическими «минусами» в любом случае невозможно без кардинального улучшения ситуации в Афганистане.

Подводя итог, можно выделить несколько ключевых, на наш взгляд, моментов, обозначившихся к началу президентских выборов в США 2008 г.

В рамках доктрины «агрессивного реализма» Вашингтону так и не удалось разрешить дилемму «ценностей и интересов». Приоритеты американской политики в Центральной Азии постоянно менялись, что не позволяло выстроить их четкую иерархию. Оставался открытый вопрос, что представляет для США наибольшую ценность: энергетические ресурсы или военное присутствие и сотрудничество в сфере безопасности, или же прозрачность выборов и свобода СМИ. Пока за океаном рассуждали о том, что Москва является слабым игроком в регионе, вдруг выяснилось, что там

уже укоренились такие интеграционные структуры с участием России, как ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. У США же механизм, обеспечивающий взаимодействие с центральноазиатскими странами на постоянной основе, отсутствует. И еще. Линия на ускоренную демократизацию государств региона не оправдала себя не потому, что те категорически отказывались от демократических преобразований, а потому, что она не учитывала их мировоззренческие традиции. Для восточных обществ всегда была характерна склонность к постепенным и неспешным переменам.

Все эти проблемы достались в наследство новой администрации во главе с Б. Обамой. Сейчас в «мозговых центрах» США предпринимается попытка переосмыслить стратегию Вашингтона в Центральной Азии, приблизив ее к современным геополитическим реалиям. Как представляется, они как раз подталкивают к тому, чтобы превратить этот регион в зону активного международного сотрудничества в целях обеспечения его безопасности и устойчивого экономического развития. Начавшаяся «перезагрузка» российско-американских отношений открывает в этом плане широкое окно возможностей. Во всяком случае, общие интересы у России и США в Центральной Азии, несомненно, присутствуют. Насколько успешно их удастся реализовать, покажет будущее, Россия к совместной работе готова.

«Вестник Российской нации»,
М., 2011 г., № 4–5, с. 297–314.

Леонид Васильев,
старший научный сотрудник (ИДВ РАН)
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮЖНОЙ АЗИИ

Причины терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центральной и Южной Азии лежат как в плоскости исторических условий формирования государств этих регионов и общих тенденций мирового развития, так и субъективных факторов, связанных с внутренней политикой расположенных там государств. Поэтому, рассматривая причины распространения и особенности проявления терроризма и экстремизма в данной части Азии, необходимо учитывать как национальные особенности соответствующих стран, так и обстановку в соседних с ними государствах, которая

объективно влияет на общее развитие ситуации в этой части Евразии.

На сегодня главная угроза распространения терроризма и экстремизма для государств Центральной и Южной Азии исходит из Афганистана. Здесь, несмотря на проводящуюся международной коалицией во главе с США уже почти десять лет антитеррористическую операцию, обстановка далека от нормализации. Заявленные цели Вашингтона – создать в этой стране дееспособную армию и эффективные силы безопасности, способные противостоять экстремистам, а также заложить экономическую основу политической стабильности в ней, – все еще не достигнуты. В общем плане обстановка в Афганистане в настоящее время характеризуется следующим.

1. Происходит расширение территории, подвластной движению «Талибан». Войска коалиции более или менее контролируют только города, где дислоцируются их гарнизоны. Даже в ходе относительно успешной операции в провинции Гельменд вооруженные формирования талибов уничтожить не удалось: они просто сменили места дислокации. То же произошло в результате взятия так называемого «центра логистики наркотиков» в г. Маруджа в феврале 2010 г. По сообщениям информационных агентств, потери талибов в этом месте составили до двух десятков человек, тогда как, по данным разведки, там располагалось не менее 1000 боевиков.

2. Сохраняется широкая поддержка «Талибана», Исламской партии Хакматиара и других сил сопротивления иностранной оккупации, которая, по некоторым данным, достигает 3/4 населения страны. К тому же, стремясь снизить свои потери, НАТО все чаще прибегает к воздушным ударам, которые приводят к жертвам среди мирного населения, усиливая рост антизападных и антиправительственных настроений.

3. Становится все более очевидной неспособность режима Х. Карзая переломить негативную ситуацию в стране, усугубляемую тотальной коррупцией в органах власти, из-за чего с трудом удалось обеспечить его победу на последних выборах.

4. Происходит беспрецедентное наращивание производства наркотиков. Несмотря на последние пиар-акции в СМИ на тему борьбы с наркотрафиком в Афганистане, коалиция не в состоянии реализовать эффективные меры по борьбе с этим злом как из-за саботажа их участниками в наркобизнесе реальными политическими силами страны, в том числе представителями властных

структур, так и опасения вызвать этим еще более активное противодействие населения.

Не снижаются повсеместная безработица и массовая нищета населения, способствующие распространению бандитизма и криминализации жизни афганского общества.

Из этого видно, что для США и их союзников в Афганистане складывается патовая ситуация. В связи с этим Вашингтон корректирует свою стратегию действий в этой стране. Среди ее положений присутствуют и заявления о возможном выводе оттуда своих воинских контингентов.

Однако полного оставления ими этой страны ожидать вряд ли стоит. Политика США в Евразии показывает, что американцы приложат максимум усилий для сохранения своего контроля над Афганистаном. Это находится в русле реализации их концепции создания региона «Большая Центральная Азия», сохранение присутствия в котором даст им рычаг воздействия на геополитические процессы на пространстве всего континента. К тому же появившиеся данные о том, что на севере Афганистана возможно наличие крупных запасов нефти и газа, еще больше повышает их интерес к данным территориям.

С другой стороны, сами по себе разговоры об уходе из Афганистана могут принести Вашингтону определенные дивиденды. Мировое сообщество, особенно страны Центральной и Южной Азии, отдает себе отчет о том, что в этом случае почти неизбежен приход к власти талибов. А это – нарастание напряженности и прямая угроза безопасности для соседей, прежде всего Пакистана с его ядерным оружием и государств Центральной Азии с их запасами урана. Осознание же перспективы такого развития событий будет делать их сторонниками новых инициатив США в данном регионе.

Не может оставаться в стороне от ситуации в Афганистане и не учитывать возможных направлений её развития и крупнейшая международная организация региона – ШОС. Ее руководство уже не первый год предпринимает усилия для содействия правительству Республики по стабилизации обстановки в стране. В настоящее время активизирован диалог в рамках Организации по афганской тематике. Его участники признают важность использования потенциала ШОС как одного из участников международного механизма сотрудничества в борьбе с террористической и наркотической угрозами.

Так, на специальной конференции по Афганистану, проведенной под эгидой ШОС в Москве в марте 2009 г., было отмечено, что государства – члены ШОС поддерживают усилия правительства Афганистана и международного сообщества, направленные на восстановление социально-экономической стабильности в этой стране, строительство в ней демократических институтов, повышение боеспособности национальной армии и полиции, а также эффективности деятельности правоохранительных органов. Причем подчеркивался взаимозависимый характер вызовов, с которыми сталкиваются Афганистан и регион в целом. К ним относятся: продолжающаяся террористическая активность в регионе, а также нарастание производства и оборота наркотических веществ, доходы от которых являются источником финансирования террористической деятельности как в Афганистане, так и за его пределами, что представляет серьезную угрозу стабильности всего региона.

На конференции была подчеркнута необходимость укрепления международного и регионального сотрудничества в противодействии наркоугрозе, в том числе по линии ООН, ОДКБ, СНГ, ЕС и ОБСЕ, а также объединения усилий всех заинтересованных государств и организаций по созданию «поясов антинаркотической и финансовой безопасности» в регионе.

В плане противодействия терроризму прозвучал также призыв к скорейшему принятию Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, а также созданию региональных антитеррористических международно-правовых инструментов. Государства – члены ШОС призывали мировое сообщество к противодействию попыткам идейной экспансии терроризма, к неукоснительному соблюдению резолюции 1624 СБ ООН от 2005 г., осуждающей любые террористические акты независимо от мотивов и побуждений при их осуществлении. Со своей стороны, участники конференции заявили о наращивании усилий по пресечению террористической угрозы путем активизации использования потенциала Региональной антитеррористической структуры ШОС и улучшения подготовки соответствующих сил на совместных антитеррористических учениях в рамках Организации.

Итогом конференции стало принятие Плана действий ШОС и Исламской Республики Афганистан, конкретизирующего совместные усилия сторон, в котором на направлении борьбы с терроризмом предусматривается: усиление пограничного контроля; налаживание обмена информацией о деятельности террористов и их организаций, а также опытом борьбы с ними; оказание содействия

в поимке и передаче террористов; проведение совместных операций по противодействию террористическим угрозам; создание эффективных механизмов предотвращения и пресечения террористической деятельности; подключение на поэтапной основе спецслужб Афганистана к взаимодействию в рамках ШОС по борьбе с терроризмом в регионе; получение совместными усилиями информации о террористических организациях, угрожающих безопасности государств – членов ШОС и Республики Афганистан; создание механизма экспертных консультаций по линии Региональной антитеррористической структуры ШОС и соответствующих органов Афганистана; выявление и перекрытие источников и каналов финансирования террористических организаций.

В области борьбы с незаконным оборотом наркотиков предусматривается: проведение сравнительного анализа соответствующей правовой базы государств – членов ШОС, а также ее совершенствование для расширения сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров; межведомственный информационный обмен; проведение совместных операций по пресечению деятельности наркосиндикатов; контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; противодействие легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; подготовка кадров для антинаркотических структур.

В заключительном документе отмечено, что регулярный диалог на базе ШОС по вопросам совместного противодействия угрозам безопасности в регионе с привлечением заинтересованных государств и международных организаций может эффективно дополнить уже существующие международные форматы противодействия здесь вызовам терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности.

Внутриполитическая обстановка в Пакистане как один из источников активизации террористической деятельности в регионе

К основным причинам распространения и активизации деятельности террористических организаций в Пакистане можно отнести следующие.

1. Резкий прирост населения страны в сочетании с массовой безработицей, особенно среди молодежи.

2. Территориальные споры с Индией (Кашмир) и Афганистаном (линия Дюранда).

3. Слабость национальной экономики. По уровню социально-экономического развития Пакистан занимает 144-е место в мире. В 2009 г. обстановка в Пакистане еще более осложнилась в связи с мировым экономическим кризисом. Это выразилось в дефиците продовольствия, в стремительном подорожании топлива, в обесценивании национальной валюты и массовом оттоке иностранного капитала.

4. Высокий уровень религиозности населения, при котором, по некоторым данным, ортодоксальные исламисты составляют 98,7% его общей численности.

В настоящее время основными политическими силами в Пакистане являются:

– Пакистанская народная партия парламентариев, возглавляемая избранным в 2008 г. президентом А. Зардари, из членов которой состоит центральная администрация страны;

– движение «Талибан»;

– Пакистанская мусульманская лига (лидер – Н. Шариф), стоящая на позициях фундаментализма, и ряд других исламских организаций;

– пакистанская армия.

При этом позиции Пакистанской народной партии парламентариев обеспечиваются поддержкой крупных землевладельцев юга страны и ее промышленных кругов. Движение «Талибан» опирается на широкую поддержку населения северных провинций. Одним из ведущих его лозунгов является борьба за создание самостоятельного государства на северо-западе Пакистана, где проживают пуштунские племена. С этой целью они готовят условия для свержения светского правительства Пакистана и установления в стране исламского режима по типу иранского. На данной платформе они блокируются с исламскими фундаменталистами. Причем и те, и другие склонны активно использовать методы террора для достижения своих целей.

В связи с этим следует отметить, что одной из немаловажных причин такого положения дел выступают просчеты в политике США, проводимой до недавнего времени в этом регионе. Так, использование американцами двойных стандартов в виде принципа деления террористов на «хороших» и «плохих» в течение десятков лет не только содействовало «воспитанию» целых поколений местных террористов, но и способствовало утверждению

мнения в определенных кругах общества, что терроризм является одним из неотъемлемых атрибутов современной политической борьбы.

К такому мнению приходят многие аналитики и даже политики. В свое время бывший президент Пакистана П. Мушарраф возложил на США и страны Запада ответственность за нынешнюю ситуацию в его стране и соседнем Афганистане. Выступая в штаб-квартире Евросоюза в Брюсселе, он заявил, что нынешнее положение вещей в регионе – прямое следствие событий 26-летней давности, когда Пакистан, США и другие страны Запада активно поддерживали движение моджахедов, действовавших против контингента советских войск в Афганистане. «Мы вместе запустили джихад, привлекая моджахедов со всего мусульманского мира. Мы создали “Талибан”, снабдили его оружием и пустили в Афганистан. А в 1989 г. все наши союзники покинули Пакистан, оставив нас с 30 тыс. вооруженных моджахедов и движением “Талибан” в придачу».

Действующий ныне президент А. Зардари заявляет, что его страна страдает от «раковой опухоли терроризма». И уже через несколько часов после того, как он в своем первом президентском обращении к нации пообещал искоренить терроризм, боевики взорвали бомбу у отеля «Марриот», жертвами которой стали 53 человека и 271 – получили ранения.

На сегодня самым сильным государственным институтом в Пакистане, способным противостоять терроризму и экстремизму, является армия. Даже когда у власти находилось гражданское правительство, основные решения по управлению страной принимались армией. При П. Мушаррафе она еще глубже внедрилась в политику и экономику государства. Практически любую сколько-нибудь значимую государственную структуру возглавлял армейский офицер в отставке.

Однако, оценивая возможности, а также степень желания руководства вооруженных сил бороться с терроризмом и экстремизмом, тем более совместно с США, необходимо учитывать следующее.

1. 60 лет двустороннего сотрудничества Исламабада и Вашингтона не убедили пакистанцев в незыблемости такого положения, тем более в свете сближения США и Индии. Поэтому армейское руководство вынуждено «страховаться» на случай возможного полного ухода американцев и изменения внутренней политической ситуации.

2. Не секрет, что многие офицеры пакистанской армии, особенно представители спецслужб, поддерживают тесные связи с группами боевиков, в том числе и со сторонниками талибов. Армия и разведслужбы Пакистана не одно десятилетие использовали религиозные партии для пополнения своих рядов. Представители исламских экстремистов задействовались при подавлении националистов в 1971 г. в тогдашнем Восточном Пакистане, воевали с советскими войсками в 1980-х годах в Афганистане, активно привлекались для диверсионных акций в Кашмире. Вследствие этого можно констатировать, что в самом мощном институте государственной власти в Пакистане имеется достаточно широкий слой людей, которые при определенных обстоятельствах могут поддержать приход к власти исламских экстремистов.

3. Пакистанские военные и представители спецслужб «не поддаются» давлению США и по большинству вопросов стараются отстаивать национальные интересы, что, кстати, и явилось одной из основных причин «принуждения к отставке» президента П. Мушаррафа. Так, армейское руководство категорически против проведения любых военных операций коалиционных войск на своей территории. Кроме того, оно резко выступает против международной инспекции государственных ядерных объектов в Пакистане.

4. Слаборазвитые гражданские институты в настоящее время не способны установить в стране демократические порядки. Более того, сами американцы считают армию наиболее реальной силой в борьбе с терроризмом, а поддержка ими демократических сил в стране – скорее способ сдерживания амбиций военных.

Наряду с движением «Талибан» и исламскими радикалами методы террора активно применяют и пакистанские сепаратисты, в частности Армия освобождения Белуджистана и Белуджская либеральная армия, целью которых тоже является создание своего независимого государства – Великого Белуджистана.

Провинция Белуджистан занимает 48% территории страны, а проживают на ней лишь 5% населения. Белуджи – этнос, большая часть которого живет в Пакистане и Иране. Есть они и в Афганистане. После раздела Британской Индии, а впоследствии отделения от Пакистана Бангладеш этнический состав Белуджистана изменился кардинально, в основном за счет переселенцев – мухаджиров. Мигранты оказались более активными в экономической деятельности и через некоторое время сосредоточили в своих руках значительную часть экономики провинции. В настоящее время

потомки этих мигрантов в основном определяют социально-экономическое развитие и политическую ситуацию в этой провинции. Кстати, бывший президент Пакистана П. Мушарраф – выходец из мухаджиров. Но такое положение дел не устраивает белуджей.

Немаловажным фактором, влияющим на ситуацию в провинции, является наличие в ней значительных запасов нефти и газа. Проблема заключается в том, что, получая значительные прибыли от эксплуатации газовых и нефтяных месторождений Белуджистана, федеральный центр слабо инвестирует инфраструктурное и экономическое развитие провинции. Кроме того, белуджи постоянно указывают на «несправедливое» представительство «малых провинций» в парламенте Пакистана. Так, в соответствии с пропорциями численности населения, Пенджаб представлен в Национальном собрании 55% мест, в то время как Белуджистан – 5%. Это, по мнению этнического меньшинства, существенно ограничивает возможности «легальных» способов борьбы за развитие их малой родины, а следовательно, создает предпосылки для ведения борьбы с использованием террористических методов достижения своей цели.

Учитывая тот факт, что движение «Талибан» совместно с лидерами пуштунских племен стремится создать на северо-западе Пакистана самостоятельное государство, а сепаратисты Белуджистана – выступают за образование Великого Белуджистана, некоторые эксперты не исключают распада и «балканизации» Пакистана. Причиной такого развития событий могут стать гражданская война между племенами, возможная талибанизация отдельных провинций или отстранение от власти светского правительства с последующей борьбой за обладание ядерным оружием. Причем, сепаратистам могут оказать помощь соседние государства (Индия, Иран, Китай и даже Афганистан), которые заинтересованы в ослаблении Пакистана и установлении контроля над его энергетическими запасами.

К особенностям проявления терроризма в Пакистане в настоящее время можно отнести следующее: значительное расширение «географии» террористических акций (если ранее основные теракты отмечались на территории племен федерального управления, в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, то после событий в Красной мечети в июле 2007 г. террористы развернули активную деятельность в Исламабаде, Пенджабе, Синде и других городах); рост числа терактов, осуществляемых

пакистанскими смертниками (к примеру, 3 из 4 террористов-смертников, участвовавших в акции в Лондоне в 2005 г., были пакистанцами); нарастание в последнее время тенденции постепенной утраты местными террористическими организациями национального характера и превращение их в ячейки международных террористических организаций.

Следует также отметить, что ныне ряд государств, помимо США и их союзников, также стали предъявлять требования к пакистанскому руководству по усилению противодействия терроризму. Так, Саудовская Аравия, Египет и Алжир требуют выдачи боевиков – граждан этих стран; Дели обвиняет Исламабад в подготовке и засылке на территорию Индии сепаратистов; Китай, Узбекистан и другие государства Центральной Азии требуют пресечения деятельности на контролируемых Пакистаном территориях баз уйгурских сепаратистов, боевиков «Исламского движения Узбекистана» и других террористических организаций, проникающих оттуда на территории их стран; Россия и центральноазиатские государства требует от властей Пакистана пресечения деятельности клерикалов, осуществляющих материально-финансовую поддержку чеченских боевиков и исламской оппозиции в Центрально-Азиатском регионе, а также оказания любой помощи талибам.

Отношения между Пакистаном и Афганистаном тоже остаются сложными, хотя объективно оба государства заинтересованы в их нормализации. Это подтверждается довольно регулярными встречами их президентов, последняя из которых состоялась в мае 2009 г. в Тегеране. В то же время не так давно Кабул обвинил Исламабад в подготовке покушения на афганского президента на параде в столице 25 июня 2008 г. Представляется, что препятствием для налаживания этого процесса являются: слабость центральной власти в обоих государствах; непризнание Кабулом «линии Дюранда» в качестве границы между Афганистаном и Пакистаном; нахождение на территории Пакистана 2,5–3 млн. афганских беженцев; активные действия «Талибана» на территории обеих стран; политика в регионе некоторых внешних государств, стремящихся использовать противоречия между Афганистаном и Пакистаном в собственных интересах.

И все же под давлением мирового сообщества Исламабад предпринял усилия по противодействию распространению терроризма, сепаратизма и экстремизма в стране. Причем следует отметить, что, несмотря на недовольство армейского руководства

отставкой П. Мушаррафа, армия принимает активное участие в этой борьбе.

Так, в мае 2009 г. пакистанская армия начала масштабные боевые действия в районе Макаланд (Северо-Западная провинция), в частности в долине Сват. Летом того же года боевые действия продолжились в Южном Вазиристане. Причем проведение этих операции активно поддерживали американцы. В связи с этим спецпредставитель американского президента Р. Холбрук заявил, что «причина, по которой США считают Пакистан одним из важнейших, если не наиважнейшим, приоритетом, состоит в том, что экстремисты в этой стране угрожают непосредственно им».

Следует отметить, что в ходе указанных действий против талибов пакистанская армия имела определенный военный успех. Важным явилось и то, что столь масштабные операции пакистанская армия впервые проводила на своей территории, а значит, пакистанское руководство признало боевиков «Талибана» угрозой собственному государству.

К основным итогам войсковых операций пакистанской армии в долине Сват и Южном Вазиристане следует отнести следующее.

1. Проведение данных операций силами только пакистанской армии без участия войск США и НАТО способствовало консолидации пакистанского общества и укреплению суверенитета Пакистана.

2. Эти операции подняли авторитет Пакистана в глазах мирового сообщества как государства, активно противостоящего международному терроризму.

3. События в долине Сват и Южном Вазиристане показали слабость местной администрации, ее неумение оперативно решать сложные социально-экономические проблемы. Армия вновь вышла на первое место в общественной жизни страны, став гарантом целостности государства.

4. С военной точки зрения, ход операций выявил ряд недостатков в действиях пакистанской армии, что, скорее всего, даст толчок к ее перевооружению и оснащению более современным оружием.

Однако следует отметить, что за время боевых действий в 2009 г. была практически разрушена экономическая инфраструктура долины Сват и Южного Вазиристана, разорваны все линии электропередач Северо-Западной пограничной провинции. Государство получило около 2,5 млн. беженцев, многочисленные жерт-

вы среди мирного населения и гуманитарную катастрофу в районах боевых действий.

В то же время, по некоторым данным, талибы не были полностью разгромлены. Они, скорее всего, рассредоточились: одни ушли в горы, другие скрылись в равнинных землях, а часть попытались перебраться в соседние страны, в том числе в государства Центральной Азии. По заявлению лидеров «Талибана», их движение не сломлено, и они «никогда не прекратят свою борьбу». И к таким заявлениям, а также к фактам, подтверждающим это, нужно относиться с полной серьезностью.

«Возможность изменения ситуации в Афганистане»,
М., 2011 г., с. 74–87.

Р. Омаров,

политолог

**СОБЫТИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН**

В конце XX – начале XXI в. на Арабском Востоке произошел ряд очень важных геополитических изменений.

Во-первых, впервые за всю новейшую историю произошла исламская революция, и в Иране был реализован «исламский проект» развития.

Во-вторых, после падения Советского Союза образовалось новое геополитическое пространство, где ведущую роль пытаются играть Соединенные Штаты. Однако в то же время усилилось соперничество за региональное лидерство среди самих стран этого региона (Иран, Саудовская Аравия, дореволюционный Египет), к которым примкнула и Турция после неудачных попыток вступить в Европейский союз.

Несомненно, большого внимания заслуживает Иран и его «исламский проект». Несмотря на все заявления нынешнего руководства о невмешательстве во внутренние дела других стран и отказе от идеи экспорта революции в другие страны, события последнего десятилетия показывают совершенно обратное. В отношении шиитских общин в других странах Иран проводит политику их сплачивания вокруг Тегерана с целью обеспечения своей внешней политики. Это Ирак, Ливан, Азербайджан, страны Персидского залива, Афганистан, Йемен, Азербайджан. События

этих последних лет в таких странах, как Ирак, Сирия, Ливан, Бахрейн, наглядно показывают, что от завещания аятоллы Хомейни, который сказал: «Мы желаем экспортировать нашу революцию, но не при помощи меча, а посредством пропаганды», – никто не отходит.

Амбиции Ирана не заканчиваются шиитским миром. Уже начиная с 90-х в Иране заговорили о том, что страна в ближайшем будущем должна превратиться не только в ведущую региональную державу на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в зоне Персидского залива, но и должна войти в число великих держав мира, и стремление создать ядерное оружие обусловлено, в первую очередь, именно этим. И взаимоотношения Ирана с арабскими странами обусловлены не только национальными, но и идеологическими (исламскими) интересами.

И сейчас на первом месте после соседей во внешней политике Ирана стоит исламский мир, а не Израиль, как полагают многие. Антиизраильская риторика – это всего лишь один из инструментов популизма в исламском мире.

Хорошо известно, что ни аятолла Хомейни, ни аятолла Хаменеи не считали себя какой-то отдельной, только шиитской, частью исламского мира. Любопытны их высказывания по этому поводу: «Хочу отметить, что мой религиозно-политический завет адресован не только великому иранскому народу, но и всем мусульманским народам и угнетённым всего мира всех национальностей и любого вероисповедания»; «Любой успех, которого достигает иранский народ, является одновременно и успехом всей исламской уммы, но и любой удар, наносимый врагом по ИРИ и иранскому народу, направлен в то же время на всю исламскую умму». Несмотря на использование мусульманской риторики, Иран не забывает о своих национальных интересах, что отражается на формировании внешней политики страны, на характере ее отношений с отдельными арабскими странами и тенденциях развития этих отношений.

Отношения Ирана с арабо-исламским миром прошли несколько важных этапов.

В 80-е годы в Иране под руководством имама Хомейни был разработан внешнеполитический курс Исламской Республики Иран, который стал осуществляться путем экспорта исламской революции, проводимой как военными, насильтвенными методами, так и мирными средствами, политическим путем. Тегеран на этом этапе явное предпочтение отдавал военным методам.

В первую очередь Иран хотел применить эту модель по отношению к Ираку. Осуществлению этого плана должен был помочь ряд факторов: Ирак первым начал войну, и Тегеран был вынужден вступить; в Ираке около 60% населения составляли шииты, которые должны были помочь разгромить Ирак и свергнуть суннитского президента Саддама Хусейна. После превращения Ирака в исламскую республику по иранскому образцу намечалось распространить «исламскую революцию» в Афганистан и Ливан, где также имелись крупные общины шиитов. Для осуществления своих планов иранские власти стали предпринимать практические меры.

Однако на Ближнем Востоке попытка осуществить экспорт революции путем прямого вмешательства не увенчалась успехом, кроме Ливана, где с помощью КСИР в 1982 г. была создана партия «Хезболла», которая активно проводит политику Ирана в этом регионе. К тому же сам авторитет КСИР после ирано-иракской войны сильно упал, так как основная вина за неудачные действия иранской армии на последних этапах возлагалась на них.

По тому же сценарию Иран пытался распространить свое влияние в странах Персидского залива, где главным соперником была Саудовская Аравия. Здесь Иран работал в двух направлениях: во-первых, активно использовал рабочих-шиитов из восточных областей страны, где сосредоточены важные нефтедобывающие предприятия; во-вторых, поездка иранских паломников в хадж в 80-е превратилась в своего рода попытку начать антимонархические выступления в стране. Каждый год во время хаджа иранские паломники активно распространяли свою литературу и пытались организовывать антиправительственные митинги и демонстрации.

По схожему сценарию в 80-е годы действовал Иран во всех странах Персидского залива, Ближнего и Среднего Востока.

В целом этот период можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, все проходило под глобальными лозунгами. Это идея о создании «Соединенных Штатов Ислама», где руководящую роль будет играть Иран, это и призывы Хомейни к созданию 20-миллионной армии с резервом в 100 млн. человек для осуществления «первой волны» экспорта исламской революции и т.д.; во-вторых, для достижения этих целей Иран стал претворять в жизнь политику так называемой первой волны исламского возрождения, стержнем которой стал курс на экспорт исламской (иранской, шиитской) революции в другие страны, прежде всего исламские. Фактически этот курс отличался агрессией и экспан-

сионизмом, где на первом плане были военные, насилиственные методы, особо проявившиеся в отношении к Ираку, Афганистану и Ливану. Наряду с этим в арабских странах применялись и полу-военные приемы, включавшие в себя терроризм и подрывные действия в таких странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и др. И, наконец, этот курс предполагал в арабских странах Африки мирные невоенные акции.

Естественно, это вызвало волну возмущения со стороны этих стран. Особенно негативное отношение наблюдалось в тех странах, где большинство населения составляют мусульмане-сунниты, которые считают шиитов еретиками. К тому же эта революция прямо угрожала существующим формам правления, особенно монархиям Персидского залива.

Именно поэтому и в силу ряда других причин идея активного экспорта революции оказалась безуспешной. И в Иране в конце 80-х заговорили о необходимости серьезных перемен. В частности, было решено отказаться от насилиственного курса на экспорт исламской революции и перейти к более мирным, невоенным методам, или экспорту исламской культурной революции.

В 90-е годы в Иране шел постепенный отход от этого курса. Очень наглядно это проявилось во время нахождения на посту президента Хакани, который на первое место поставил интересы страны и пытался установить дружеские отношения со всеми странами региона и даже начать хорошие партнерские отношения со странами Европы. Однако в это же время в Иране начало усиливаться влияние духовенства во главе с аятоллой Хаменеи, который активно выступал против этого курса, и в начале XXI в. иранская внешняя политика начала возвращаться к курсу открытого противостояния с Западом и странами Персидского залива, правители которых неоднократно призывали США начать военную операцию против Ирана. Также на территории многих стран – соседей Ирана проживает шиитское меньшинство, которое рассматривается суннитскими правителями в качестве «пятой колонны», находящейся на службе у Ирана.

События «арабской весны» дали очень хорошую возможность для стран этого региона упрочить свое влияние. Сейчас можно долго рассуждать о том, кто за этим стоит: Иран, Саудовская Аравия, США, Турция. На мой взгляд, определить это на данном этапе невозможно. Это будет возможно, когда мы увидим плоды этих революций, когда станет ясно, кто получает от этого наибольшую выгоду. Сейчас же ясно то, что эти все процессы неоднородны.

Тунисскую, египетскую революцию и события в Йемене можно охарактеризовать как антизападные, антиамериканские, чего нельзя сказать о событиях в Ливии и Сирии.

На мой взгляд, эти события начались как антизападные, происламские, так как в Тунисе единственной силой, которая могла совершить революцию таким путем, была исламская партия «Ан-Нахда», также сложно предположить, как развивалась бы ситуация в Египте, если бы движение «Братья-мусульмане» открыто не призвало народ выйти на улицы и свергнуть диктатуру Мубарака. Однако потом каждая держава попыталась использовать эту волну массовых антиправительственных выступлений в своих целях. Например, США и их ближайшие союзники, о ком совершенно точно можно говорить, что в дальнесрочной перспективе они очень сильно проиграли (США потеряли одного из своих самых больших союзников на Ближнем Востоке в лице Хосни Мубарака). Такая же ситуация в Тунисе, где на парламентских выборах уже победила умеренная исламистская партия «Ан-Нахда». Такое же развитие событий ждет и ситуация в Йемене, где шансы остаться у власти Али Абдуллы Салиха просто ничтожны. Еще неизвестно, как будут развиваться события в Бахрейне, Иордании и других прозападно настроенных странах. Об этом также говорит то, что США уже считаются с «Братьями-мусульманами» и ищут контакта, хотя до этого эта организация считалась террористической. Уже потом США использовали эту волну для своих целей в Ливии и устранения ненавистного правителя, который открыто противостоял около полувека; по схожему сценарию развиваются и события в Сирии, американское руководство уже не раз заявляло о возможности проведения военной операции против президента Башара Асада.

На мой взгляд, в этой ситуации сейчас важно другое. Важно оценить возможности стран и предложить варианты развития событий. Именно интересы Ирана затрагивают события во всех арабских странах, возможно, кроме Ливии, куда Иран не пустили Запад и Турция, но степень заинтересованности Ирана и выгоды очень разнятся по странам.

Об «иранской» угрозе на современном этапе заговорили еще в начале века, когда король Иордании Абдалла II озвучил тезис «об опасности для арабских государств образования «шиитского полумесяца» от Ирана через Ирак к Ливану».

Наиболее перспективной для Ирана выглядит ситуация в Египте. Здесь к власти, если не на этих выборах, то с большой до-

лей вероятности на следующих, придут «Братья-мусульмане», и здесь перед Ираном откроются большие возможности для заключения с этой страной военно-стратегического союза, что невозможно было при Мубараке, который, во-первых, был одним из главных союзников США в регионе, и, во-вторых, Египет при Мубараке активно пытался вместе с Иорданией и странами ССАГПЗ создать военный щит против Ирана, особенно в условиях ослабления Ирака.

Египет Хосни Мубарака почти целых три десятилетия был антиподом исламского Ирана: в Каире правил по сути антиисламский светский режим, который почти дружил с Израилем, не верил в возможность уммы и иные популярные почти 1300 лет в исламском мире политические проекты, за исключением политических свобод поддерживал всякие другие свободы и вместо хомейнистского принципа «ни Запад, ни Восток», определяющего антагонизм Ирана со всеми центрами силы, дружил и с Западом, и с Востоком. Американский союзник Мубарак поддерживал отличные отношения с Россией, с Европой, с арабскими странами, с Израилем, да и в общем-то со всеми, кроме Ирана, режим которого он оценивал почти в тех же выражениях, что и американские президенты.

В пользу этого также говорят сведения, которые просочились в прессу после скандальных публикаций WikiLeaks, где тогдашний генерал и нынешний глава переходного правительства Омар Сулейман говорит о «конкретной» иранской угрозе и помогащи Тегерана организации «Братья-мусульмане».

Генерал Сулейман заявил: «Египет страдает от конкретного иранского вмешательства посредством их сателлитов ХАМАС и “Хезболлы”, от поддержки Ираном “Братьев-мусульман”. Мы можем только надеяться на то, что Иран прекратит поддержку “Братьев-мусульман”».

Также иранское руководство в лице аятоллы Хаменеи официально поддержало события египетской революции и заявило, что они являются прямым продолжением иранской революции 1978–1979 гг.; даже несмотря на довольно-таки жёсткий и грубый ответ на это со стороны «Братьев», иранское руководство не отходит от своего курса на открытую поддержку революционных событий в Тунисе, Египте и других странах.

Тем более Иран уже имеет большой опыт открытого проведения такой политики в Судане и организацией ХАМАС. В Судане «Братья-мусульмане» во главе с Хасаном ат-Тураби поддержали и

поддерживают идеи и принципы учения Хомейни. Ат-Тураби считает, что исламская революция в Иране является неким примером прихода к власти исламистов. И Иран, как известно, оказывал Судану огромную материальную помощь и продолжает это делать.

По тому же принципу строятся и отношения Ирана с организацией ХАМАС, которую Иран также активно поддерживает. Наглядным примером служит то, что Ахмадинеджад во время своего визита в Сирию отдельно встретился с одним из руководителей ХАМАС, Халидом Машалем.

По данным социологического опроса, проведенного Pew Research Center в декабре 2010 г., 30% египтян относятся с симпатией к движению «Хезболла» и 49% – к ХАМАС.

Очевидно, что Иран по тому же принципу будет строить свои отношения и с египетскими «Братьями-мусульманами». Если задаться вопросом, почему именно с «Братьями-мусульманами», а не с другими, более радикальными направлениями в исламе, как, например, салафитами, то причина здесь кроется в идеологии этих направлений. У салафитов на первом месте стоит вероубеждение (акыда), по которому шииты в лучшем случае считаются «заблудшими мусульманами». По большому счету никакое активное сотрудничество с салафитами не может получиться, что наглядно можно проследить в критике иранскими духовными авторитетами Саудовской Аравии не только за проамериканскую политику, сколько за официальную салафитскую идеологию в стране. И даже если руководство КСА пойдет на активное сотрудничество с Ираном, то народ совершенно точно не поддержит такую политику, так как салафитская идеология строится на трех основных столпах: строгое единобожие; отвержение любых новшеств; критика всеобщего таклида (бездумное следование какой-либо одной школе исламской правовой мысли или учению).

Из этого видно, что шииты в глазах саудитов-салафитов являются и отошедшими от единобожия, и нововведенцами (араб. мубтади), и придерживающимися таклида.

В качестве другого примера можно привести политику Ирана в Афганистане в 90-е годы, которая носила сильно выраженный антиталибский характер. Талибы, которые находились под сильным идеологическим влиянием КСА, не признавали шиитов настоящими мусульманами, а политику Ирана не считали исламской, что чуть не привело к войне в этом регионе между талибами

и Ираном. Поэтому автор данной работы считает совсем неправильными публикации некоторых западных аналитиков, которые постоянно обвиняют Иран в том, что он помогает «Аль-Каиде» и талибам, так как те же «Аль-Каида» в Ираке и «Талибан» в Афганистане и Пакистане постоянно предпринимают враждебные действия против шиитов.

Совсем по-другому обстоит дело с «Братьями-мусульманами», у которых во главе угла стоит не вероубеждение (исламское «акыда»), а политические интересы. Эти принципы сформулированы еще такими основоположниками партии, как Хасан аль-Банна, Сайд Рамадан и др., которые во главу угла поставили принцип: «Забудем, что у нас вызывает разногласия, и объединимся на том, что нас объединяет». Это наглядно подтвердил и сам Сайд Рамадан, который открыто поддержал исламскую революцию в Иране. К тому же официальная риторика и Ирана, и «Братьев-мусульман» носит явный антиизраильский, антizападный характер, что очень сильно сближает их.

Так что уход Мубарака открывает для Ирана широкие региональные возможности, не воспользоваться которыми было бы преступлением для любого состоявшегося и амбициозного государства, каким и является Исламская республика.

По этой схеме Иран сможет строить отношения и с другими исламскими странами в случае прихода к власти партий близких к «Братьям-мусульманам». Что уже произошло в Тунисе, где на парламентских выборах победила партия «Ан-Нахда».

Еще более перспективной для Ирана выглядит ситуация в Йемене, где проживает значительная часть шиитов-зейдитов, с которыми нынешнее правительство Йемена проводило очень жесткий курс.

Если ставить вопрос: почему любую общину шиитов вне Ирана можно считать потенциальным союзником Ирана, то здесь, с одной стороны, нужно понимать, какую роль играет религия в жизни населения в арабских странах, и с другой – учитывать тот факт, что почти все религиозные авторитеты шиитов всего мира получают высшее религиозное образование в университетах Кума и Мешхеда, и, следовательно, они изначально проирански настроены.

Иранские власти также изначально поддерживали выступления в Ливии против Каддафи, но одновременно были против западного вмешательства в страну. И сейчас после убийства Каддафи и вывода войск НАТО иранское руководство положительно

отзывается о факте свержения Каддафи, видимо, пытаясь найти союзника в лице не «Аль-Каиды», а организаций, подобных «Братьям-мусульманам», в Ливии.

Однако все вышеперечисленные перспективы Ирана – это всего лишь одна сторона медали. С другой стороны, ни Иран, ни США, ни Израиль, ни Россия не заинтересованы в переходе волны этих революций за Синай (исключение для Ирана составляет Иордания).

Это, в первую очередь, события в Сирии. Свержение алавитских кланов в Сирии может обернуться для Ирана полным крахом своей внешней политики в этом регионе. Если нынешняя сирийская власть будет свергнута и Сирия пойдет на сближение с Иорданией и странами ССАГПЗ, то Иран окажется фактически отрезанным от очень важного геостратегического региона. Поэтому Иран сейчас делает все для того, чтобы события в Сирии не пошли по ливийскому сценарию, который, по мнению автора, единственно возможен здесь для свержения Башара Асада. Это отнюдь не означает, что новое руководство Сирии вообще не будет сотрудничать с Ираном, просто Иран потеряет то влияние в регионе, которое он сейчас имеет. Здесь интересы Ирана и России полностью совпадают.

Также сложно предположить, что в Сирии все пойдет по египетскому сценарию, так как у Сирии есть мощные союзники в лице Ирана, «Хезболлы» и России, чего не было у египетского президента, от которого все сразу отвернулись. Здесь, на мой взгляд, для быстрого свержения Башара Асада возможен только ливийский сценарий развития событий, или же очень жестокая и долгая гражданская война внутри страны, в которой этноконфессиональный состав очень разнородный (сунниты, алавиты, друзы, курды, арабы-христиане и др.).

Также эти революции могут отрицательно повлиять на ситуацию внутри самого Ирана, активизировать действия оппозиции во главе с Мир-Хосейном Мусави, который также поддержал египетскую революцию и заявил, что такое произошло только из-за того, что египетское правительство фальсифицировало выборы, недвусмысленно намекая и на выборы в самом Иране.

Несомненно, что все эти события «арабской весны» носят очень неоднородный и противоречивый характер, и Иран здесь может приобрести многое (в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, Бахрейне), но также может многое потерять (в Сирии в случае свержения Б. Асада, например). В такой же ситуации находятся

Соединенные Штаты и их союзники, которые, на мой взгляд, не являлись зачинателями этих процессов, но которые сумели использовать их в своих интересах (убийство Каддафи, санкции против Сирии и намеки на военную операцию в этой стране). Единственный геополитический игрок, который только выигрывает от «арабской весны», – это Турция во главе с Эрдоганом. В пользу этого говорит и то, что почти все эти происламски настроенные силы в этих странах взяли за модель приход в Турции к власти Партии справедливости. И реакция в этих странах на недавний визит Эрдогана наглядно демонстрирует это.

«Взаимодействие мировых цивилизаций: История и современность», М., 2011 г., с. 110–122.

О. Пересыпкин,
доктор исторических наук
(советник ректора Дипломатической
академии МИД РФ)
ЙЕМЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА: НАЗАД В БУДУЩЕЕ

В настоящее время диалог цивилизаций, культур или религий вошел в повседневную жизнь политических элит практически всех государств мира. Ученые и дипломаты, политики и религиозные деятели пытаются найти общий знаменатель нашей непростой жизни, которую все хотят сделать лучше, спокойнее, без террористов и коррупционеров. Говоря о диалоге цивилизаций, мы, в частности, имеем в виду диалог разных религий – христианства и ислама, иудаизма и ислама, христианства и буддизма и др. Однако цивилизации и религии расколоты сегодня на различные течения, школы, секты и сами нуждаются в поиске согласия и взаимопонимания, без которых диалог на более высоком уровне вряд ли будет продуктивным.

Примеров внутрицивилизационных, или межконфессиональных, локальных конфликтов накопилось достаточно много. В Ираке мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты продолжают конфликтовать, причем нередко конфликты принимают формы масштабных столкновений. Сторонники ФАТХ и ХАМАС в секторе Газа учинили кровавые разборки, которые унесли десятки жизней, однако, к счастью, в мае 2011 г. стороны договорились о межпалестинском согласии. Разумеется, в основе внутрицивилизационных конфликтов лежат политические причины, различные

подходы к решению острых внутриполитических проблем и внешнеполитической ориентации. Пожалуй, самым характерным примером такой непростой ситуации, перегруженной межконфессиональными конфликтами и внутриполитическими проблемами, является ситуация в Йеменской Республике, арабском государстве на юго-западе Аравийского полуострова.

Анализ складывающейся сегодня в Йемене ситуации тем более заслуживает внимания, что по сведениям, полученным из зарубежных средств массовой информации, южнойеменский город Занжибар в дельте Абъян захватили члены «Аль-Каиды», а конфедерация юеменских племен хашид, которую вместе с большим племенем бакиль в монархический период называли «крыльями зейдитского имамата», отказалась в поддержке президенту Йемена Али А. Салеху. Об этом заявил шейх Садык аль-Ахмар, нынешний вождь конфедерации племен хашид, хотя сам президент Йемена по своей религиозной принадлежности является мусульманином-зейдитом и происходит из племени сахнан, входящего в конфедерацию.

В настоящее время улицы юеменской столицы и других городов заполнены демонстрантами, требующими отставки президента Али А. Салеха, проведения политических реформ и улучшения тяжелого социально-экономического положения подавляющего большинства населения страны. Однако этому предшествовали другие важные политические события, прежде всего – антиправительственный мятеж на севере Йемена, проходящий под лозунгами возвращения к теократической монархии имамов шиитской секты зейдитов.

К секте зейдитов в настоящее время относят две трети 25-миллионного населения Йемена. Она возникла в IX в. в северной части страны, в районе города Саада. Основатель секты имам аль-Хади и его сторонники поставили своей целью сделать население Йемена, принявшее ислам еще при жизни Пророка Мухаммеда, в 628 г., лояльным исключительно потомкам Пророка. Как известно, двоюродный брат Пророка Али Абу Талеб был женат на дочери пророка Фатыме. От этого брака родились имам Хусейн и его брат Хасан, которые вместе с Али Абу Талебом стали основоположниками шиитского направления ислама. Свое название секта получила от имени Зейда ибн Али, внука Хусейна, брата пятого шиитского имама Мухаммеда аль-Бакира (ум. 732).

Политическая цель секты зейдитов, согласно доктринальным основателей, – создание теократического государства во главе с

имамом. В Северной Африке (Тунис) в 791–926 гг. существовал зейдитский султанат, на севере Ирана в 863–928 гг. были созданы небольшие зейдитские эмираты. Под давлением сторонников более радикальных шиитских проповедников зейдиты были вынуждены бежать из Ирана на север Йемена, где уже проживали их единоверцы. В сегодняшнем Йемене есть семья Дейлеми, переселившаяся в раннее Средневековье из иранской провинции Дейлем. Фамилия семьи – это «нисба», т.е. географическая привязка имени к конкретному месту.

К концу X в. зейдитские проповедники распространили свое влияние на большую часть Йемена. В 1904 г. имамом зейдитов был избран Яхья бен Хамид эд-Дин, который возглавил освободительную войну против Османской империи, в состав которой входил Северный Йемен. В 1918 г., после раз渲ала Османской империи, имам Яхья стал королем независимого Йеменского мутаваккилийского королевства, где слово «мутавакиль» переводится как «уповающий на Аллаха».

Монархический режим был свергнут в результате сентябрьской революции 1962 г., в Йемене началась гражданская война, причем район Саады превратился в центр монархических сил, которые возглавил Мухаммед аль-Бадр, просидевший на троне эд-Динов всего несколько дней. Одним из главных пропагандистских тезисов монархистов в то время было утверждение о незрелости йеменского общества и трудности его перехода по этой причине к республиканской форме правления. Именно этот тезис сегодня широко используется в пропаганде мятежников на севере Йемена, которые утверждают, что возвращение правления зейдитских имамов даст возможность решить социально-экономические и политические проблемы.

Семья аль-Хуси, члены которой возглавили в 2004 г. мятеж против режима Али А. Салеха, относится к числу весьма уважаемых семей «сейидов», т.е. лиц, ведущих свое происхождение от потомков Пророка. Бадр эд-Дин аль-Хуси, отец главарей мятежа Хусейна аль-Хуси и Абдель Малика аль-Хуси, до своей смерти считался одним из крупнейших в Йемене зейдитских авторитетов в области мусульманского права.

Члены семьи аль-Хуси были в числе основателей организации «Правоверная молодежь» (Аш-шабаб аль-му’минин), которая в период своего формирования призывала к терпимости, отказу от экстремизма, выступала за модернизацию вероучений зейдитов. Режим Али А. Салеха оказывал материальную и моральную под-

держку этой организации, рассматривая ее как противовес партии «Йеменское объединение за реформы» («Ислах»), вокруг которой группировались представители племенной верхушки и сторонники организации «Братья-мусульмане». Именно поэтому члены семьи аль-Хуси могли в течение нескольких лет работать легально, создавать свои религиозные центры, вербовать сторонников среди безработной молодежи, собирать пожертвования и открыто излагать ставшую впоследствии радикальной интерпретацию зейдитского вероучения.

Политическая нестабильность, тяжелое экономическое положение, массовая безработица, особенно среди не очень грамотной, но весьма религиозной молодежи (прежде всего в глубинных горных районах, где ситуацию контролируют шейхи племен), побудили хуситов взяться за оружие. Они изгнали представителей власти из ряда северных территорий, отказывались платить налоги, нередко грозили взять заложников из числа иностранцев, выбивая от центрального правительства дополнительные денежные вливания.

В январе 2007 г. хуситы выгнали из домов 50 ремесленников-иудеев, издавна проживающих в провинции Саада. Это переполнило чашу терпения политического руководства Йемена, и 10 февраля 2007 г. парламент дал официальное разрешение на массированное применение силы против мятежников. Наиболее активные военные действия имели место в октябре-ноябре 2009 г. Под давлением правительственные войска хуситы перешли границу Саудовской Аравии, захватили военную базу аль-Джабир и большие трофеи. Саудовские войска начали военные действия против хуситов, что придало этому внутриполитическому конфликту в Йемене региональный характер.

Али А. Салех и его окружение были против интернационализации внутриполитического конфликта, к чему стремились хуситы, рассчитывавшие на поддержку Ирана, Ирака и Ливии. Правители Государства Катар в июне 2007 г., не дав никаких разъяснений, вмешались в переговоры хуситов и официальных властей, добивавшихся прекращения военных действий. В Санаа были вынуждены приветствовать «братскую инициативу» богатого Катара, подчеркнув при этом, что проблема хуситов не имеет международного характера. Посредничество Катара объясняется, по мнению экспертов, политическими амбициями его правителей и, возможно, просьбами Ирана защитить шиитов Йемена от режи-

ма Али А. Салеха, находящегося, как полагают в Тегеране, в орбите влияния Саудовской Аравии.

Анализ имеющейся информации свидетельствует о том, что Иран под предлогом защиты зейдитов пытается создать в северных районах Йемена подконтрольную ему структуру типа ливанской «Хезболлы», инкорпорированной в существующую политическую систему Ливана. Официальные СМИ в Тегеране используют пропагандистскую риторику хуситов и требуют прекратить преследование мятежников, называя события в северных районах Йемена «войной против шиитов». В районах, контролируемых хуситами, развеваются желтые флаги ливанской «Хезболлы», развешаны портреты ее лидера, шейха Насраллы. В качестве попытки создания шиитского анклава следует рассматривать и текст открытого письма зейдитских богословов президенту Али А. Салеху с предложением сделать город и окрестности Саады «закрытой зоной», запретить в ней деятельность саудовских ваххабитских центров и отозвать правительственные чиновников, не исповедующих зейдитского вероучения. Дело в том, что в мае 1990 г. Северный Йемен (Йеменская Арабская Республика) и Южный Йемен (Народно-Демократическая Республика Йемен) объединились в одно государство – Йеменскую Республику. Члены большинства йеменских племен придерживаются зейдитского толка ислама, а остальные принадлежат к ортодоксальному суннитскому его направлению. В процессе формирования органов власти зейдиты оказались на юге страны, а сунниты – на севере, в зейдитских районах.

Правительство Йемена, не желая интернационализации конфликта на севере страны, по дипломатическим каналам пытаясь разъяснить Тегерану ситуацию, однако успеха не достигло. Более того, одна из улиц Тегерана была названа именем убитого Хусейна аль-Хуси, с тем чтобы «увековечить его имя». Более успешной оказалась работа йеменского руководства с Ливией: Али А. Салех лично встретился с М. Каддафи и убедил его не вмешиваться во внутренние дела Йемена.

Арабские страны Персидского залива объективно заинтересованы в прекращении вооруженного конфликта на севере Йемена, поскольку около 15% населения стран этого региона являются шиитами. Шииты проживают в нефтедобывающих восточных районах Саудовской Аравии, имеют влиятельные общины в Государстве Катар и султанате Оман, а на Бахрейне составляют 70% населения этого небольшого королевства. Массовые протест-

ные выступления в начале 2011 г. на Бахрейне формировались именно в шиитской среде, причем они приняли такой масштаб, что побудили Саудовскую Аравию и ОАЭ выступить в защиту королевской семьи Бахрейна. Кстати, члены правящей семьи аль-Халифа, как и семей аль-Сауд и аль-Сабах в Кувейте, являются выходцами из бедуинского племени анейза, которое и сегодня ко-чуает в северной части Аравийского полуострова и в Сирийской пустыне. Поэтому саудовцы фактически помогали своим проживающим на о. Бахрейн родственникам по крови и по религиозным убеждениям.

В январе 2010 г. была достигнута договоренность о прекращении огня на севере Йемена. Хуситы обязались сдать тяжелое вооружение, передать карты минных полей, прекратить вооруженное сопротивление и отказаться от агитации за воссоздание зейдитского имамата. Со своей стороны, режим Али А. Салеха должен выпустить из тюрем арестованных хуситов, отказаться от их преследования, создать смешанную комиссию по выработке планов экономического развития северных районов. Правительство Йемена начало выполнять свои обещания, однако хуситы до последнего времени не сдали тяжелого оружия и не передали карты минных полей, которых, скорее всего, у них просто нет. Начавшиеся в начале 2011 г. по примеру Туниса и Египта выступления в йеменских городах отодвинули на задний план проблему хуситов и их попыток создать в районе Саады зейдитский имамат.

Население Йемена отличается большой религиозностью и приверженностью исламским традициям. Независимо от политических воззрений, жители Йемена гордятся тем, что ислам был принят в стране еще при жизни Пророка Мухаммеда, а большинство его ближайших сподвижников, так называемые ансары – называют число 12 тыс. бойцов, – были выходцами из йеменских племен. Более того, один из углов священной Каабы в Мекке называется Рукн аль-Йемен, т.е. «Угол Йемена». В 1933–1934 гг. между Йеменским мутаваккилийским королевством и Саудовской Аравией разразилась война, которая закончилась победой Саудитов и солидными для них территориальными приобретениями. Когда саудовский представитель спросил, где йеменцы хотели бы провести саудовско-йеменскую границу, Абдалла аль-Вазир, глава йеменской делегации, назвал Рукн аль-Йемен на священной Каабе.

Мусульманское право положено в основу судебной системы и общественной жизни Йемена, повсеместно работают школы по изучению Корана, проводятся конкурсы чтецов Корана, идет ак-

тивное приобщение молодежи к мусульманским обрядам. Все это способствует консервации исламских традиций и сохранению высокого авторитета мусульманских богословов и шариатских судей.

Подобная обстановка создает благоприятные условия для деятельности экстремистских мусульманских организаций, в которые охотно вступают молодые люди, живущие в глубинных районах страны, в большинстве безработные. Достаточно сказать, что организация «Братья-мусульмане» работает в Йемене с 1940-х годов прошлого века, а член ее руководства, алжирец Фудейль Варталани, стал государственным министром в правительстве заговорщиков, убивших в 1948 г. имама Яхью. Существованию ячеек организации «Аль-Каида» на территории Йемена способствуют, по мнению экспертов, пережитки племенного строя в стране и то обстоятельство, что ее основатель Усама бен Ладен был родом из Хадрамаута, восточной провинции Йемена. Однако некоторые эксперты арабских стран считают, что «Аль-Каида» и ее мифический основатель Усама бен Ладен, убитый при загадочных обстоятельствах, являются «проектом США» с целью создания сильного врага, для борьбы с которым необходимы огромные средства для силовых структур и ВПК США и стран НАТО.

В настоящее время «Аль-Каида» имеет лагеря в Йемене в районах Абъян, Шабва и Архаб. Правительственные войска не решаются на наземную операцию против «Аль-Каиды», ограничиваясь периодической бомбардировкой наземных объектов.

Режим Али А. Салеха ведет двойственную политику в отношении «Аль-Каиды». В стране проходят аресты и даже казни членов «Аль-Каиды». Однако наряду с этими жесткими мерами Али А. Салех и лица из его ближайшего окружения публично заявляют о готовности вести переговоры с террористами и содействовать их переходу к нормальной жизни. «Диалог – это лучший путь... и даже с “Аль-Каидой”, если ее члены сложат оружие», – заявил Али А. Салех в январе 2010 г. Столь «тревожно мягкий подход» к террористам вызывает озабоченность США, которые считают своим долгом помочь всему миру в борьбе против международного терроризма, в частности «Аль-Каиды». США и Великобритания рассматривали вопрос о формировании спецподразделения для отправки в Йемен, планировали привлечь султанат Омана и его спецназ или направить международный контингент для борьбы с «Аль-Каидой» на территории Йемена. Однако все эти проекты не были реализованы в результате активного противодействия правительства Йемена.

Мягкая позиция режима Али А. Салеха в отношении «Аль-Каиды» объясняется тем, что большая часть населения Йемена в известной степени симпатизирует членам «Аль-Каиды», активно борющимся против «новых крестоносцев» – формулировка бен Ладена 2004 г. – в лице США и их союзников, оккупирующих Ирак и Афганистан, выступающих против Исламской Республики Иран и поддерживающих Израиль в его борьбе против палестинцев.

Али А. Салех в узком кругу своих сторонников говорил, что безработная 15–17-летняя молодежь, которая получила начальное и даже среднее образование, с интересом смотрит телевизионные передачи о странах Европы, США и соседних нефтедобывающих арабских государствах. Молодые люди в Йемене, живущие в бедности, в тяжелых бытовых условиях где-то в горах под гнетом шейхов племен, понимают, что они никогда не будут жить так хорошо и сытно, как телевизионные герои. В этот момент к этим молодым людям подходит проповедник – от «Аль-Каиды», «Братьев-мусульман» или хуситов – и предлагает им начать бороться за «свое светлое будущее». При этом вручают каждому автомат Каляшникова и 10 долл. США. Эти парни вливаются в отряд, сформированный из таких же юнцов, насмотревшихся цветных картинок по телевидению и наслушавшихся рассказов своих родственников, которым повезло уехать за границу и найти работу. Этих мальчишек ловят, отнимают оружие и отправляют домой, поскольку сажать их в тюрьму, кормить и охранять было бы накладно для небогатого государства. Проходит какое-то время, этих мальчишек ловят в другом месте, и история повторяется. Мне лично известен факт, когда охрана одной тюрьмы в Йемене выпустила арестованных членов «Аль-Каиды» и вместе с ними ушла в горы. В этих условиях любой перегиб в борьбе с «Аль-Каидой», как справедливо полагают официальные власти Йемена, неминуемо приводит к росту внутриполитической напряженности.

Одной из проблем, которая волнует политическое руководство Йемена, считается антиправительственная деятельность южнойеменских сепаратистов. Эта проблема несколько выбывает из концепции диалога цивилизаций и религий, но деятельность сепаратистов проходит в районах, где работает «Аль-Каида» и сильны пережитки племенных традиций.

Идея йеменского единства была в программах политического руководства двух йеменских государств – Йеменской Арабской Республики, созданной в 1962 г. на обломках теократической монархии зейдитов, и Народной Демократической Республики

Йемен, образованной в 1967 г. на базе английских протекторатов Южной Аравии. Отношения между двумя государствами складывались не всегда дружественно, однако идея йеменского единства пробивала себе дорогу. Всего было подписано 43 документа по проблемам единства между двумя йеменскими государствами.

Особенно активно процесс пошел после распада Советского Союза, который содействовал южнойеменским марксистам, и последовавшего после этого ухудшения социально-экономической ситуации Южного Йемена, оказавшегося фактически в международной изоляции по причине поддержки левацких элементов в соседних арабских странах (компартия Саудовской Аравии, Фронт освобождения Дофара, Фронт освобождения Бахрейна и стран Залива, палестинские организации экстремистского толка и др.). В условиях социалистической ориентации Южного Йемена привлечь иностранные инвестиции и организовать добычу нефти в районах Шабва и в Хадрамауте, о наличии запасов которой знали давно, было практически невозможно. Поэтому объединение двух йеменских государств, с одной стороны, отвечало национальным чаяниям йеменского народа и, с другой, создало условия для привлечения иностранных инвестиций и развития национальной экономики. Именно это ставится в заслугу Али А. Салеху, который терпеливо, с большим тактом добивался йеменского единства.

22 мая 1990 г. Северный и Южный Йемен объединились в единую Йеменскую республику. Северянин Али А. Салех был избран президентом нового государства, Али Салем аль-Бейд, бывший Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, стал вице-президентом, а южанин Абу Бакр Аттас – премьер-министром. В августе 1993 г. после зарубежной поездки аль-Бейд вернулся в Аден и потребовал отчета о расходовании средств, получаемых от экспорта нефти. Он обвинил Али А. Салеха также в том, что после объединения по его указанию было убито 150 членов ЦК ЙСП.

Первое вооруженное столкновение произошло в конце апреля 1994 г. и переросло в гражданскую войну, завершившуюся в июле 1994 г. победой Али А. Салеха. Аль-Бейд, успевший провозгласить Республику Южного Йемена, бежал в соседний султанат Оман, где получил убежище при условии отказа от политической деятельности против режима Али А. Салеха.

Главные требования южнойеменских сепаратистов сегодня – устранение дисбаланса в кадровых назначениях на руководящие посты и увеличение финансирования проектов экономического

развития южных провинций. Они не исключают в будущем создания в этих провинциях независимого государства. Основными организаторами публичной критики остаются аль-Бейд, высланный из султаната Оман и находящийся сегодня в Западной Европе, а также южнойеменский деятель Али Насер Мухаммед, проживающий в Дамаске. Наиболее серьезные выступления сепаратистов произошли в провинции Абъян, где активно работает «Аль-Каида», в районах Дале и Лахедж. Несмотря на жесткую риторику и критику сепаратистов – Али А. Салех называет их предателями, убийцами, шпионами и иностранными агентами, – официальные власти не видят в их движении серьезной угрозы. Однако столь жесткие оценки подтолкнули некоторых местных полицейских чинов на применение карательных мер в отношении задержанных в ходе демонстраций и вооруженных столкновений в Адене, Абъяне, Дале и Радфане.

Ядро движения южнойеменских сепаратистов составляют бывшие члены ЙСП с завышенными личными амбициями и лица, не получившие заметных должностей в государственных структурах единого Йемена. Однако идея отделения южных провинций и создания самостоятельного государства не находит массовой поддержки на юге страны, где хорошо понимают, что даже при получении значительных доходов от экспорта нефти существование экономически жизнеспособного государства на юге Йемена в настоящее время весьма проблематично.

После объединения в Йемене отмечают новый национальный праздник – 22 мая. Поэтому День антимонархической революции 26 сентября в объединенном Йемене не празднуется так широко, как раньше. В то же время никто не отрицает, что революция 26 сентября 1962 г. и последующее затем выступление 14 октября 1963 г. южнойеменских патриотов против английских колонизаторов и их местных пособников были отправными точками достигнутого впоследствии единства.

26 сентября 1991 г. я оказался в Сане и был на приуроченном ко Дню сентябрьской революции торжественном выпуске кадетов военных колледжей. Передо мной четким строем под бравурные марши проходили роты выпускников. А я вспоминал северо-йеменскую армию в период монархии, этих босоногих, увешанных патронташами и старыми ружьями «аскери», поющих тонкими голосами гимны, славившие «мавляну», т.е. «владыку нашего», имама Ахмеда, короля Йеменского мутаваккилийского королевства.

Наша помощь Йемену Северному и Южному в создании национальной армии очень существенна и высоко оценивается руководством и народом этой страны. Особенно сильные чувства испытал я, когда перед трибуной под звуки знаменитого марша «Прощание славянки» прошла рота выпускников колледжа военно-воздушных сил. Оркестр с большим энтузиазмом и точностью передал все нюансы этого классического русского марша, бывшего когда-то гимном армии Колчака – Верховного правителя Сибири – и поэтому не исполнявшегося долгие годы в советской России публично. Впечатление незабываемое – яркое экваториальное солнце и курсанты с автоматами Калашникова наперевес, чеканящие шаг под звуки гимна сибирской Белой армии.

Демонстрации протеста, бушующие сегодня в Йемене, направлены против лично Али А. Салеха и его команды. Разумеется, в стране накопилось много проблем, но уход Али А. Салеха, авторитетного национального лидера, вряд ли решит существующие проблемы, которые требуют кропотливой работы и учета всех внутриполитических нюансов.

Поскольку для реализации проектов социально-экономического развития Йемена потребуется по всем меркам значительное время, нельзя исключать возможность рецидива мятежных выступлений в Йемене под религиозными или иными лозунгами в будущем.

По-видимому, Али А. Салеху, правящему Всеобщему народному конгрессу и нынешнему руководству Йемена нужно дать возможность поработать над своими ошибками, по крайней мере, до окончания президентских полномочий в 2013 г. Насколько это возможно сегодня, никто не возьмет на себя смелость утверждать определенно. Покушение на Али А. Салеха два месяца назад во время пятничной молитвы, серьезные ранения и отъезд йеменского президента на лечение в Саудовскую Аравию создают новую ситуацию, развитие которой трудно предугадать.

Предлагаемая статья не случайно имеет подзаголовок «назад в будущее». Ликвидация режима Али А. Салеха, осуществившего вековую мечту йеменского народа о единстве Северного и Южного Йемена, создавшего государство со всеми признаками демократического устройства, такими как двухпалатный парламент, свободные выборы, свобода слова, наличие многочисленных партий, в том числе оппозиционных, и обеспечившего рывок в социально-экономическом развитии страны, здравоохранении и образовании, чревато, по моему мнению, возвращением в прошлое и превраще-

нием Йеменской Республики (кстати, первой и единственной на Аравийском полуострове) в «музей Средневековья под открытым небом», каким она была ранее. При худшем развитии событий на севере Йемена, скорее всего, будет создан зейдитский имамат во главе с правителем из семейства аль-Хуси, центральная часть страны останется зоной влияния крупных йеменских племен и «Аль-Каиды» с их союзниками и вооруженными разборками. Древний Хадрамаут, где до 1967 г. существовало два султаната, а тысячи жителей, как и известные семьи Бен Ладен, Бен Махфуз и другие, перебрались в Саудовскую Аравию, возможно, попросится в Саудовское королевство, южноиemenские сепаратисты поспешат создать независимое государство, которое вряд ли будет жизнеспособным.

Возможная «сомализация» Йемена, занимающего важное стратегическое положение, создаст новый очаг напряженности на Ближнем Востоке и реанимирует застарелые пограничные конфликты с соседними арабскими государствами, удачно разрешенные Али А. Салехом и его командой. Такое развитие ситуации в Йеменской Республике вряд ли отвечает интересам йеменского народа, арабских государств, да и международного сообщества в целом. Именно поэтому следует помочь йеменскому народу нормализовать внутриполитическую ситуацию с учетом положений Конституции и существующих законов. Это предложение адресовано не только членам Совета сотрудничества арабских стран Залива, США и западным государствам, но и Российской Федерации, поскольку наша страна имеет с Йеменом четыре договора о дружбе, причем два из них в Москве подписал Али А. Салех.

«Партнерство цивилизаций – нет разумной альтернативы», М., 2011 г., с. 164–177.

В. Евсеев,
кандидат технических наук (ИМЭМО РАН)
**О ДВОЙСТВЕННОСТИ РОЛИ АРМИИ
НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Зона нестабильности на Большом Ближнем Востоке, куда принято включать не только Ближний и Средний Восток, но и страны Магриба, продолжает расширяться. Если раньше говорили об израильско-палестинском конфликте, Ираке и Афганистане, то теперь, после трагических событий в Тунисе, всколыхнулся весь

арабский мир. Отставка президента Бен Али стала первой ласточкой для дальнейших потрясений, которые затронули в той или иной степени практически все страны. Возникла реальная угроза так называемого «эффекта домино», т.е. цепной реакции государственных переворотов. С этой угрозой в каждом государстве боролись самостоятельно, исходя из наличия внутренних ресурсов, исторического опыта и профессионализма высшего руководства. Как следствие, результаты также были различными. В основном правящим режимам удалось устоять, хотя и пришлось пойти на определенные уступки оппозиции. Однако этого оказалось недостаточно в Египте, где под давлением как армии, так и международного сообщества президент Хосни Мубарак был вынужден сложить свои полномочия. Ливия все более погружается в пучину гражданской войны. Смерть Muammar Kaddafi отнюдь не означает ее завершения.

Причины происходящего общеизвестны: высокий уровень безработицы, особенно среди специалистов с высшим образованием, повсеместная коррупция, семейственность правящей элиты и крайне низкая степень участия людей в политической жизни страны. Все это существовало уже давно, и не хватало только повода для массовых акций протеста. Таким поводом стал акт демонстративного самосожжения 26-летнего тунисца Мохаммеда Буазизи. В дальнейшем события носили в основном стихийный характер, а внешние силы и исламисты на них практически не влияли. При этом армия не стала вмешиваться в противостояние президента с собственным народом. Но именно она удержала страну от полного хаоса, взяв под контроль стратегически важные объекты.

Существовавшая в Египте исламистская организация «Братья-мусульмане», которая с 1982 г. косвенно принимала участие в парламентских выборах, поддержала акции протеста, но даже не попыталась их возглавить. Скорее всего, она учла свой негативный опыт 1990-х годов и решила не торопиться, опасаясь прямого столкновения с армией. Последняя проводила политику активного нейтралитета, что спасло страну от массовых жертв и беззакония. Видя, что режим Хосни Мубарака спасти невозможно, армия настояла на передаче всей полноты власти Высшему военному совету. Но это не означало военного переворота, так как президент ушел в отставку добровольно, оставшись на территории страны. Высший военный совет обеспечил его охрану, обязался через шесть месяцев передать мирным путем власть демократически выбранному лидеру и прекратить, после завершения волнений,

действие закона о чрезвычайном положении. В качестве уступок оппозиции можно также рассматривать роспуск избранного с серьезными нарушениями парламента и приостановку действия вызывающей многочисленные нарекания Конституции страны.

Самый худший сценарий реализовался в Ливии, где исторически многочисленные местные племена имели значительную самостоятельность, а стабильность государства обеспечивалась за счет лояльности их лидеров. Именно в городе Бенгази, основном центре Киренаики (одна из трех провинций, существовавших в Объединенном королевстве Ливия в период 1951–1969 гг.), начались массовые акции протesta. Пытаясь предотвратить эскалацию конфликта, правящая власть выпустила из столичной тюрьмы «Абу Салим» 110 членов Исламской группы ливийской борьбы. Но было уже поздно: 18 февраля противники Muammar Qaddafi захватили крупный город Мисрата на востоке страны. Власть направила против восставших армию, которая оказалась недостаточно надежной. Применение против народа наемников только обострило складывающуюся ситуацию. Из Ливии в спешном порядке стали эвакуировать иностранных граждан. Все это привело к введению 26 февраля против Muammar Qaddafi, членов его семьи и ближайшего окружения санкций со стороны Совета Безопасности ООН. Одновременно была запрещена продажа Ливии любых видов оружия, а Международному уголовному суду поручено расследовать обстоятельства гибели ее мирных граждан.

Описанные выше события заставляют по-новому взглянуть на роль армии в разрешении серьезных социально-экономических проблем Большого Ближнего Востока.

Египет

С момента своего создания в 1936 г. армия в Египте всегда занимала особое положение в обществе, которое понимало необходимость постоянного сдерживания основного внешнего противника – Израиля. Ее позиции еще более укрепились в июле 1952 г., когда под руководством организации «Свободные офицеры» был отстранен от власти король Фарух.

До середины 1960-х годов роль Вооруженных сил (ВС) в политической жизни Египта неуклонно возрастала. Военные в значительной степени сформировали новую элиту, заняв ключевые посты исполнительной власти. Так, в 1967 г. все посты губернаторов провинций занимали представители армии или полиции, а до

90% послов являлись выходцами из офицерского корпуса, который получил широкие привилегии. Однако сохранялся кастовый состав армии, а взаимоотношения солдат и офицеров оставались такими же, как и при короле.

Позднее ВС уже не играли в Египте определяющей роли, но они продолжали оказывать существенное влияние на процесс принятия важнейших решений.

Было бы неверно думать, что армия всегда поддерживала действующую власть. Наоборот, военнослужащие неоднократно пытались изменить курс страны. Так, в августе 1967 г. Абдель Амер, уже снятый с постов вице-президента и командующего ВС, попытался организовать заговор с целью свержения Насера. В мае 1971 г. был отдан под суд генерал Мохаммад Фавзи, ранее министр обороны, за несогласие с курсом президента Анвара Садата. Осенью 1973 г. был отстранен от власти начальник Генерального штаба ВС Арабской Республики Египет (АРЕ), генерал Саад эль Шазли, пытавшийся возражать президенту страны. В 1978 г. он создал оппозиционный Египетский патриотический фронт, который не получил в стране значительной поддержки. В октябре 1981 г. во время военного парада был убит президент Анвар Садат. В 1989 г. был вынужден уйти в отставку министр обороны маршал Абу Газаль, пытавшийся сделать из армии «государство в государстве». В мае 1991 г. был снят излишне самостоятельный министр обороны генерал Абу Талеб. И это при том, что все президенты: Мохаммад Нагиб, Гамаль Насер, Анвар Садат и Хосни Мубарак, – были выходцами из военной среды.

Однако не следует отождествлять с армией ее высший командный состав. В целом ВС сохраняли лояльность политическому руководству. Это ярко проявилось после убийства президента Садата, когда твердая позиция армии пресекла все попытки исламистов захватить в стране власть, а также в феврале 1986 г. при ликвидации антиправительственного выступления солдат внутренних войск.

В 1990-е годы армия сыграла важную роль в борьбе с исламистами, которые развернули в АРЕ масштабную террористическую деятельность. Для этого были задействованы военные трибуналы, в составе ВС создано специальное антитеррористическое подразделение, оказана существенная помощь органам правопорядка, а также усиlena деятельность военной контрразведки. Одним из результатов этого стало прекращение вооруженной деятельности исламистской организации «Аль-Джамаа аль-Ислам

мийя», представители которой в ноябре 1997 г. убили 62 иностранных туриста, прибывших на экскурсию в Луксор.

Необходимо отметить, что в 1990–2000 гг. руководство АРЕ целенаправленно усиливало контроль над армией, проводило политику ее деполитизации, пыталось размыть «надклассовый» характер военной касты и ослабить ее самостоятельность. Это было оправданно в условиях достаточно стабильного государства, но не сейчас, когда военные были вынуждены взять власть в свои руки. Как следствие, в военной среде не оказалось лидера, способного осуществить реформы и не допустить к власти исламистов. Хотя некоторые считают, что с подобной ролью мог бы справиться генерал-лейтенант Сами Энан, начальник Генерального штаба ВС и одновременно командующий сухопутными войсками. Пока он не проявил своих президентских амбиций.

Тем не менее армия в египетском обществе продолжает пользоваться уважением и осуществляет важные социальные функции.

Во-первых, многочисленные национальные ВС (600 тыс. человек во всех силовых структурах) обеспечивают занятость избыточной рабочей силы, сдерживая рост безработицы.

Во-вторых, военная служба является престижной в первую очередь для малообразованных и бедных слоев населения из сельской местности, ввиду возможности карьерного роста и высокой социальной защищенности.

В-третьих, военнослужащие активно способствуют экономическому развитию страны, строя больницы, школы и дороги, возводя мосты и осваивая пустынные земли.

В-четвертых, именно сильные национальные ВС являются веским аргументом АРЕ для лидерства в арабском мире.

В-пятых, только армия может обеспечить Египту стабильность в переходный период. Следовательно, она и в будущем сохранит свое особое положение в обществе.

Последние события в Египте, когда армия в тяжелые дни января-февраля 2011 г. предотвратила сползание страны в хаос гражданской войны, только подтвердили это. Национальные ВС смогли выступить в качестве верховного арбитра, избежав прямого противостояния с оппозицией. В то же время вооруженные силы АРЕ косвенно поддерживали своего представителя – президента Мубарака вплоть до его отставки, что говорит об их двойственной роли: с одной стороны, они являлись арбитром при разрешении конфликта между народом и властью, а с другой – служили

опорой уходящему режиму. И только дальнейшие события покажут, насколько они смогут справиться с этой трудной ролью в дальнейшем.

Ливия

Получив власть в ходе военного переворота, капитан (позднее полковник) Муаммар Каддафи не стал делать основную ставку на армию, начав сложный процесс ее реорганизации. Серьезное влияние на это оказал факт того, что в марте 1977 г. Ливия была провозглашена Джамахирией, т.е. государством прямого народовластвия. Как следствие, вместо Министерства обороны и Генерального штаба создали Главное командование, армию разделили на «войска отпора» и «войска охраны». Одновременно ввели всеобщую воинскую повинность и разрешили брать на военную службу женщин.

Летом 1977 г. началась война с Египтом, которая носила скоротечный характер и не оказала серьезного влияния на последовавшие события. Тогда, по-видимому, ВС Ливии, при наличии советских военных советников, еще были способны воевать с внешним врагом. Хуже стало в середине 1980-х, когда стала реализовываться идея о «вооруженном народе», способном, как считалось, заменить армию и полицию. В результате национальные ВС лишили монопольного права на осуществление функции обороны страны. Они стали лишь одним компонентом Сил вооруженного народа, куда также вошли пять элитных бригад «войск охраны Джамахирии», формирования Местной народной обороны и Вооруженного народного дежурства, а также Исламский панафриканский легион первоначальной численностью до 7 тыс. человек, сформированный добровольцами и наемниками из Алжира, Египта, Иордании, Нигерии, Пакистана и Туниса.

Постепенно Муаммар Каддафи полностью отстранил армию от участия в политической жизни страны. Возможной причиной этого стала предпринятая в августе 1975 г. попытка военного переворота, организованная его соратником – министром планирования и научных исследований Омаром Мохейши. В 1985 г. он был выдан властями Марокко и расстрелян. По некоторым данным, неоднократные попытки военных переворотов предпринимались и в первой половине 1980-х годов.

В период 1980–1986 гг. Ливия провела закупки за рубежом крупных партий вооружений и военной техники, несоизмеримые с

реальными потребностями страны и возможностями национальных ВС по их освоению. Непосредственно в войска поступило от 30 до 50% закупленного оружия, остальное было складировано, часто в неподготовленных для этого местах. Но даже эту часть вооружений ливийцы не смогли эффективно использовать ввиду низкого профессионального уровня командных кадров и технических специалистов. Это ярко проявилось во время вооруженных конфликтов с ВС США и в Чаде. Как следствие, существенно ухудшилось моральное состояние ВС и усилилось недовольство авантюристическим курсом Muammar Qaddafi, который в декабре 1990 г. объявил о создании «народной гвардии» как альтернативы армии.

Введенные в апреле 1992 г. против Ливии международные санкции негативно сказались на боеспособности ливийских ВС, так как они привели к отъезду иностранных специалистов, прекращению поставок новых вооружений и запасных частей к уже поставленной технике. Частично эту проблему удалось решить путем нелегальной закупки наиболее дефицитных запасных частей и ремонтного оборудования, а также привлечения от 300 до 500 иностранных военных специалистов по индивидуальным контрактам. Тем не менее боеспособность армии еще более снизилась при одновременном усилении влияния на военнослужащих со стороны исламистов. Как следствие, в 1993–1995 гг. были совершены попытки военных переворотов. После этого в армии провели массовые чистки, в первую очередь среди офицерского состава.

В 2000-х годах ситуация продолжала ухудшаться. Так и не были возобновлены, во многом под влиянием США, массовые закупки вооружений и военной техники. Интенсивность боевой подготовки оставалась крайне низкой, укомплектованность воинских соединений и частей личным составом составляла 25–30%. У всех категорий военнослужащих отмечалось ослабление мотивации к службе, несмотря на относительно высокую зарплату кадровых военных.

О непонимании роли армии в обществе свидетельствует сделанное в январе 2006 г. лидером революции заявление о том, что в условиях современных войн нет необходимости в тяжелом вооружении, а требуются асимметричные методы в виде заминированных автомобилей и поясов с взрывчаткой. В рамках этого курса Ливия в течение многих лет активно оказывала масштабную военную помощь различным экстремистским и антиправительственным организациям по всему миру.

Учитывая вышеизложенное, становится понятным, что ливийские ВС не могли быть эффективно использованы против собственного народа. Этому также препятствовали следующие причины: призывной принцип комплектования (призывники составляли 56% военнослужащих в сухопутных войсках и 65% в военно-воздушных силах), низкая техническая готовность морально и физически устаревших вооружений и военной техники, малая мобильность войск, невысокий уровень подготовки командных кадров и технических специалистов.

Во время последних событий в своем большинстве войска охраны Джамахирии сохранили верность правящему режиму. Иначе повела себя армия, которая не имела авторитета в обществе. Часть ее разбежалась, другая примкнула к восставшим, а третья, применив оружие против народа, полностью себя дискредитировала. Возможно, что войск охраны хватило бы для подавления массовых акций протesta безоружных людей. Но Муаммар Каддафи сам создал себе проблему, развернув военную подготовку всего населения страны и создав войска Местной народной обороны, которые были не только обучены, но и вооружены. В реальности он сразу получил вооруженную оппозицию, подавить которую при отсутствии армии было достаточно сложно.

Следовательно, озлобленные постоянными чистками и реформами, плохо обученные и морально деморализованные ВС Ливии уже не могли быть опорой правящему режиму. Они не пользовались уважением как со стороны власти, которая панически боялась военного переворота, так и в обществе, которое, по-видимому, воспринимало их как излишнюю обузу. В этих условиях армия не смогла обеспечить в Ливии стабильность. Более того, она раскололась и частично примкнула к враждующим группировкам, что, при развитии событий по негативному сценарию и учитывая нахождение под контролем восставших значительных запасов нефти, ведет к продолжительной гражданской войне.

Алжир

Национальная народная армия Алжира была создана на базе Армии национального освобождения, что ей позволило сразу занять особое место в обществе и унаследовать влияние на принятие всех важнейших внутри- и внешнеполитических решений.

Как и Муаммар Каддафи, министр обороны Хуари Бумедден получил власть в результате военного переворота, состоявшегося в

июне 1965 г. Он возглавил Революционный совет Алжира и, опираясь на внешнюю помощь со стороны Советского Союза и на военных внутри страны, смог обеспечить стабильное развитие государства вплоть до своей смерти в декабре 1978 г. В этот период политическое руководство стремилось утвердить господствующее положение Алжира в Магрибе (государства Северной Африки западнее Египта), что стало одной из причин конфронтации с Марокко по вопросу независимости Западной Сахары. Это требовало постоянного повышения технической оснащенности и боеспособности ВС Египта, которые строились по советским образцам.

Для Хуари Бумедьена, ставшего в декабре 1976 г. президентом страны, армия представляла главную опору, что ей позволяло быть над правящей партией – Фронтом национального освобождения. Это привело к излишней политизации ВС, особенно офицерских кадров и высшего командного звена.

После смерти президента Бумедьена развернулась острая борьба внутри правящей партии, и в итоге страну и партию возглавил компромиссный кандидат – координатор армии в рамках Революционного совета, полковник Шадли Бенджедид. Став в феврале 1979 г. президентом, он попытался выйти из-под контроля армии, используя в целом стабильную внутриполитическую обстановку и отсутствие серьезных внешних угроз. Президент Бенджедид сократил вмешательство государства в экономику и ослабил государственный надзор за населением, но не смог воспрепятствовать ухудшению экономической ситуации после падения цен на нефть. Как следствие, в октябре 1988 г. прошли массовые акции протеста, подавленные силами полиции и армии. Власть попыталась перейти к многопартийной системе государственного управления. Однако в конце 1991 г. в первом туре выборов победу одержал Исламский фронт спасения. В этих условиях военные отменили второй тур и отстранили от власти президента Бенджедида. В стране началась гражданская война.

В 1990-х годах военные проявили необходимую для борьбы с исламистами твердость, в том числе внутри собственных рядов. Они не только осуществляли классические военные операции против мобильных отрядов радикальной оппозиции, но и проводили эвакуацию местного населения из опасных зон и вели тщательный контроль за перемещением людей. В тяжелейших условиях, при отсутствии военной помощи со стороны России или Запада, армия смогла сохранить целостность страны и не допустить к власти

исламистов. Этим она подтвердила свою лидирующую роль в обществе.

В последнее десятилетие роль ВС в политической жизни Алжира стала ослабевать. Этому способствовали следующие причины: омоложение руководящих военных кадров, назначение в 2004 г. начальником штаба армии генерал-майора Салаха Ганди, преданного нынешнему президенту Абделю Бутефлике, постепенный переход к контрактному принципу комплектования.

Армии Алжира также свойственна некоторая двойственность, хотя и в меньшей степени, чем в Египте. Это проявляется в том, что, находясь в постоянном силовом противостоянии с исламистами, военнослужащие, в свою очередь, подвергаются их влиянию. В этих условиях нельзя быть абсолютно уверенными в надежности алжирских ВС.

Марокко

Королевская армия Марокко возникла в 1956 г., когда страна получила независимость. Именно тогда разрозненные партизанские отряды были сведены в корпуса, командование над которыми приняли король Мухаммед V и генерал М. Уфкир, который стал единственным министром обороны страны. С 1972 г., после неудачной попытки генерала Уфкира осуществить государственный переворот, исполнение этих обязанностей, как и начальника Генерального штаба, было возложено на монарха (непосредственное руководство осуществляют генеральный инспектор), который при реализации внутренней политики стал больше опираться на элитное формирование ВС – жандармерию. В частности, под ее контроль были переданы склады с вооружением. Это привело к существенному снижению боеготовности королевской армии и затруднило управление войсками.

Одновременно с целью ослабления протестных настроений офицерам был предоставлен широкий комплекс различного рода льгот. Среди командного состава наряду с арабами появились и берберы, которые стали назначаться даже на высшие командные должности. Самым важным критерием продвижения по службе стала личная преданность правящему режиму.

Наиболее серьезным испытанием для королевской армии стал продолжавшийся 16 лет (вплоть до 1991 г.) вооруженный конфликт в Западной Сахаре. Это привело к значительному увеличению численности ВС и росту бюджетных расходов. Как следст-

вие, в настоящее время достаточно многочисленная (свыше 200 тыс. военнослужащих) марокканская армия считается в Африке подготовленной на высоком уровне. Воинская служба хорошо оплачивается и является весьма престижной ввиду социальной защищенности и устойчивых военных традиций среди марокканцев. Однако рядовой и сержантский состав, а также некоторая часть офицеров королевской армии находятся под влиянием исламистов. Об этом свидетельствует предпринятая в мае 1991 г. при участии военных попытка государственного переворота, за которой последовала масштабная чистка в войсках.

Марокканская армия не играет заметной роли в политической жизни страны. В целом она сохраняет верность монархическому режиму. Однако нет уверенности, что армия готова к подавлению массовых акций протеста, особенно под исламистскими лозунгами. Следовательно, и этой армии характерна некоторая двойственность.

* * *

Таким образом, в большинстве государств Северной Африки армия выполняет двойственную роль. С одной стороны, она является главным гарантом национального суверенитета и безопасности. Как правило (за исключением Ливии), национальные ВС пользуются авторитетом в обществе, а военная служба является престижной, дает гарантированный материальный достаток, предоставляет возможность карьерного роста и позволяет приобрести определенный статус в обществе.

Исторически военные в этом регионе занимали особое положение, оказывая порой определяющее влияние на принятие важнейших решений внешней и внутренней политики страны, что приводило к политизации армии, активно участвовавшей в различных государственных и военных переворотах. Наиболее характерно это для Мавритании, как бы застывшей в 1960-х годах. Во всех остальных государствах, включая Египет и Алжир, командный состав старается минимизировать свое участие в политической жизни. Еще более критично в армии относятся к подавлению массовых акций протеста собственного народа, не желая становиться между властью и обществом. Такая двойственность, по-видимому, характерна и для других неспокойных регионов земного шара.

«Триединство. Россия перед близким Востоком и недалеким Западом», М., 2011 г., с. 115–143.

**Т. Джакоби,
Манчестерский университет (Великобритания)
«МУСУЛЬМАНСКАЯ УГРОЗА», НАСИЛИЕ
И ДЕПОЛИТИЗИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
«НОВОГО КУЛЬТУРАЛИЗМА»***

Автор критически рассматривает широко распространившееся в настоящее время представление о том, что политическое насилие может быть объяснено некой причиной, лежащей вне политического поля, а именно врожденной человеческой склонностью к агрессии, более присущей одним людям по сравнению с другими. Именно это воззрение, внедренное в массовое сознание в связи с балканскими событиями в 90-е годы, теперь используется для того, чтобы продемонстрировать якобы изначально зловредную природу ислама. «Под воздействием предполагаемой бесмысленности так называемых «новых форм военных действий», ведущихся где-то за семью морями, и все более бросающейся в глаза «религиозности» мусульманской активности как у себя дома, так и за рубежом, фокус в поиске причин данной активности сместился от политической мотивации к подчеркиванию роли, которую играют культура, идеология и представления атавистического характера».

С окончанием «холодной войны» термин «культура» стал использоваться все чаще, насыщаясь политическим смыслом. Каждая культура, согласно данной точке зрения, имеет некую только ей присущую природу, которая и определяет стиль политического поведения ее представителей. Таким образом, оказывается, что не рыночный характер экономики и не демократическое государственное устройство являются главными причинами миролюбия, как это широковещательно внушалось прежде, – а некие культурные особенности, которым неведомым образом удалось превратиться в своего рода вторую природу того или иного социума. Подобные представления стало модным подтверждать «эволюционистскими нарративами» – попытками представить социальную жизнь логическим продолжением биологии в чистом виде (с якобы присущим последней «выживанием сильнейших»). «Эволюционистские нарративы – наряду с теми задатками генети-

* Jacoby T. The «Muslim menace», violence and the de-politicising elements of the new culturalism // J. of Muslim minority affairs. – Abingdon, 2010, Vol. 30, N 2. – P. 167–181.

ческого и расового характера, которыми они наделяют людей, – используются с тем, чтобы... подтвердить тезис о якобы определяющем влиянии врожденных факторов на то, какие отношения складываются у человека с его окружением. Таким образом, создается впечатление, что существуют никоим образом не поддающиеся изменению культурные особенности. Одним из наиболее впечатляющих примеров последних является... терроризм». Так, например, согласно П. Ван Ден Бергу, причины эволюционного характера объясняют склонность людей формировать сообщества по принципу исключения чужаков (так называемая «теория этнического непотизма»), что и служит основой политической конкуренции, причем последняя отличается особой жестокостью там, где этническое разнообразие особенно велико (например, в Африке южнее Сахары). Религиозные культуры, способствующие объединению социума, лишь прикрывают подлинные – биологические – мотивы насилия и легитимируют природную по своей сути агрессию, придавая ей идеологический характер.

Развивая тезис о генетической удаленности этнических групп одна от другой как об основном факторе, способствующем росту конфликтности, другой автор, Т. Ванханен, выдвигает тезис, гласящий, что рост насилия в этнически гомогенных обществах Западной Европы обусловлен иммиграцией из беднейших стран мира (т.е. этничность подменяется уровнем благосостояния в подобных рассуждениях). «Таким образом, шовинистские предрасудки преподносятся аудитории как вполне понятные опасения насчет инородцев... Препятствием на пути перерождения нашего якобы врожденного недоверия к чужаку в открытое насилие к последнему является, согласно этой теории, лишь индивидуальная оценка пяти “маркеров узнаваемости”: физического облика, происхождения, языка, исторической родины и религиозной принадлежности. Поскольку таковые якобы служат преградой на пути возникновения конфликта, гетерогенные сообщества... предсказуемо оказываются более подверженными напряженности в отношениях между людьми...»

Подобные наблюдения на удивление быстро подхватывают журналисты и политики, превращая их в идеологическую основу для принятия решений. Так, Дж. Тейлор, влиятельный журналист и директор «New century foundation», выступающий под псевдонимом «Томас Джексон», призывает извлечь надлежащие уроки из теории Ванханена – прежде всего, тот урок, что поощрение иммиграции лишь сеет семена конфликта. О том, сколь далеки данные

взгляды от реальности, говорит хотя бы тот факт, что «конфликт – пропорционально ко всей совокупности отношений между людьми – встречается не столь уж часто. Хотя споры между людьми возникают с высокой степенью регулярности, однако агрессивное поведение для большинства из их числа – нечто непривычное, а насилие – еще более редкое явление. В самом деле... во всех странах света больше времени тратится на просмотр телепрограмм, чем на выяснение отношений, однако по какой-то неведомой причине сия особенность человеческого поведения никем не рассматривается как от природы данная склонность».

Похожие тенденции дают о себе знать и на международном уровне – в частности, в попытках выстроить иерархию государств, зачислив некоторые из них в группу склонных к хаосу и насилию (как во внутренней, так и во внешней политике). Таким образом, якобы наличествующие у них имманентные свойства просто не позволяют им вести себя каким-либо иным образом. Абсурдность подобных утверждений ясна каждому мало-мальски знакомому с историей человеку. Так, согласно Ванханену, Эстония и Канада – с их этническим разнообразием – были бы должны в два раза чаще, чем, например, Алжир или Эль Сальвадор, вступать в периоды беспорядков и гражданских войн. На деле конфликтность / воинственность тех или иных обществ объясняется иными причинами и дает о себе знать весьма неожиданно – как это было со Швецией в IX и XVII вв. Несмотря на все возрастающее увеличение населения Земли, большинство стран за последние несколько веков все же тяготели к миролюбию, и война для них превращалась (в процентном соотношении) во все более редкое явление по сравнению с прошлыми временами.

Отдельный вопрос вызывает постулируемое понятие «человеческая природа», которой, согласно Ванханену, внутренне присущи агрессивность и насилие политического характера. «Значение этого клише едва ли может рассматриваться как самоочевидное; несмотря на то что оно используется часто, мало кто пытается дать ему определение... Что, помимо насилия, можно было бы отнести к специфическим чертам человеческой природы? Заразные заболевания, эпидемии, засуху, например, можно рассматривать как “природные” явления, а гомосексуализм, иммунизацию, мир между народами, одежду... и бескорыстность – как нечто “противоестественное”... Кроме того, человеческое и природное также связаны между собой совсем не однозначным образом... ведь мы как вид уникальны в том, что касается нашей способности

преодолевать императивы, по-видимому, носящие чисто эволюционный характер. Как ни одно другое животное, мы можем подавлять – вплоть до смерти – нашу потребность в пище и сознательно отказываться от... продолжения рода».

Еще один миф, создаваемый этой теорией, – тезис о культурной предрасположенности одних народов к миру, а других – к войне. Раз капиталистическая экономика и демократическое государственное устройство непредставимы без тех ценностей морального порядка, которыми обладали люди, их создававшие, то насилие джихадистов – по Ванханену – связано с тем, что идеология тех стран, откуда они родом, более склонна к воинственным обертонам, навязыванию своей позиции, пренебрежению к достижениям других культур. Таким образом, одни культуры исторически обречены развиваться в сторону универсализма и прогресса, а другие – воспроизводить партикуляризм и недоразвитость.

Логика фундаментальной несовместимости культур, обнаруженная С. Хантингтоном, с неизбежностью приводит к столкновению, которое по определению должно быть столкновением систем ценностей, носить культурный характер. Блоки с несогласующимися между собой системами ценностей (западный, конфуцианский, японский, индийский, славянско-православный, исламский, африканский и латино-американский) едва ли способны избежать конфликтов. Наиболее вероятным, по Хантингтону, противником Запада является мусульманский мир. Идентичность смертников, совершивших теракты 11 сентября 2001 г. (с которой, как показывает полицейское расследование, пока далеко до полной ясности, но Хантингтона такие «мелочи» не смущают), для публики послужила блестящим подтверждением его гипотезы, и его книга – дотоле высмеиваемая – в мгновение ока стала бестселлером. «Таким образом, насилие, чинимое террористами, изображается и анализируется не как часть политической в своей основе борьбы – что и является главной темой их коммюнике, – но как продукт мировоззрения, окоченевшего в своей неискоренимой враждебности, а оно, в свою очередь, – не что иное, как логическое продолжение врожденной агрессивности “чуждых Западу инородцев”. Среди последних мусульмане рассматриваются в настоящее время как наименее склонные признать “естественный характер” лидерства Запада». В такой перспективе борьба мусульман представляется абсолютно иррациональной – ведь она не продиктована конкретными, реализуемыми соображениями и не имеет внятных целей, являясь по сути инстинктивным отторжением секулярной,

научной, рациональной и коммерческой цивилизации Запада, стремлением унизить и опорочить ее.

Идеологическим оформлением данного стремления исламу было суждено стать в силу изначально заложенного в этой религии общинного духа и ее обращенности в прошлое. Наилучшим подтверждением такой интерпретации ислама и стала деятельность «Аль-Каиды»; последнюю изображают не столько как группу вооруженных активистов-профессионалов, сколько как сообщество идеологов, сделавших новый шаг в развитии ислама. Адепты этой версии не желают принимать в расчет тот факт, что для большинства мусульман «Аль-Каида» – маргиналы и еретики. Как это обычно происходит при создании образа врага, мусульман адепты подобной «культурологии» изображают необразованными, нездоровыми и не соблюдающими норм элементарной гигиены людьми, которые тем не менее задались утопической целью исламизировать Запад. «Аль-Каида», таким образом, – авангард значительных сил (их «масштабы» легко представит себе воспаленное мышление, обработанное «новым культурализмом»). «Для авторов... подобных Марку Сэйджману из “Foreign research institute” – американского экспертного сообщества консервативного толка, задавшегося целью способствовать тому, чтобы прорывы в научной сфере влияли на принятие политических решений, которые бы обеспечивали национальные интересы США, – “Аль-Каида” лишь часть более обширного социального движения, направленного на возрождение влияния религии». Влияние данных идей на вполне реальную политику подтверждает заявление Дж. Буша о том, что мусульманские экстремисты ставят своей целью «навязать миру мрачное мировоззрение, в соответствии с которым любое идакомыслие должно быть подавлено; каждый будет жить в бесцветном единобразии... женщины станут сечь, а детей – воспитывать в духе ненависти, убийства и самоубийства».

Это – как и многие другие заявления западных лидеров – свидетельствует о сдвиге от субъективистского принятия собственных заявлений террористов (о «попранной справедливости» и т.д.) к объективистскому приписыванию всему мусульманскому миру врожденной ненависти к Западу (олицетворяющему все «нормальное и доброе»), – причем как первое, так и второе в равной мере далеко от действительности и не подтверждено никакими серьезными научными исследованиями; и стало возможным создание мифа об «Аль-Каиде» как о некой внутренне согласованной и иерархической организации, опирающейся на поддержку акти-

вистов во всем мире и на сочувствие около 400 млн. мусульман, в том числе и в самих странах Запада. Раздуванию исламофобской истерии способствует и снижение рождаемости на Западе, что позволяет весьма активной когорте авторов во главе с Хантингтоном грозить доверчивой аудитории неизбежным разрушением западной цивилизации, если не будут приняты жесткие меры, способные предотвратить «мусульманскую угрозу». Нечто подобное в США уже имело место по отношению к афроамериканцам – в 20–30-е годы, когда Ку-клукс-клан насчитывал более 3 млн. человек.

«Исламский интернационал» представляется адептам «нового культурализма» особенно опасным еще и потому, что в отличие от прежних случаев массовой истерии (по поводу «желтой угрозы», испаноговорящих наркогангстеров, «отемнокоживания» всей планеты и тому подобных вещей) мусульманские террористы часто являются обращенцами из числа коренных жителей Запада, и по внешним признакам их распознать не представляется возможным. Из этого делается вывод о необходимости жестких мер, – например, «превентивного задержания» адептов действительно многочисленных – особенно в США – ваххабитских и шиитских шейхов. Некоторые особо рьяные идеологи выдвигают задачу «полного уничтожения ислама как идеи, идеала и религии» – только так можно было бы устраниТЬ корень «враждебной инаковости», которая теперь заключается уже не в том, что ты по-другому выглядишь или говоришь, а в том, что ты по-другому думаешь, пребывая в иной системе ментальных координат. Весьма печально, что стремление затушевать политический характер конфликтов охотно подхватывают средства массовой информации, где уже стали привычными разговоры о борьбе архаики против современности, варваров против культурных людей. Аудиторию подводят к мысли о том, что политические и дипломатические методы более не являются эффективными, ведь враждебность носит тотальный характер.

Данная деполитизация едва ли носит случайный характер. «Воззрение на общество, согласно которому оно состоит из имманентно различных элементов, которые не сталкиваются друг с другом лишь благодаря силовым действиям централизованных властей, способствует укреплению позиций и системы ценностей существующих элит. Чтобы обосновать этот “дискурс оппозиций”, поневоле приходится игнорировать тот факт, что политические ценности в огромном числе обществ обладают поразительным сходством. То обстоятельство, что внутригрупповое насилие

встречается чаще, чем межгрупповое... подменяется мифом о единой сплоченной нации, и это делают те... кому выгодно изображать разнообразие как нечто, неизбежно ведущее к конфликту... “Новый культурализм” всячески пытается протащить представление о том, что насилию “чужаков” можно должным образом противостоять лишь при помощи развитых служб безопасности...» (с. 176). Благодаря всем этим хитросплетениям и подменам адепты этой теории по сути возрождают расистскую теорию, лишь заменив старые категории (иерархия, превосходство и т.д.) более «политически корректными», например, «культурными различиями», которые, как нас пытаются убедить, и являются «корнем зла».

Реферат подготовил К.Б. Демидов
«Востоковедение и африканистика:
РЖ ИИОН РАН», М., 2011, № 4, с. 24–31.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 8 (242)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 5/VII-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 11,8
Тираж 500 экз. Заказ № 113

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

